

In nomine patris et spiritus sancti

Историко-экономическая эвристика
(теоретико-методологические проблемы)

Монография
для аспирантов, докторантов, молодых ученых, студентов

Одеса
2008

Одесский государственный экономический университет
Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова

Н.А.Уперенко, Э.А.Кузнецов

Историко-экономическая эвристика
(теоретико-методологические проблемы)

Одесса
2008

Под редакцией доктора экономических наук, профессора Уперенко Н.А.

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор ***В.Р. Кучеренко,***

доктор экономических наук, профессор ***А.Г. Ахламов***

Печатается по решению ученого совета Одесского национального университета имени И.И.Мечникова

Историко-экономическая эвристика (теоретико-методологические проблемы). Монография.

Н.А.Уперенко, Э.А.Кузнецов

В предлагаемой монографии рассматриваются теоретико-методологические проблемы формирующейся историко-экономической эвристики.

Работа рассчитана на аспирантов, докторантов, молодых ученых, а также студентов, активно участвующих в научном поиске.

Предисловие

Современная экономическая история, история экономической мысли и экономическая теория находятся в состоянии глубокого методологического кризиса. Он возник на пересечении целого ряда негативных тенденций. Самой масштабной и деструктивной из них была тенденция недооценки научного принципа развития. Именно слабый уровень интеграции данного принципа в перечисленных науках является главной причиной кризиса. В этих условиях, с усложнением структуры, динамики и взаимосвязей социально-экономических систем, подсистем, процессов и явлений, разрыв между экономической действительностью и ее теоретическим отражением стал постоянно увеличиваться. Пустое теоретизирование, по меткому выражению М. Блауга, превратилось в отвратительную, губительную для науки забаву. Ситуация продолжает осложняться и в наши дни. Отсюда следует, что предстоящий виток интеграции научного принципа развития в системе экономических знаний является особо актуальной крупномасштабной, междисциплинарной проблемой. Участие в ее коллективном решении могут принять также экономисты-историки. Известно, что в содержании их науки – экономической истории – произошли существенные перемены, вызванные достижениями американской, французской и немецкой историко-экономических школ.

Не случайно интерес к ней со стороны экономистов-теоретиков существенно возрос и засвидетельствован в работах таких выдающихся ученых, как Д. Хикс, Д. Норт, М. Фридмен и др. На этой основе четче определились ее междисциплинарно-эвристические и прикладные функции:

- обобщение и творческая модификация историко-экономического опыта в интересах современной экономической теории, методологии исследований и хозяйственной практики;
- обоснование, критика, проверка и определение границ действенности экономических доктрин;
- обеспечение процессов принятия общегосударственных, отраслевых, региональных и корпоративных решений специально подготовленной историко-экономической информацией;
- повышение культуры современного экономического мышления.

Необходимость теоретико-методологической разработки и реализации этих функций, а также уточнение предмета и метода экономической истории превращают ее именно в то звено системы экономических знаний, с которого начинаются пересмотр и совершенствование устаревших представлений о развитии. При этом, решая собственные проблемы, она одновременно может стать и постоянным стимулятором формирования инновационных идей в других экономических науках. Но исполнение этой роли требует соответствующего теоретико-методологического обеспечения.

Последнее, по мнению авторов, должно разрабатываться в рамках специального, междисциплинарно-ориентированного раздела истории экономики - историко-экономической эвристики. Начальным проблемам этого инновационного образования и посвящена настоящая экспериментальная работа. Авторы адресуют ее докторантам, аспирантам, молодым ученым, студентам в надежде, что они продолжат их поиск и добьются неизмеримо больших, потрясающих научных результатов.

Глава 1

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭВРИСТИКА: НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И ФОРМИРУЮЩАЯ НАУКА

Историко-экономическая эвристика – новое направление поисково-прикладных исследований, нацеленных на инновационное решение актуальных историко-экономических, теоретических, методологических и практических проблем, на основе интеграции знаний, представлений об инверсионности социально-экономического развития, инверсионного моделирования и проектирования, кластерно-модульных и других эвристически-познавательных приемов. Формирование данного раздела истории экономики вызвано рядом объективных причин. Наиболее существенные из них следующие:

1. Усиление интеграции в развивающихся социально-экономических системах, требующее повышения уровня взаимопроникновения знаний в экономических науках и образования специализированных звеньев, стимулирующих этот процесс.
2. Нарастание инновационных тенденций в современном производстве, предполагающее аналогичные явления в науках, которые его изучают.
3. Инверсионный характер процесса экономического развития требует интеграции понятия инверсионности и использования инверсионных приемов в теории и исследовательской практике экономических наук, включая экономическую историю.
4. Превращение постиндустриальных экономик в экономики знаний, усиление конкуренции, в том числе – конкуренции мозговых центров корпораций, научных коллективов, управленческих структур, выдвигающее на первый план задачу более широкого использования и совершенствования эвристических форм мышления.
5. Накопившиеся историко-экономические и междисциплинарные проблемы (углубление трактовки процесса развития социально-экономических систем, институтов, роли духовной составляющей экономического роста и др.), которые могут получить ускоренное и эффективное решение только в рамках специализированных эвристических исследований.
6. Необходимость разработки технологий практического приложения гуманитарных знаний.

Идея осуществления эвристических разработок историко-экономического характера возникла в Одесском государственном экономическом университете [1]. Уже в начальный период ее освоения стало ясно, что продвижение в этом направлении требует существенных новшеств в экономической истории как науке: совершенствования представлений о предмете и методе, о процессе развития, о методологическом инструментарии и др. Одновременно в ближайшей к нам историко-экономической действительности вырисовался ряд проблем, значительно усиливших актуальность возникшей идеи. Существенно активизировались инновационные процессы в странах Европейского Союза и

экономические преобразования в странах СНГ. При этом, несмотря на различия социально-экономических условий в обоих сообществах, время от времени наблюдались инверсионные превращения позитивных мероприятий в негативные последствия. Это выдвинуло на первый план задачу изучения особенностей и закономерностей качественных инверсионных изменений в метасистемах, системах, подсистемах, структурах, процессах и явлениях. Встала проблема осознания роли и взаимосвязей инверсионных качественных изменений в комплексе: экономическая действительность – экономическое мышление – экономические знания. Обнаружилась и необходимость рассмотрения этого комплекса как образования кластерного типа, в котором инновационные изменения в каждом звене оказывают соответствующее воздействие на все остальные звенья. Качественная неоднородность экономической действительности, на которую указывал Ж. Сапир [2], обернулась качественными особенностями внутрисистемного поля инверсионных изменений, остающихся, в основном, за пределами современной экономической мысли. Вся эта проблематика, естественно, далеко выходит за пределы складывающегося историко-экономического направления исследований и требует специального теоретического осмысления в рамках инновационно направленной по отношению к другим экономическим дисциплинам самостоятельной системы знаний.

Но поскольку, в той или иной мере, указанная проблематика все же рассматривается в ходе историко-эвристических исследований, то они непосредственно связаны с постепенным формированием этой науки. По своему содержанию она будет теоретико-прикладной историко-экономической эвристикой. Предмет ее познания уже определился. Историко-экономическая эвристика, интегрируя экономические знания и эвристические приемы, исследует инверсионные изменения в историко-экономических системах, подсистемах, структурах, процессах, явлениях, знаниях с одновременной трансформацией результатов в теорию, методологию, инновационно-прикладную технологию истории экономики и других экономических наук. Она представляет собой инновационную сердцевину экономической истории и нацелена на продуцирование нестандартных исследований, идей, приемов и знаний. В то же время предмет ее исследования – инверсионные изменения, характеризующие внутренние механизмы процесса развития, - носит междисциплинарный характер. Взаимосвязь нового направления исследований и формирующейся науки прослеживается уже сегодня. Поэтому, с определенной долей уверенности, мы можем сказать, что в структуру теоретико-методологических основ историко-экономической эвристики входят следующие составляющие:

1. Аксиоматические установки, образующие ее теоретическое ядро.
2. Основные научные принципы, которыми руководствуются исследователи.
3. Трактовка предмета и метода исследования.
4. Представление об инноваторской роли исследователя.
5. Новый методологический инструментарий.
6. Целевые функции историко-эвристических исследований.

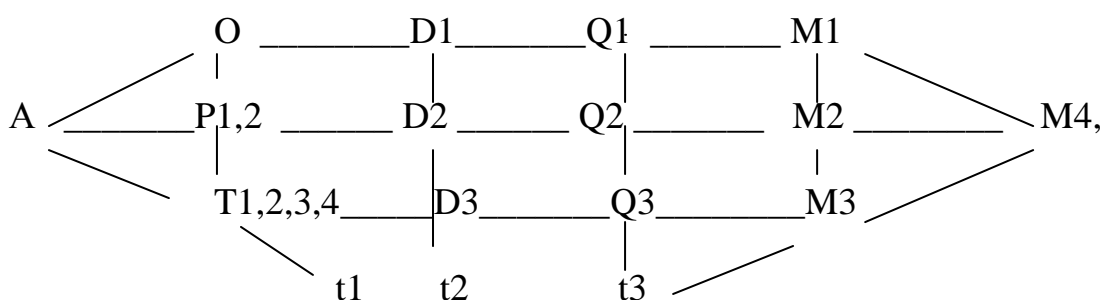
Теоретическое ядро эвристики образует современное научное понимание развивающейся системы общественного производства, уровнево-сетевого характера внутрисистемных качественных изменений, перехода значительной части явлений в процессы, а процессов – в поля. Инновационной сердцевинной теории является представление об инверсионности процесса экономического развития, об инверсии как основном механизме качественных перемен. Сюда же следует отнести концепцию духовной составляющей экономического развития, включающую понятие духовных производительных сил общества, организации, семьи, личности. К основным познавательным принципам эвристики, кроме традиционных (объективность рассмотрения, изучение связей и отношений, познание объекта в развитии и др.), относятся:

- 1) единство научно-поисковой, теоретико-методологической и практической направленности исследования;
- 2) междисциплинарно-интеграционная ориентация познания;
- 3) инновационность, включающая поиск, постановку и новаторские решения проблем;
- 4) гуманистическая направленность исследовательско-поискового процесса, реализуемая путем углубленного изучения качественных изменений личности, духовных производительных сил, институтов в системе общественного производства;
- 5) исследование долгосрочных творческих взаимосвязей экономической истории и экономической теории, их влияния на содержание, интеграцию этих наук и формирование историко-экономической эвристики.

Реализация принципов и потенциальных возможностей историко-экономической эвристики обеспечивает новое понимание предмета и метода экономической истории. Подчеркнем сначала следующее: акцент эвристики на инверсионности процесса развития актуализирует эту проблему и выдвигает на первый план представление об экономике как развивающейся системе. Против этого, казалось бы, никто не возражает. Но в учебной историко-экономической литературе это представление остается не интегрированным. Предмет экономической истории трактуется, в основном, следующим образом: экономическая история изучает деятельность отдельных народов и государств во всех отраслях и сферах хозяйства. При всей прозрачности определения оно имеет существенные недостатки:

- а) предмет исследования не дается в целостности. Кроме того, не ясно, что же исследуется: «деятельность народов», отдельные отрасли или система хозяйства? В этой ситуации предмет остается расплывчатым с точки зрения его структурно-функциональных основ и механизмов развития;
- б) в определении отсутствует одно из важнейших понятий экономической истории – понятие развития производства;
- в) не интегрируются также научные положения общей экономической теории об общественном производстве;
- г) расплывчатая трактовка предмета приводит к нечеткости и разрозненности в понимании метода.

Поэтому правильной, на наш взгляд, будет следующий вариант определения, устраняющий перечисленные недостатки: экономическая история изучает процесс развития системы общественного производства различных народов и государств в определенные исторические периоды. Эта система включает целый ряд составляющих, в частности – территориальный компонент с его природно-географическими особенностями, ресурсами и экологическим состоянием, демографический компонент (половозрастная структура, физическое состояние населения, уровень жизни, образования, производительности труда, отрасли и сферы материального производства, включая их материально-техническую базу, социально-экономические институты: рынок, кредитно-денежная система, государство, право, защита собственности и др.). Развитие отрасли в такой системе можно исследовать на основе графической модели:

где А – отраслевая наука; О – орудия труда; Р – предметы труда; Р1 – технологии; Р2 – снабжение; Т1 – трудовые ресурсы; Т2 – условия, организация, производительность и качество труда; Т3 – духовные производительные силы участника производства (знания, мышление, чувства, навыки, умения, опыт, система моральных ценностей и предпочтений и др.); Т4 – социальные явления и процессы в отрасли; D1 – технико-экономические отношения (специализация, кооперация, комбинирование, уровень концентрации производства); D2 - организационно-экономические отношения (управление, маркетинг, конкурентоспособность); D3 – социально-экономические отношения; Q1 – валовой выпуск продукции в денежном выражении; Q2 – качественные показатели развития отрасли (себестоимость продукции, качество, цены); M1 система внутриотраслевых, внеотраслевых институциональных организаций, влияющих на развитие отрасли; M2 – внутренний рынок; M3 – внешний рынок; M4 – мировые технико-технологические социально-экономические и экологические мегатенденции, влияющие на развитие отрасли.

Уже сказанное о предмете свидетельствует о том, что его понимание в идеале должно основываться на интеграции знаний экономической истории, общей экономической теории, общей теории систем, философского аспекта теории развития и теории отраслевых наук. До такого конвергентного уровня еще очень далеко. Тем не менее уже сегодня понимание теории экономической

истории должно опираться на доступный уровень интеграции перечисленных знаний и, в первую очередь, на представление о системности хозяйства и присущих ему экономических механизмов, законов и закономерностей развития. Свой вклад в формирование теории и, в частности теории развития хозяйства, вносит и экономическая история. Это одна из главных функций ее исследовательско-прикладного раздела – историко-экономической эвристики. Общим и основополагающим в понимании предмета экономической истории и эвристики является представление о динамической социально-экономической системе, а сердцевиной понимания последней – понятие развития. Но теория предмета, как известно, это основа его метода. В данном случае именно теория развития является одним из главных звеньев их взаимосвязи. Точнее, она входит и в структуру предмета и в структуру метода. Следует отметить, что трактовка последнего в экономической истории не отличалась четкостью и тяготела к разрозненному перечню методологических средств. Сегодня необходимо пересилить эту ситуацию. Системности предмета должна соответствовать системность метода. Постоянное расширение взаимосвязей в системе общественного производства требует усиления интеграции составных элементов метода. В настоящее время в его структуру входят:

- а) методологические установки общей теории систем;
- б) методологические установки философии (в первую очередь – положения, касающиеся методов и форм познания, а также трактовки процесса развития);
- в) методологические установки общей экономической теории и отраслевых наук;
- г) общенаучные методы (моделирование, математико-статистические методы);
- д) методы самой экономической истории (сбор, классификация, анализ фактов, сравнительные исследования, изучение долгосрочных процессов, ежедневности и т.д.);
- е) методы историко-экономической эвристики (инверсионные приемы, моделирование инверсий, матрицы инверсионного профиля, умственный эксперимент, мозговой штурм, составление и анализ витограмм, поисково-исследовательские модели и т.д.)

Предмет и метод экономической истории и эвристики подвижны. Они могут и должны совершенствоваться и «обмениваться» содержанием, усиливая друг друга. Новая, активно-инновационная роль в этом процессе принадлежит исследователю.

В ходе познания он должен выполнять функцию интегратора знаний других наук, разрабатывать самостоятельные положения, дополняющие теории, конструировать новые методологические приемы, выдвигать инновационные идеи, искать выходы в социально-экономическую практику. Он включен в систему кластерно-модульного типа (предмет – метод – исследователь – когнитивный продукт исследования – практика), где каждый из элементов призван способствовать совершенствованию всех остальных. Кластерно-модульная структура одновременно является и программой исследовательских действий и методологической установкой на поиск и разработку новых приемов реализации открывающихся возможностей. В этих

условиях исследователь просто обязан стать новатором. Требования к его духовным производительным силам (знаниям, мышлению, чувствам, умениям, навыкам, опыту, таланту, моральным характеристикам и ценностям) существенно возрастают. Поэтому в условиях кластерно-модульного подхода в структуру каждого эвристического исследования должны входить результаты самооценки или экспертной оценки его духовного потенциала и связанных с ним исследовательских возможностей модульного подхода. Такая ревизия может способствовать самомобилизации, повышению ответственности и постоянному совершенствованию познавательной деятельности. В связи с инновационной направленностью поиска особое значение в процессе самореализации способностей приобретает уровень дивергентности (многовариантности) и эвристичности мышления, а также навыки конструирования поисковых моделей. Уже существующие и предложенные в этой работе эвристические приемы и модели не являются окончательными. Необходима постоянная работа по их совершенствованию и обогащению. Параллельной задачей является также разработка комбинаторики эвристических приемов как нетрадиционного способа получения новых знаний, оценки историко-экономических явлений, процессов и конструирования оригинальных вариантов преобразования социально-экономической действительности. Решение этих и целого ряда других задач достигается в ходе практической реализации целевых, инновационных функций эвристики. Их структура включает:

1. Углубленное исследование процесса развития с одновременным совершенствованием методологии познания и теории развивающихся социально-экономических систем.
2. Дальнейшую трансформацию научного принципа развития в экономическую историю и другие экономические науки.
3. Обоснование, проверку и определение границ действия экономических теорий.
4. Разработку эффективных вариантов модификации историко-экономического опыта.
5. Поиск резервов роста хозяйственных систем, подсистем, структур и процессов.
6. Обеспечение управленческих систем необходимой историко-экономической информацией с целью ее учета в ходе решения социально-экономических задач.
7. Освещение роли духовной составляющей экономического развития, разработку, в необходимых случаях, витограмм личности, семьи, организации.
8. Усиление интеграции знаний.
9. Выдвижение инновационных идей и постановку междисциплинарных методологических проблем.
10. Содействие формированию историко-экономической антропологии и в ее рамках историко-экономического мониторинга развития человека.
11. Содействие формированию эвристического мышления и эвристик в других экономических науках, управлении и праве.

12. Исследование взаимосвязей духовных производительных сил общества (включая менталитет) с институциональной системой.

13. Изучение взаимосвязей динамической социально-экономической системы с окружающей средой.

14. Изучение долгосрочных взаимосвязей экономической истории и экономической теории в целях углубления их научного содержания и совершенствования методологии исследований.

Целевые функции историко-экономической эвристики чаще всего реализуются в ходе решения проблем, возникших на «стыках» общественного производства, теории экономических наук, методологии научных исследований и специфических особенностей современного экономического мышления. Для иллюстрации ее возможностей рассмотрим некоторые из них. Известно, что развитые хозяйственные системы все больше усложняются. Стремительно повышается роль знаний. Нарастают скорости перемен. Возникают их новые формы. Но отражение этих процессов в экономических науках существенно отстает. Во многих из них отсутствует даже понятие качественных изменений и представление об их связи с процессом развития. Трактовка же самого развития сводится или к малоубедительным теориям экономического роста, или к упрощенно-линейным представлениям о поэтапном движении экономических систем. По существу, в современных экономических науках общепринятое научное понимание этой категории отсутствует. Их теории лишены методологической сердцевины – научного принципа развития. Не менее важно и следующее: если систематические инновации стали неотъемлемой чертой современного производства, то этого нельзя сказать о современных экономических науках. Не удивительно, что прогресс в этой области знаний существенно затруднен. Такие тревожные сигналы заставляют нас искать выход из сложившейся ситуации. В процессе поиска возникает естественный вопрос: какая из наук стоит ближе всего к проблеме развития? Ответ напрашивается сам собой: это экономическая история. Ее прямая задача – исследование процесса развития общественного производства. Но и для нее, несмотря на частичную интеграцию теорий экономического роста, проблема углубления трактовки экономического развития является особо острой. Линейно-описательный, регистрационный подход преобладает и здесь. Внутрисистемные механизмы качественных изменений исследуются слабо. Методологический аспект понятия «развитие» не разработан. Естественно, что именно с этой науки и следует начинать решение рассматриваемой междисциплинарной проблемы. Безусловно, задача очень сложная. Тем более, что вопрос в такой плоскости, за редкими исключениями, в экономической истории не ставился. Подходящие предварительные разработки отсутствуют. Ситуацию усложняет также необходимость соединения исследовательского поиска с одновременной, широкой интеграцией знаний других наук, совершенствованием теории процесса развития и методологии его познания. Все это еще раз напоминает о том, что в истории экономики должен быть создан специальный поисковый раздел исследований – историко-экономическая эвристика. Ее название определяется

не только поисковой направленностью, но, главным образом, тем, что в предмет ее изучения, как будет сказано дальше, входит присущая процессу развития инверсионность. То есть последняя является неотъемлемой частью экономической действительности, из этого следует, что инверсионно-эвристические приемы следует включить и в структуру метода ее познания. Постоянное расширение и совершенствование методологического инструментария вместе с интеграцией знаний и творческой активностью исследователя и должны обеспечить решение сложного комплекса задач, стоящих перед эвристикой. Надо думать, что с помощью этого исследовательско-поискового раздела экономическая история не только решит свои дисциплинарные проблемы, но станет полноправным проводником научного принципа развития в системе экономических знаний. Сочетание внешних, итоговых характеристик развития с выяснением внутренних механизмов качественных изменений даст более детальную картину экономической динамики, включая вызревание внутрисистемных превращений, напластований, случайностей; обогатится теория развития экономических систем, методология исследований. На этой основе расширятся творческие связи экономической истории с другими экономическими науками. Станет возможным, в частности, и переход к новому этапу взаимосвязей с экономической теорией. Роль историко-экономических знаний в развитии теории неоднократно подчеркивали ее виднейшие представители [3]. Д.М. Кейнс отмечал, что история экономики обеспечивает проверку экономических теорий, иллюстрирует их положения, является философией экономического развития. У. Ростоу считал, что эта наука детализирует экономические модели, обеспечивает информацию для теоретических выводов. К. Эрроу полагал, что историко-экономические знания могут выполнять функции проверки теоретических гипотез, определения границ действительности экономических теорий, объяснения различий в темпах экономического роста и содержания социальных институтов. Г. Райт заявлял, что хорошие экономические концепции должны иметь историко-экономическое обоснование. У. Паркер, в свою очередь, указывал, что экономическая история является полигоном проверки правильности экономических теорий, помогает избежать ошибок прошлого, активизирует работу теоретиков. Следует отметить, однако, что специальных, фундаментальных работ, характеризующих творческие, долгосрочные взаимосвязи экономической истории и экономической теории до последнего времени, практически, не было. Три известные нам работы (Р. Имменкеттера, К. Менгера и П. Струве) посвящены общим проблемам взаимосвязей [4]. Восполнение этого пробела также связано с формирующейся историко-экономической эвристикой. Исследование долгосрочного процесса творческих взаимосвязей рассматриваемых наук призвано выявить эвристические функции историко-экономических и теоретических знаний, обогатить их инверсионными подходами, поднять методологический уровень исследований и выйти на новую ступень взаимной интеграции.

Историко-экономическая эвристика приоткрывает также еще один существенный аспект сближения этих наук. Она обнаруживает их общую проблему: углубление трактовки процесса развития социально-экономических систем, подчеркивает необходимость интеграции представлений о его инверсионности и в экономической истории и в экономической теории. Одновременно, исследуя долгосрочный процесс их творческого взаимодействия, она указывает на многообразие связей, вопреки старым представлениям, объясняющих трансформацию исторического в логическое, исключительно с помощью принципа восхождения от абстрактного к конкретному¹. Кроме того, эвристика акцентирует внимание на таком новом явлении, как превращение исторической информации в теоретические обобщения в самой экономической истории. В настоящее время оно приобретает характер тенденции. Подтверждением может служить работа Д. Хикса «Теория экономической истории» [5]. И хотя Д. Хикс делает теоретические обобщения только на основе долгосрочных процессов, игнорируя все остальные возможности, значение его опыта не умаляется. Он свидетельствует о том, что теоретические обобщения в скором времени станут обязательной частью всякого историко-экономического исследования. Начавшийся процесс дифференциации теоретического в экономической истории, безусловно, значительно приблизит ее к экономической теории. Этому же будет способствовать и новое, историко-эвристическое видение фактов. Они предстанут как изменяющиеся, стремящиеся к пределу частицы процессов и как микроэлементы общего континуума качественных изменений (поля). Аналитическая матрица качественных изменений, характеризующих логику развития хозяйственной системы, может и должна сопоставляться с их логическим воплощением в экономической теории. Одним из важнейших аспектов данного сопоставления является выяснение степени отражения реальных инверсионных процессов в теоретических концепциях и особенностей их мыслительной трансформации в логические конструкции, включая уровень использования инверсионных приемов. Одновременно историко-экономическая эвристика ориентирует на поиск новых способов определения особенностей и границ применимости теорий. Один из них, к примеру, связан с разработкой детальной ситуационной матрицы формирования теоретической концепции, отражающей влияние социально-экономических условий периода. На этой основе устанавливаются границы сохранения данной ситуации путем составления матрицы социально-экономической действительности, включающей качественно новые явления, не учитываемые ранее сложившейся теорией. Результатом этих подходов, в рамках расширения творческих связей экономической истории и экономической теории, станет регулярный критический мониторинг экономического мышления в этих науках, а также в истории экономической мысли. Устранение в результате мониторинга малопродуктивных мыслительных конструкций, интеграция новейших интеллектуальных

¹ См. гл.4 настоящей работы.

технологий и эвристических приемов будут способствовать повышению научного уровня знаний, их творческому симбиозу. Постоянным стимулятором данного процесса остается историко-экономическая эвристика, акцентирующая внимание на инверсионных явлениях и приемах. В этих условиях историко-экономическая экспертиза новых экономических идей, включая их проверку на вредность, а также экспертиза предлагаемых социально-экономических мероприятий и реформ, станет более эффективной. Одновременно ориентировка историко-экономической эвристики на исследование качественных микроизменений позволит получить упреждающую информацию о зарождающихся явлениях и процессах, выдвинуть гипотезы и предугадать сущность приближающихся проблем. В свою очередь, на основе познания маргинальных качественных изменений более широкое распространение получит историко-экономический микроанализ явлений, процессов, структур. Он также существенно расширит связи с экономической теорией. Исследования изменений в области содержания труда, мотивации, ежедневности, структуры стоимости, спроса станут использоваться в ходе теоретических разработок, а выдвинутые идеи послужат дальнейшему поиску новых интегрированных форм познания. Этому же может способствовать и применение контрфактических моделей, опробованных в свое время американским историком-экономистом Р. Фогелем. Речь идет о модифицированных вариантах этого опыта. Составляются, к примеру, модель реального развития экономического процесса, альтернативная модель его оптимального развития и модель социально-экономических и познавательных причин, вызвавших отклонения от оптимального варианта. На этой основе определяются не реализованные возможности и, в случае необходимости, разрабатываются рекомендации по корректировке процесса развития. Одно из преимуществ этого подхода состоит в том, что с его помощью выявляются ошибочные теоретические положения, а также просчеты в экономической политике. И то и другое представляет интерес и для экономической теории. Остается добавить, что комплексное использование альтернативных моделей представляет собой эвристический прием и включается в структуру формирующейся историко-экономической эвристики. Его можно модифицировать и представить в различных вариантах. Когда перед нами, к примеру, стоит задача исследования ментальных особенностей данного народа в их отношении к институтам, то в качестве альтернативных моделей могут использоваться схемы ментальных структур других народов. Это даст возможность оттенить недостатки и преимущества интересующего нас предмета исследования и определить специфику его воздействия на институциональные структуры.

На рубежах экономической истории, экономической теории и управления историко-экономическая эвристика принимает участие в решении еще одной особо злободневной задачи: углубленной интеграции человека в экономические науки. В условиях, когда знание и образование стали основой экономического роста, проблема повышения интеллектуальных способностей человека выдвинулась на первый план. Гибкие производственные системы, технополисы,

кластеры, мозговые центры транснациональных компаний требуют интеллектуалов высокого класса. Одновременно сужается сфера деятельности традиционной рабочей силы: автоматизация порождает тенденцию к безлюдному производству. И хотя сфера услуг расширяется, безработица становится для большинства угрозой. Ухудшаются общие условия существования человека. Растут информационные и эмоциональные нагрузки. Уровень накопления тяжелых металлов в организмах грозит лавинообразной мутацией всего живого. И, наконец, следующее. В ходе историко-экономического развития человек отошел от природы, превратился в домашнее животное, судьба которого – вымирание. Таким образом, вместе с технико-экономическим прогрессом и повышением уровня жизни в развитых странах мы наблюдаем все большее усложнение общей проблематики существования человека. Его будущность представляется все более и более угрожающей. Но в экономических науках, за редким исключением, эта проблематика представлена слабо. Вряд ли будет преувеличением, если мы скажем, что человек с его проблемами не представлен ни в истории экономики, ни в экономической теории, ни в управлении. Правда, в экономической теории признаются его способности приносить доход. На этой почве существует и понятие человеческого капитала. На практике сюда включаются расходы на образование, здравоохранение и мобильность участников производства. Утилитарно-ограниченный характер этого подхода, расчленяющего человека, очевиден. Все прочие проблемы игнорируются. В экономической истории рассмотрение проблематики человека ограничивается динамикой трудовых ресурсов и экономическими условиями жизни производителя. Долгосрочный процесс его изменения в технико-экономических системах не отслеживается. Происходящие с ним инверсии не исследуются. Общепринятой модели человека нет. Что он собой представляет в каждый данный период – неизвестно. Неизвестно в экономической истории, а значит, и в экономической теории и теории управления. Не зная человека, игнорируя его долгосрочные изменения, мы пишем историю и разрабатываем экономические теории, не сознавая их ущербности. Но время устранения этих парадоксальностей пришло. Решение междисциплинарной проблемы интеграции человека в экономические науки берет на себя историко-экономическая эвристика. Именно она сможет осилить главную исследовательскую задачу: на основе широкой интеграции знаний создать поисково-адаптивную модель человека и применить ее для анализа инверсионно-долгосрочных изменений. Разработке такой модели должно предшествовать выяснение ее концептуально-методологических основ. На наш взгляд, в настоящее время к ним можно отнести:

- 1) представление о системности и качественных инверсионных изменениях предмета исследования во времени;
- 2) взаимовлияние человека, окружающей социально-экономической среды и природы;
- 3) понимание многовариантности духовной организации личности и возможностей определения ее типичных черт;

4) представление о структуре духовных производительных сил личности. Последнее понятие непосредственно связано с реальными изменениями в области духовной культуры общества, прогрессирующей от традиционных форм духовного творчества (литература, искусство, музыка) к преобладанию творческих процессов в области науки, образования, управления, общественной и личной жизни. Сфера духовного действия в последние столетия существенно расширилась. В связи с этим необходимо и расширение понятия духовной культуры. В настоящее время сюда следует включать науку и образование, духовные производительные силы элиты (в том числе гражданского общества), организаций, семьи и отдельного человека. Духовные производительные силы человека (производителя, управленца, бизнесмена, ученого) представляют собой динамическую систему. В ходе историко-эвристического исследования выяснилось, что ее структура включает следующие элементы:

- 1) физическое состояние личности;
- 2) особенности ее менталитета;
- 3) материальные потребности и интересы;
- 4) духовные потребности и интересы;
- 5) мышление;
- 6) знания;
- 7) чувства;
- 8) умения, навыки, опыт, талант;
- 9) мораль, моральные ценности, отношение к труду и коллективу;
- 10) экстремальное ядро личности, интегрирующее опыт преодоления «пиковых» нагрузок в труде, мышлении, знании, чувствах, умениях и навыках, способах саморазвития, морали;
- 11) деловые качества личности как результаты инновационной деятельности ее духовной системы.

В ходе исследований каждый из перечисленных элементов системы рассматривается в противоречивости присущих ему внутренних тенденций, а также во взаимосвязях с другими составляющими и окружающей социально-экономической средой. Главной задачей эвристики является отслеживание внутренних инверсионных изменений в рассмотренном центральном блоке поисковой модели. Не менее важным является непосредственно связанный с ним блок качества жизни, включающий:

- 1) образование;
- 2) здравоохранение;
- 3) безопасность;
- 4) охрану собственности;
- 5) материальное обеспечение;
- 6) жилищно-бытовые условия;
- 7) качество семейных отношений;
- 8) структуру отдыха;
- 9) возможности творческой самореализации и степень удовлетворения трудом;
- 10) отношение к обществу, государству, другим людям;
- 11) отношение к природе, ее сохранению и воспроизводству.

Два других блока представляют собой внешние силы, воздействующие на духовную систему человека. Первый из них характеризует влияние и результаты общих социально-экономических условий, а также материальных производительных сил. В его структуру входят:

- 1) социальные условия;
- 2) условия труда;
- 3) структура труда;
- 4) влияние орудий труда и технологий на человека;
- 5) система мотивации к труду;
- 6) уровень организации и производительности труда;
- 7) заработная плата и другие формы поощрения.

Второй блок внешнего воздействия характеризует влияние духовных производительных сил общества на человека, в частности:

- 1) воздействие науки и образования в повседневной жизни;
- 2) духовных производительных сил организаций и гражданского общества;
- 3) духовных производительных сил

семьи; 4) средств массовой информации; 5) традиционной духовности (религия, элитарная и народная культура); 6) рекреационно-духовного воздействия окружающей природы. В совокупности все четыре блока и составляют исследовательско-поисковую модель человека. Она дает возможность охватить его внутренний духовный мир и внешнюю жизнедеятельность в каждый данный период времени и поэтому может быть названа витаграммой. Детализация, совершенствование и применение ее исходного варианта дадут новую информацию о человеке, а сведения, полученные на основе цепных витаграмм, позволят проследить долгосрочные качественные изменения на уровне личности, определить их направление и ожидаемые последствия. То есть рассматриваемый подход даст не только новую, но и упреждающую информацию. Он возвращает человека в экономическую историю, теорию и отраслевые экономические науки. В истории экономики на его основе в будущем может сформироваться специальная ветвь знаний – историко-экономическая антропология. В современной экономической теории уже на этом, раннем этапе, он противостоит одностороннему пониманию человеческого капитала и подтверждает мнение о том, что в структуру последнего должен войти весь комплекс духовных производительных сил человека (знания, мышление, чувства, навыки, умения, опыт, моральные установки и др.). Вместе с тем он открывает дополнительные возможности в части исследования индивидуальных мотивов деятельности, рыночного поведения личности, изменения потребностей и интересов, влияния особенностей менталитета на институты. Исследование же долгосрочных качественных изменений на уровне производителя даст возможность определить последствия негативных явлений, уровень аккумуляции отрицательной энергии и своевременно скорректировать их дальнейшее развитие. Рассматриваемый подход одновременно открывает возможность постановки ряда актуальных проблем. Одна из них – разработка методологии духовных инноваций на уровне личности, семьи, организации. В наше время это важнейший, малоиспользуемый резерв повышения самоорганизации, производительности труда и конкурентоспособности. Но в связи с этим встает и следующая проблема: обогащение индивидуального мышления. И здесь уже эвристика выходит за пределы экономических наук и обращается к логике.

По К. фон Вайцекеру, истинной является не старая, традиционная, а квантовая логика. Созданная на ее основе трехзвенная логика К. Рейхенбаха («истинно», «ложно», «неопределенно») начинается с произвольно вводимых аксиом, выражающих эмпирические физические факты. Уже в этом содержатся элементы эвристического характера. Но если мы добавим, несколько забегаая вперед, что инверсионность как одна из форм эвристического является неотъемлемой частью развития, то придем к следующему выводу: эвристическое мышление должно стать основой нашей исследовательской и практической деятельности. Его следует неустанно внедрять в учебный процесс высшей школы, вытесняя надуманные, малоэффективные способы обучения.

Витаграмма в форме адаптивно-поисковой модели нацеливает нас также на осмысление духовного фактора в развитии социально-экономических систем. Его нельзя сводить к роли науки и образования. Он должен быть представлен в форме духовных производительных сил общества и включать, как уже отмечалось, духовные производительные силы организаций, гражданского общества, семьи и личности. Такая постановка проблемы особо актуальна и с точки зрения теории и с точки зрения практики. Традиционная элитарная культура, как удачно заметил современный немецкий писатель К. Хейм, «стала чистой забавой», развлечением [6]. Ее воздействие на общество минимально. Кроме того, она сама находится в состоянии кризиса и не может заполнить тот вакуум, который образовался в общественном сознании населения восточноевропейских стран после краха советской идеологической системы. Потому необходимо осознанное обращение к обновленному пониманию духовных производительных сил, начиная с личности. Проблема дальнейшего выживания в условиях рынка требует резкого поворота в общественном сознании, реконструкции мышления и повышения его конкурентоспособности. Этим поворотом может стать широко задуманная, поддержанная интеллигенцией, народом и государством, духовная реформация. Ее основная задача – разработка, пропаганда и внедрение инновационных технологий в систему духовных производительных сил. Если удастся придать реформации характер широкого движения, связанного с насущными нуждами большинства населения, она может решить и целый ряд болезненных для современной государственности проблем: преодолеть кризис институтов, совершенствовать демократию, пересилить коррупцию, вытеснить олигархов из верхних эшелонов власти и по образцу древнегреческих полисов склонить их к служению обществу. Она может стать также основой консолидации классов, этнических и социальных прослоек, партий и движений. Поэтому уже сегодня идея духовной реформации должна быть представлена во всех вузах и во всех гуманитарных науках.

Наряду с рассмотренными возможностями, историко-экономическая эвристика открывает перспективы нового подхода к теоретико-методологическому осмыслению, исследованию и применению историко-экономического опыта. Известно, что его обобщение является одной из важнейших функций истории экономики. Хотя в учебной литературе последних десятилетий она рассматривается далеко не всегда. Но и упоминание о ней, как правило, мало что дает обучающемуся, поскольку ограничивается фиксацией задачи, не раскрывая ее профессиональной актуальности и не предлагая методики эффективных решений. Это существенно снижает уровень практической направленности дисциплины и заинтересованности студента в ее изучении. Сложившаяся ситуация – прямое следствие недостаточной разработанности данной проблемы. Несмотря на громадную протяженность процесса исследования социально-экономического опыта, фундаментальные теоретико-методологические обобщения отсутствуют. Это не может не сказаться на содержании и результатах познания. Между тем успехи ведущих и ряда развивающихся государств, обострение конкуренции, трансформация

хозяйства бывших социалистических стран в рыночную экономику и другие причины значительно повышают интерес к позитивным социально-экономическим достижениям. И несмотря на относительно быстрое устаревание производственного опыта, этот интерес растет. Подобная тенденция наблюдается и в отношении инноваций как интеграционных пунктов интеллектуального, организационного и технико-технологического опыта. В этих условиях историко-экономическая эвристика подходит к проблеме, начиная с заинтересованного субъекта, - практика, исследователя, студента. Располагая его витаграммой и, в частности представлением о динамических, постоянно совершенствующихся духовных производительных силах (знания, мышление, умения, навыки, опыт, чувства, моральные установки и ценности), эвристика акцентирует внимание на следующем тезисе. В современном, динамичном, быстро меняющемся мире аккумуляция, осмысление и использование личного опыта, опыта отрасли занятости и страны является неизбежной профессиональной обязанностью, повышающей гибкость и конкурентоспособность мышления, уровень самореализации и качества жизни.

И здесь, безусловно, многое зависит от творческой активности заинтересованной личности. Но результаты этой активности во многом определяются и степенью использования историко-экономической эвристики. Нестандартность ее подхода состоит в том, что опыт рассматривается как неотъемлемый элемент развивающейся социально-экономической системы. Следовательно, начальная стадия познания предполагает модель хозяйственной системы (подсистемы), исследования соответствующего этапа развития, места и роли интересующего нас локального опыта. Последний предстает в форме осуществленного качественного изменения, в основу которого положена инверсия (превращения, перемены мест, разделения неделимого, соединения ранее не соединимого и т.д.). Инверсия является составной частью инверсионного поля (системы, сферы, производственного объединения), имеет свое локальное поле влияния и предел существования, за которым следуют новые качественные перемены. Задача состоит в том, чтобы, составив модель инверсии и ее последствий (см.гл.3 настоящей работы), определив специфику связей с инверсионным полем системы (на основе специально подготовленной матрицы), сравнить полученные данные с инверсионным профилем системы, воспринимающей опыт. На этой основе, в случае больших расхождений, разрабатывается система мер по его адаптации и модификации. Последние могут осуществляться и на основе совершенно новых инверсий. И здесь на помощь приходят теоретические представления эвристики об инверсиях разветвления, взаимоусиления, цепных и кластерных связей и т.д. В зависимости от стоящих задач их можно использовать порознь, группами, в форме взаимосвязанных структур. Из этого следует, что интеграция представлений об инверсионности процесса развития оборачивается еще одним преимуществом – возможностью использования инверсионного подхода как исследовательского и практического приема. Одновременно перспектива комбинирования инверсий наводит на мысль о полезности разработки историко-эвристической комбинаторики как комплексного методологического

инструмента творческой переработки обобщенного опыта социально-экономических систем, подсистем, процессов, структур, в интересах совершенствования современного экономического мышления, знания и социально-экономической практики. Но историко-экономический опыт может использоваться и в несколько ином варианте, в частности – в качестве специально подготовленной информации, которая учитывается в ходе решения крупных социально-экономических проблем. В отдаленном и недавнем прошлом, начиная с рекомендаций Татищева, Чулкова, Рычкова и заканчивая предложениями по совершенствованию реформ 90-х годов прошлого столетия, такая информация сводилась, в основном, к аналогии, к существующему эталону развития. Сегодня, благодаря историко-экономической эвристике, наши возможности существенно расширяются. Этому в значительной мере способствуют новые представления о роли начальных качественных изменений, переходящих в процесс, о трансформации процесса в поле, о внутрисистемных инверсионных полях, их соотношениях, качественных соответствиях и отторжениях. Становится возможным исследование процессов на ранних, достатистических стадиях формирования, начиная с маргинальных перемен, определение временных и пространственных пределов исследуемых инверсий, их вступления в период запредельной трансформации и др. На этой основе открывается перспектива получения и последующего использования в ходе принятия решений упреждающей информации о динамических явлениях, процессах, полях. Одновременно моделирование инверсий и инверсионных полей в историко-экономических разработках, а также углубление их теории позволяет в необходимых случаях включить в информацию практически рекомендательного характера проектирование антиинверсий и регулирующих гуманитарных технологий инверсионного типа. Это существенно сближает историко-экономическую эвристику с пограничными областями управления, в частности – управления переменами. Поэтому разработка методик такого проектирования может и должна осуществляться совместными усилиями представителей данных наук. Аспекты историко-экономической эвристики, рассмотренные в настоящей главе, далеко не исчерпывают всех ее проблем. Нельзя не заметить, что все они отличаются разноплановостью содержания. Вместе с тем их объединяет одна очень существенная особенность – тенденция к инновационному решению поставленных проблем. Инновационность предстает, таким образом, как общая и доминирующая интеграционно-целевая функция историко-экономической эвристики. Естественно, речь идет поначалу об инновациях в области историко-экономических знаний. При этом под нововведениями понимается эффективное решение исследовательских проблем на основе комплексного совершенствования методологии (включающей эвристические приемы), теории процесса интеграции знаний и повышения творческой роли исследователя. Но экономическая история, как известно, входит в систему экономических наук. Рассматривая эту систему как кластер, мы неизбежно приходим к выводу, что инновации в одном из его звеньев должны стимулировать нововведения в других составляющих. Для того, чтобы этот процесс осуществлялся более активно и приносил пользу всему комплексу

экономических знаний, нужны специализированные звенья – эвристики в каждой экономической науке. Необходим также кластерный подход к решению междисциплинарных проблем и коллективно-кластерная форма организации исследований. Тенденция к сетевому инновационно-исследовательскому интеллекту, решающему междисциплинарные проблемы, уже прослеживается на практике. Пришло время ее глубокого осознания и теоретического обоснования. Особенно актуальной становится разработка теории инноваций в экономических науках. Но поскольку она теснейшим образом связана с концепцией качественных инверсионных изменений в экономической действительности и экономическом мышлении, то ее создание существенно зависит от уровня исследования этих проблем в историко-экономической эвристике. Ускоренное формирование последней является предпосылкой активизации инновационного процесса во всей системе экономических наук.

Сказанное в настоящей главе позволяет сделать следующие обобщающие выводы:

1. Историко-экономическая эвристика представляет собой новое, объективно обусловленное направление исследований и формирующуюся науку. Она является трансформатором идеи инверсионности процесса развития в экономическую историю и другие экономические дисциплины.
2. Воплощение этой идеи создает предпосылки для существенного повышения уровня экономических знаний.
3. В экономической истории эвристика уточняет представления о предмете и методе, о внутрисистемных механизмах развития, новых направлениях связей с общей экономической теорией и современной социально-экономической практикой. Кроме того, с ней связан переход к новой стадии понимания теоретической основы дисциплины и духовной составляющей экономического развития.
4. Историко-экономическая эвристика способствует переходу от теорий экономического роста к общей междисциплинарной теории развития социально-экономических систем.
5. Основной целевой функцией эвристики как науки является постановка и решение инновационных проблем в экономической истории, а также стимулирование этого процесса в других экономических науках и в современной практике.
6. Одной из основных инновационных идей историко-экономической эвристики является идея духовной реформации как важнейшего условия интеллектуальной и экономической конкурентоспособности постсоветского общества, консолидации всех классов, прослоек, этнических групп, партий и движений.
7. С ней непосредственно связана также идея дополнения теории систем и системного подхода представлением о внутрисистемных инверсионных полях.
8. В рамках эвристики выкристаллизовалась проблема разработки кластерно-модульного подхода к организации историко-экономических

исследований и перехода к использованию локального сетевого интеллекта.

9. Историко-экономическая эвристика является предвестником и стимулятором грядущего обновления экономических знаний на основе интеграции инверсионных представлений о развитии и эвристических приемов мышления.

Глава 2

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭВРИСТИКА И ПРОБЛЕМА УГЛУБЛЕНИЯ ТАКТОВКИ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Исследованию процесса развития экономических систем посвящено значительное количество работ. К наиболее известным из них принадлежат труды К.А. Шумпетера [1], Р.Р. Нельсона [2], М.И. Тодаро [3], Р. Харрода [4], О. Тоффлера [5], Д. Форрестера [6], Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз, К. Рэндера [7], Д. Норта [8], Д. Хикса [9] и др. Успешно работают над этой проблемой видные украинские и российские ученые: Ю.Н. Бажал [10], А.С. Филиппенко [11], В.К. Черняк [12], С.С. Дзарасов [13], С.Ю. Глазьев [14] Д.С. Львов [15], Г.М. Елфимов [16] и др.

В экономической истории последних десятилетий трактовка процесса развития экономических систем осуществляется преимущественно на основе теорий экономического роста. При этом понятия «развитие» и «экономический рост» часто рассматриваются как синонимы. Преимущества и недостатки этого подхода могут быть выяснены только после краткого обзора существующих теорий экономического роста. Представители общей экономической теории издавна проявляли значительный интерес к проблематике развития хозяйственных систем. Но он существенно усилился в последние два столетия, когда экономики ведущих индустриальных стран мира при всех колебаниях обнаружили тенденцию к устойчивому социально-экономическому росту. Постепенно на этой основе внимание исследователей сосредоточилось на выяснении основных факторов, способствующих росту объемов общественного производства. Ж.Б. Сей, как известно, определил три основных фактора функционирования и роста производства: земля, труд, капитал. А. Маршалл добавил к ним деятельность по организации производства. К. Менгер, в свою очередь, указал на всевозрастающую роль знаний. Й.А. Шумпетер обратил внимание на определяющие функции технических инноваций и предпринимательской деятельности. В конце 40-х годов XX в. неокейнсианцы Р. Харрод и Э. Домар предложили новый теоретический подход, согласно которому определяющим фактором роста является норма накопления капитала. Неоклассики (Р. Солоу, Дж. Хикс, Дж.Э. Мид, М. Браун) вернулись к факторному подходу (земля, труд, капитал) и основное внимание сосредоточили на выяснении роли каждого фактора. Р. Солоу, в частности, пришел к мысли об определяющей роли технического прогресса. Согласно представлениям посткейнсианцев (Н. Калдора, Дж. Робинсона, Л. Пазинетти, Дж. Каргеля), определяющим фактором темпов экономического роста является распределение доходов. Наряду с этим, существенную роль играют ресурсы, технико-технологический прогресс, темпы накопления, склонность к сбережениям.

Факторный подход к пониманию экономического роста существенно расширил американский исследователь Э. Денисон. По его мнению, технический прогресс обеспечивает 1/3 темпов роста национального дохода. Но при этом Денисон указывал на существенное значение и таких факторов, как

изменения в структуре производства, стимулирование труда, прогресс знаний, специализация, квалификация кадров, совершенствование управления и др.

Ряд теорий экономического роста имели ярко выраженную практическую направленность. Известный американский экономист У. Ростоу в книге «Стадии экономического развития», обобщив историко-экономический опыт развитых стран, предложил развивающимся странам поэтапный переход от традиционного (сельскохозяйственного) общества к обществу массового потребления. Он полагал, что на основе мобилизации внутренних и внешних ресурсов слаборазвитым государствам следует сначала создать предпосылки для рывка. Затем должен последовать рывок к самоподдержке роста, а после него переход к технологической зрелости и благосостоянию.

Аналогичной направленностью характеризуется и модель А. Льюиса и Х. Ченери. У А. Льюиса трансформация традиционной экономики в более развитую достигается путем стимулирования миграции рабочей силы из деревни в город и поощрения роста промышленности на основе ускоренного накопления капитала. Х. Ченери дополнил модель Льюиса, указав на необходимость структурных преобразований в производстве, потреблении, спросе, внешней торговле, социальной сфере.

В последние десятилетия на роль универсальной модели экономического развития претендует модель Вашингтонского консенсуса. Она содержит ряд практических рекомендаций. Наиболее существенными из них являются:

- 1) снижение государственного регулирования на отраслевом уровне и усиленная защита прав собственности;
- 2) либерализация внешней торговли;
- 3) приватизация;
- 4) введение единого рыночного валютного курса;
- 5) налоговая реформа;
- 6) финансовая либерализация;
- 7) жесткая бюджетная политика;
- 8) перераспределение бюджетных ресурсов из производства в социальную сферу.

Существует и целый ряд своеобразных моделей опытно-практического воплощения: «шведская» модель, главным отличием которой является активная роль государства в экономическом развитии; «азиатская» модель, интегрирующая активность государства и бизнеса; китайская, с усиленным воздействием надстройки и др.

Обобщающую характеристику современного экономического роста дал известный американский экономист С. Кузнец. По его мнению, рост достигается путем взаимодействия целого ряда факторов и характеризуется следующими основными признаками: 1) высокие темпы роста производительности орудий труда, предметов труда и самого труда; 2) высокие темпы структурной трансформации хозяйства; 3) расширение развитыми странами внешних рынков сбыта и источников сырья; 4) высокие темпы социальной и идеологической трансформации; 5) высокие темпы дохода на душу населения.

Как свидетельствует приведенный краткий обзор, перечисленные теории характеризуются разрозненностью и противоречивостью основного содержания. Следует отметить, однако, что при всех недостатках они способствовали развитию экономической теории. Наряду с

упрощенно-линейным пониманием поэтапного движения экономики возник целый комплекс новых, более глубоких представлений, основой которых стала мысль о взаимосвязи функционирования и экономического роста хозяйственных систем. Существенно расширились представления о макроэкономическом росте. Углубился анализ связей производства, потребления и накопления. Стало возможным выяснение количественных пропорций, характеризующих устойчивый рост, а также определение вклада каждого фактора. Началось исследование количественных связей между ними. Внимание исследователей сосредоточилось на причинах отклонений от устойчивого роста и на долгосрочных аспектах регулирования экономики. Все это позволило сформулировать рекомендации, направленные на совершенствование политики экономического роста. Историко-экономический опыт реального осуществления этих рекомендаций и воплощения моделей роста имеет чрезвычайно важное значение для дальнейшего совершенствования и экономической теории и современной экономической практики. В связи с этим необходимо отметить следующий факт. После того, как отдельные развивающиеся страны (в 50-60-е годы XX в.), используя рассмотренные теории, добились известного экономического роста, обнаружилось, что целый ряд злободневных для них социально-экономических проблем оказались не решенными. Это в известной степени подорвало доверие к теориям экономического роста, но одновременно усилило тенденцию к их критической оценке и совершенствованию. В последние годы все чаще слышатся мнения о том, что экономический рост – слишком узкое понятие, что более правильным является включение его в более широкую категорию экономического развития. Одновременно предлагается обогащение теории роста итоговыми показателями, характеризующими это развитие. Американские экономисты Дж. Тобин и В. Нордхаус еще в начале 70-х годов XX в. предложили расширенный агрегированный комплекс показателей названный ими «мерой экономического благосостояния». В его основе сопоставление роста ВВП с качеством жизни (благосостояние, состояние среды обитания, перенаселение и др.).

В конце 80-х годов этот подход нашел дальнейшее развитие в форме индекса развития человека. Он включает качество жизни граждан, уровень грамотности, трудоустройства, преступности, продолжительность жизни и др.

Рационализация теорий экономического роста в известной степени делает их более полными, но не устраняет проблематику теоретико-методологической несогласованности. Ярчайшим подтверждением несовершенства рассматриваемых концепций являются катастрофические последствия реального процесса экономического роста: углубление социально-экономической пропасти между богатыми и бедными странами; разрушение среды обитания человечества; угроза его лавинообразной мутации; таяние арктических и антарктических льдов, грозящее затоплением громадных густонаселенных территорий; истощение природных ресурсов и т.д. Определяющей причиной этого несовершенства является ущербность методологических основ. Критикуя теории экономического роста, известный

историк и методолог науки М. Блауг писал по этому поводу следующее: «Даже сами специалисты в данной области признают, что современная теория роста пока что неспособна пролить свет на фактический экономический рост в реальных экономиках. Основа современной теории роста – просто старомодный анализ устойчивых состояний, в который элемент роста вносится с помощью введения факторо-интенсивного технического прогресса и экзогенного роста предложения труда в статическую модель общего равновесия» [17.358].

Существенным методологическим недостатком теорий экономического роста является также их узкопрагматическая направленность. Именно она привела к вытеснению научного принципа развития – необходимого компонента всякой экономической доктрины, и подмене его представлением о динамике роста производства. Кроме того, методика отбора главных факторов, определяющих экономический рост, при всех преимуществах этого подхода тяготеет к старой классической картине мира Галилея-Ньютона и слабо согласуется с пришедшим ей на смену неоклассическим мышлением, возникшим под влиянием теории термодинамики и теории относительности Эйнштейна-Лоренца-Пуанкаре. Согласно новой мыслительной парадигме в окружающей нас действительности, в том числе в экономических системах, наряду с «ведущими» факторами, могут действовать равнозначные им по силе воздействия - стохастические процессы, случайности, незначительные изменения с большими последствиями. Игнорирование этих положений делает теории экономического роста методологически устаревшими и неполными. В учебном процессе высшей экономической школы эти их качества вступают в противоречие с первым принципом дидактики, который предполагает научность изложения теории, включающую познание методологии изучаемых явлений. Именно здесь, в высшей школе, мы встречаемся с широкими негативными последствиями «заикленности» на теориях экономического роста: ни в одной экономической дисциплине, включая общую экономическую теорию, не дается углубленная трактовка научных понятий «развитие хозяйственной системы», отрасли, процесса, с точки зрения новой мыслительной картины мира. Старые, упрощенно-линейные представления о развитии преобладают. Не трудно предположить, как эта ситуация сказывается на качестве научных разработок. Методология исследования, из которой устранена сердцевина – научный принцип развития, - не может способствовать развитию научного знания. Именно об этом свидетельствует кризисное состояние современной общей экономической теории, других экономических наук, теории управления и хозяйственного права.

Из сказанного следует, что в настоящее время трансформация теории экономического роста в теорию экономического развития является актуальной междисциплинарной проблемой. Естественно, в ее решении должны принять участие представители всех заинтересованных наук, включая и экономическую историю. Историки-экономисты, изучающие эмпирический аспект реального процесса развития общественного производства, особо заинтересованы в познании внутрисистемных механизмов его динамики. Именно на данном пути они могут ожидать существенного прироста знаний о процессе развития. К этой

точке зрения склоняется также экономист Д. Гуле. В работе «Жесткий выбор» он высказывает следующую мысль: «То, что мы сегодня знаем о развитии, не имеет большого значения, если мы не осознали его внутреннего содержания» [3,77]. В связи с этим уместно напомнить, что еще Э. Пестель и М. Месарович в книге «Стратегия для будущего» призывали к пересмотру всех существующих концепций роста. Но такой критический пересмотр возможен только на основе современных представлений о сущности развития. Обратившись с этой целью к философской литературе, мы обнаружим, что развитие чаще всего трактуется там, как появление качественно нового. Отсюда возникает следующий предварительный вопрос: что такое качество?

В энциклопедических изданиях по этому поводу говорится: «Качество – философская категория, выражающая неотделимую от бытия объекта его сущностную определенность, благодаря которой он является именно этим, а не иным объектом. Качество составляет устойчивое взаимоотношение составных элементов объекта, которое характеризует его специфику, дающую возможность отличать один объект от других. ...Существуют не качества, а только вещи, обладающие качествами» [18, 255].

Считается, что качество выражает единство свойств, присущих данному объекту.

Таким образом, речь идет о качестве материального носителя и неразрывно связанных с ним качественных свойствах или функциях. В конкретно-экономических науках, под влиянием практики, понимание качества сводится преимущественно к свойствам и функциям. Качество продукции, к примеру, рассматривается как совокупность свойств, которые обуславливают ее способность удовлетворять определенные потребности, согласно ее предназначению. Это понятие вместе с системой других качественных показателей, характеризующих процесс развития производства, используется и в экономической истории. Но именно здесь мы встречаемся также с недостаточностью существующего подхода и необходимостью рассмотрения и качества непосредственного носителя свойств и функций. Специфика экономической истории, нацеленной на исследование внутренних механизмов развития, требует не только регистрации результативных качеств, но и выяснения причин их динамики, изменений, появления качественно новых образований. Особой остроты эта проблема достигает в тех случаях, когда речь идет о сложных социально-экономических системах, подсистемах, структурах, процессах и сферах. Если анализ таких качественных показателей, как себестоимость, цены, давно сложился и не вызывает особых затруднений, то исследование качества реформ, преобразований, инноваций, кластерных объединений, управления, рынка в экономической истории связано со значительными методологическими сложностями. Именно по этой причине здесь необходимо уточненное представление о качестве как единстве признаков материального носителя, его свойств и функций. В основу этого уточнения следует положить опыт исследования этой проблемы у Аристотеля, Гегеля, Спенсера и современных ученых, а также системный подход, эвристические приемы и, в первую очередь, прием интеграции знаний. Отвечая на двуединый

вопрос: - что такое качество и как его исследовать? – необходимо воспользоваться также обычным аксиоматическим подходом.

Итак, начнем с того, что всякое качество (явление, процесс, структура, подсистема) является неотъемлемой частью динамической социально-экономической системы, занимает в ней определенное место и также, в свою очередь, имеет системный, динамический характер. Качества различны по содержанию и относятся к определенным уровневым элементам глобальной системы (орудия труда, предметы труда, трудовые ресурсы, экономические отношения и т.д.). Их формирование во многом связано с возникающими проблемами. Качества изменчивы во времени, имеют предел существования. Как уже отмечалось, следует различать качество самого материального носителя (объекта, процесса, структуры) и его внешних свойств, или функций. Качество материального носителя также имеет системно-уровневый характер и включает: качество субстанции, качество структуры, ее элементов и внутренних взаимосвязей, уровень внутренней дифференциации качества, уровень внутренней интеграции элементов, внутренние противоположности и противоречия. Внешние целевые функции и свойства предполагают характеристику качества с точки зрения реализации внутреннего потенциала материального носителя, полноты использования целевых функций и свойств, степени преобразующего воздействия на социально-экономическую, рыночную и природную среду. Результатами воздействия могут быть прямые и производные явления, процессы, структуры. В совокупности они составляют поле воздействия данного качества. Естественно, всякое качественное образование предполагает также экономическую или технико-экономическую характеристику: эффективность использования, себестоимость, стоимость, цену, уровень спроса, конкурентоспособность и др. Необходимой представляется также оценка качества и его перспектив в данный исторический период, с точки зрения долгосрочных тенденций, его воздействия на человека, способности к включению в кластерные связи с другими качественными образованиями. Все перечисленное может быть представлено в форме начального варианта поисково-адаптивной модели познания качества [М1]. Она отражает уточненное представление о качестве и основных направлениях его исследования. В ней интегрируются следующие основные положения и теоретико-методологические подходы:

1. Необходимость историко-экономического анализа качества как системно-уровневого явления в структуре процесса, подсистемы или социально-экономической системы.
2. Познание проблемно-ситуативных истоков возникновения носителя качества, его изменчивости и предельности существования.
3. Исследование внутреннего качества материального носителя и его потенциала:
 - а) качества структуры, ее элементов и взаимосвязей;
 - б) степени внутренней интеграции объекта;
 - в) уровня внутренней дифференциации качества;
 - г) внутренних противоположностей и противоречий;
 - д) качества функционирования и использования информации.

4. Изучение качества внешнецелевых функций, свойств и взаимосвязей с точки зрения:
 - а) реализации внутреннего потенциала носителя качества;
 - б) оптимизации целевых свойств и функций;
 - в) специфики поля воздействия на окружающую социальную, экономическую, природную среду, качество и условия жизни человека.
 - г) социальной и моральной оценки качества взаимосвязей со средой и обществом.
5. Экономическая (технико-экономическая) оценка (внутренних и внешних) качеств объектов, явлений, процессов (эффективность, себестоимость, стоимость, цена, спрос, конкурентоспособность и др).

На основе полученной модели, соединяя метод резолюции и аксиоматический подход, мы можем сделать следующие производные заключения:

- 1) качество явления, процесса, структуры, подсистемы отличается разнообразием элементов, сторон, функций, характеристик. Это разнообразие определяет сеть его связей с внешней экономической, технико-технологической, социальной и экологической средой и масштабы сетевого воздействия на нее;
- 2) противоречивость качества свидетельствует о том, что оно всегда располагает определенным нереализованным потенциалом и может быть улучшено;
- 3) улучшение структуры или отдельных элементов и функций качественного образования может приводить не только к рационализации, но и к превращению его в совершенно новое качество (об этом, в частности, свидетельствует история паровой машины).

Теперь, пользуясь той же методикой, на основе полученных заключений и вышеприведенной модели, мы можем перейти к третьему этапу анализа и на его основе сделать такие основные выводы:

1. Из противоречивости, наличия неиспользованного потенциала и возможности улучшения качества следует, что в каждый данный период в экономической истории мы можем определить коэффициент рациональности качества как отношение количества его позитивных и негативных признаков. До появления более точного показателя он даст возможность не только производить оценку данного качества, но и определить характер его противоречивого влияния на среду, уровень связанных с ним социально-экономических издержек. Немаловажно и другое - в социально-экономических и этнических процессах мы сможем получить более четкое представление о качестве континуума данного класса явлений, структур и множеств.
2. Так как рациональность качества определяется также его соответствием потребностям среды, то отставание динамики его совершенствования от динамики изменившегося спроса делает его бесполезным, а достигнутые возможности массового производства подчиняют его закону убывающей полезности.

Добавив к этому, что каждый локальный носитель качества имеет временный, предельный характер, мы можем сделать вывод, что необходимость инноваций и систематического совершенствования качества вытекает из его сущностных признаков. Неотвратимость изменений как бы заложена в самих глубинах качества. Взаимосвязь и необратимый характер этих изменений образуют основу развития. Из этого следует, что традиционный, преимущественно количественный итоговый анализ в экономической истории, экономической теории и других экономических науках должен быть дополнен усовершенствованным анализом качества внутреннего механизма развития хозяйственных систем, подсистем процессов, структур и явлений.

3. Именно такой анализ, включающий исследование качественных изменений на уровне явлений, процессов, структур и подсистем, может стать основой проверки экономических теорий, определения границ их действительности и применяться для объяснения нетипичной экономической действительности. Известно, что большинство теоретических положений строится на основе логических аргументов, выдвигаемых против ошибочных рассуждений. Но ни те ни другие, как правило, не поднимаются до уровня проверяемости (верификации). Предполагается, что более сильный аргумент является доказательством и что по этой причине мы должны ему доверять. Таким образом, доверие, вера - элемент иррационального характера - проникает в основы знаний и расслабляет их. Устранение этого отрицательного явления и разработка одного из вариантов верификации теоретических знаний сегодня связаны именно с проблематикой познания качественных изменений в экономической истории.

А теперь снова вернемся к нашей поисково-адаптивной модели. Несмотря на общий характер, она не только уточняет представление о качестве и основных направлениях его познания в экономической истории, но в ходе исследований позволяет получить дополнительную информацию о механизмах качественных изменений. Напомним, что последние в философии объясняются, в основном, как результат количественного или качественного нарушения былого соответствия - меры. Не отрицая полезности этого подхода, отметим все же, что изменения могут иметь место и в условиях, когда мера остается прежней. Более рациональная расстановка станков в цехе (без изменения их количества и качества) существенно повышает их совокупные функциональные возможности и результаты. Но обратим внимание на другое, в частности, на дискретность процесса качественных изменений. Она выступает в двух основных формах: а) дискретность в пределах данного носителя качества, его свойств и функций и б) дискретность как замена одних качеств другими, более совершенными (того же класса объектов, структур, процессов). В рамках первой формы изменения могут быть вызваны физическим износом, перенапряжением, рационализацией, накоплением аномалий, внутренней дифференциацией качества, изменением

функций, структур, усилением специализации отдельных элементов, изменением программ действия и т.д.

В пределах второй формы изменения вызываются преимущественно внешними причинами. Наиболее существенные из них: потребности и достижения в науке, определяющие перемены в технике и технологиях. Экономическая история свидетельствует, а современная действительность подтверждает систематический рост научных знаний на протяжении последних столетий и превращение их в доминирующую силу социально-экономического развития. Не случайно постиндустриальную экономику называют экономикой знаний. Естественно, разностепенное воздействие науки распространяется на микро-, мезо- и макроуровни экономических систем. Но ее влияние нельзя рассматривать только с точки зрения внешнего воздействия. Научное знание входит в сущностные основы многих объектов, процессов, структур, подсистем, определяя их эффективность. Это явление уже отмечено некоторыми исследователями. Ф. Хайек, к примеру, указал на связь воплощенного знания с эффективностью. Японский экономист Т. Сакайя подчеркнул, что стоимость современных изделий все больше определяется знанием. Если это так, то последнее должно быть включено в структуру наших представлений об изменениях и о сущности качества, а значит, и в структуру нашей поисково-адаптивной модели его исследования. В результате такой интеграции наше понимание предмета познания станет более объективным и более детальным. Мы уточним, в частности, что знание, воплощенное в материальном носителе качества и определяющее его свойства и функции, является разноуровневым, качественно неоднородным (фундаментальное знание, знание на уровне проектирования, изготовления, эксплуатации). Структуры знаний, определяющих потенциальные возможности и умения по их реализации, качественно различны. Отсюда вытекает необходимость в научном понятии качества самих знаний и разработки специальных методик их оценки. Все это, возможно, станет необходимым при разработке новой теории стоимости, сущностной сердцевинной которой будет научное знание. В экономической же истории сопоставление качества знаний, определивших потенциал материального носителя и знаний, характеризующих реализацию потенциальных возможностей, позволит определить резервы оптимизации объектов, процессов, подсистем. Сопоставление уровней потенциальных и реализуемых знаний приводит к выводу, что в современных условиях каждая стадия их реализации, чтобы стать эффективной, должна быть творческой деятельностью. Связь знания и творческой деятельности особенно ярко очерчивается на макроуровне. При этом творческая деятельность и входит в структуру системы знаний и образования и выступает в роли производного фактора перемен в области производства, обслуживания, институтов, духовных производительных сил гражданского общества, управленческой иерархии, фирмы, семьи, личности. На этой основе формируется так называемая креатосфера. Здесь с помощью знаний создаются новые интеллектуальные ценности, инновации, гуманитарные технологии,

совершенствующие и преобразующие социально-экономическую действительность. Ее видимые признаки прослеживаются уже в экономиках развитых стран и предстают и в форме развитой высокоэффективной сети институтов, и в достижениях науки и образования, и в форме «мозговых центров» корпораций, технополисов, кластеров. Ядром креатосферы и процесса развития в целом являются наука и образование. Структура ядра включает систему естественно-научных фундаментальных, прикладных и гуманитарных знаний, систему образования и систему интеллектуальных и экспериментальных технологий, позволяющих получать новые знания. Формирующаяся и постепенно расширяющаяся креатосфера вовлекает в творческую деятельность все большую часть активного населения, создает моральные предпосылки его духовного единения и усиления преобразовательного потенциала. Таким образом, внутри динамических социально-экономических систем все больше возрастает мощь духовной составляющей – творческой общественно-преобразующей силы развития. Если это так, то, во-первых, существующие теории экономического роста должны быть скорректированы в соответствии с открывшимися реалиями, во-вторых, необходимо попытаться детально рассмотреть эти реалии, временно абстрагируясь от классической теории основных факторов производства, взяв за основу модель развивающейся системы хозяйства. Движение в этом направлении, на наш взгляд, может дать новую информацию о процессе развития и для экономической истории и для экономической теории. Надо подчеркнуть, что в предстоящей разработке следует учесть качественную неоднородность, противоречивость и разноуровневый функциональный потенциал элементов креатосферы. Следует помнить также, что и в интересах познания и в интересах регулирования обществу нужен ее постоянный мониторинг. Отслеживать изменения креатосферы – значит, иметь возможность более эффективно регулировать социально-экономическое развитие, поддерживать уровень интеллектуальной жизни, гарантирующий активное противостояние глупости и сохранение цивилизации.

Но обратимся еще к одному аспекту процесса развития. Итак, наука и образование являются основными генераторами качественных перемен в социально-экономической системе. Естественно, в этой же системе действуют и многочисленные другие разномасштабные источники изменений. Все они имеют уровневый характер, т.е. возникают на макро-, мезо- и микроуровнях, а в процессе производства – в области орудий труда и предметов труда, самого труда, производственных отношений и т.д. Каждое из качественных изменений имеет определенную, более или менее широкую сеть последствий. Значительная их часть не застывает, а в свою очередь, вызывает производные изменения. Они транспортируются по уже существующей сети внутризаводских, отраслевых, внеотраслевых и общесистемных связей, включающих также институты как способы решения возникающих проблем. Аккумуляция новых качественных изменений с течением времени приходит в несоответствие с малодинамичными институтами. На этой почве возникают осложнения и противоречия, требующие решений. Одновременно та часть

качественных изменений, которая осталась за пределами сети традиционных связей, может создавать аналогичную ситуацию. Более того, поскольку такие явления, как правило, не фиксируются современной статистикой и часто остаются скрытыми и малоизученными, их накопление может вызвать локальные аномалии и потрясения, расшатывающие сложившуюся институциональную систему. Все это свидетельствует о том, что исследование качественных изменений в их отношении к институтам является одной из важнейших историко-экономических проблем. Естественно, оно требует также изучения степени качественной изменчивости институтов. И здесь речь может идти не только об отдаленном прошлом, но и о ближайших периодах. Именно здесь может быть добыта упреждающая информация, касающаяся своевременной реконструкции институтов. Но поначалу необходимы более детальные знания об особенностях уровнево-сетевых изменений. С этой целью и обратимся сначала к микроуровневым явлениям. Рассмотрим пример. На предприятии устанавливается автоматическая линия обработки деталей. Это новшество, представляя собой повторяющийся процесс, естественно, имеет прямые функциональные последствия в виде роста производительности, увеличения объемов и повышения качества продукции, снижения ее себестоимости и др. Наряду с этим, нововведение вызывает изменения в управлении, структуре, качестве и расстановке рабочей силы. Вместе с функциональными последствиями эти перемены и составляют сетевое поле воздействия данного материального носителя. Процесс как бы находит свое продолжение в поле, оставаясь в то же время его основой. Поле само по себе качественно неоднородно и, как мы убедились, в данном случае включает функционально-целевые и организационные изменения. На первый взгляд в этом общеизвестном явлении нет ничего нового. Но такое разграничение качественных последствий в экономической истории весьма полезно. За ним стоит проблема разработки детального анализа соотношений социально-экономических новшеств и окружающей историко-экономической среды. Качественный анализ последней, выяснение ее адаптационных возможностей, степени и направления преобразований становится настоятельной необходимостью. Неизбежным оказывается также исследование обратного воздействия качества среды на технико-технологические и социально-экономические новшества.

Интересные данные можно получить также, приступив к изучению соотношения процесс – поле. Несколько расширив диапазон наблюдения, отметим, что эти два образования, как правило, оказываются включенными в более широкую цепь связей. В начале ее, чаще всего, стоит необходимость перемен, предстающая в конкретной проблеме. Дальше следует качество решения проблемы, за ним качество его воплощения в материальном носителе, мероприятиях, структурах. Заключительное звено составляют качественные последствия с их воздействиями и трансформациями. Примером такого рода перемен может служить реструктуризация украинского акционерного объединения «Ильичевсквнештранс» в начале нынешнего десятилетия. Как свидетельствует исследователь этого процесса

проф. А.И. Ковалев [19,246], результатами качественных изменений в системе объединения стали: рост объема перевозок, повышение качества услуг потребителям, повышение мотивации и оплаты труда. Организация заняла несколько новых ниш на современном рынке, существенно усилила свою конкурентоспособность. И в данном случае последовательность основных составляющих осталась прежней: процесс – поле качественных последствий. При этом в ходе преобразований качественные последствия положительно влияли на продолжающийся процесс, т.е. имели место прямая и обратная связи. А теперь обратимся к аксиоматическим примерам несколько иного характера. В 90-х годах прошлого века в Украине вследствие экономического кризиса и остановки заводов многие молодые рабочие лишились своих мест, оказались безработными. Часть из них стала на путь преступности. Последняя существенно усилилась. Таким образом, в данном случае изменения сначала приобрели форму поля, а затем превратились в процесс. Существуют и другие своеобразные варианты. В условиях конкуренции рассеянные предприятия одной отрасли вынуждены, как известно, совершенствовать свое производство, снижать издержки, повышать качество продукции. На микроуровне перемены происходят в форме «процесс-поле», на мезоуровне они сохраняют локально-полевой характер.

Своеобразные соотношения процесса поля наблюдаются в сфере финансово-промышленных групп. В Японии, как свидетельствует проф. Э.А. Кузнецов [20], существует шесть отраслевых многоярусных ФПГ. Они включают консолидирующее ядро – корпорации тяжелой или химической промышленности, банк, универсальную торговую компанию, многочисленные предприятия. Финансы, промышленные ресурсы, информация свободно перемещаются внутри объединения. Качественные изменения здесь имеют свое внутреннее поле, состоящее из разнородных процессов и их полевых последствий, т.е. процесс и поле в системе замкнуты, слиты. Но внешнесистемное поле воздействия имеет место, как и в других случаях. Перечисленные примеры свидетельствуют о разнообразии сочетаний и взаимопереходов рассматриваемых явлений: процесс-поле, поле-процесс, внутренняя интеграция процессно-полевых изменений. Характерной чертой этих сочетаний является наличие поля. Качественное изменение в целом предстает как процессно-полевое явление. Но если вспомнить, что качественные перемены, скажем в его материальном носителе, тоже следует рассматривать как внутреннее поле изменений, вызванное внутренними же процессами, и что все это обуславливает сеть внешних последствий, то преобладание поля станет очевидным. Значит, акцент на полевых свойствах качественных изменений, а значит, и на полевых свойствах развития, в целом вполне оправдан. Их изучение становится одной из актуальнейших задач экономической истории, теории развития социально-экономических систем и экономической теории. В связи с этим уже сегодня можно констатировать, что выкристаллизовавшиеся, ранее игнорируемые факты, такие как рассеивание процессов в полевые явления, превращение полевых изменений в процесс, обратное влияние поля на продолжающиеся качественные перемены

(в материальном носителе), приобретают самостоятельное теоретико-методологическое значение. После детальной понятийной обработки они могут быть включены в исследовательский инструментарий истории экономики.

Существенную роль также в процессе детализации наших знаний о развитии и совершенствовании исследований может сыграть уточнение представлений о структуре качественных изменений в пределах поля воздействия. Структура качественных перемен во многом зависит от их характера: стихийности, регулируемости, программируемости, степени интеграции, уровня интеллектуальной составляющей. Локально-оптимальная структура не всегда эффективна по отношению к социально-экономической системе и в отдельных случаях может вызвать ее перенапряжение или привести к аномальным перекосам. Такое случилось, к примеру, с военно-промышленным комплексом бывшего СССР. Одной из существенных характеристик структуры качественных изменений является их гибкость, проявляющаяся в максимально возможной функциональной адаптации. Опосредовано варианты структуры качественных перемен можно оценивать и с помощью анализа поля результативных изменений. Структура последнего включает прямые качественные последствия, производные по отношению к ним явления, процессы и поля, проблематику, возникшую вследствие преобразований, случайности, проявляющиеся на «стыках», пресечениях, сопряженных различных процессов. Исследование структуры поля качественных изменений, включающего явные, полускрытые и скрытые компоненты, весьма важно, с точки зрения охвата всей многочисленности микропроцессов развития и обеспечения объективности их отражения. Это необходимо также для определения степени обратного воздействия поля на продолжающиеся перемены. Анализ его структуры актуален и в связи с потребностью определить соотношение структуры изменений и функциональных возможностей ближайших к ним институтов. И, наконец, исследование полевой динамики на макро-, мезо- и микроуровнях в течение определенного периода может стать основанием для пересмотра ряда теоретико-экономических положений, установок, мысленных стереотипов, вариантов экономического поведения, управленческих приемов и структур.

Рассматриваемая проблема, кроме сказанного, имеет еще один немаловажный позитивно-методологический аспект. Обычно, изучая цепь взаимосвязей - проблема - решение – качественное изменение – полевые последствия, историки-экономисты соблюдают логику их последовательности. И этот вариант, естественно, необходим. Но историко-экономическая эвристика подсказывает, что, остановившись на этом варианте, мы существенно обедняем содержание исследования. Она исходит из многовариантности возможных решений. Вопрос ставится таким образом, какие из возможных вариантов не были реализованы и почему? Отвечая на этот вопрос, мы используем новый вариант анализа и начинаем его не с проблем, а с противоположного звена – с поля последствий. Рассматриваем реальное и оптимально возможное поля. Сравниваем их. Определяем

расхождения и выясняем условия, которые обеспечили бы оптимальность в каждом из звеньев цепи взаимосвязей, полученные данные соотносим с реальностью. Причины отклонения анализируем. В результате сопоставления вариантов анализа более четко определяются причины выбора реально осуществленного варианта. Но указываются и преимущества потерянных, нереализованных возможностей. Если это продолжающийся долгосрочный процесс, то часть утраченных когда-то возможностей может рассматриваться как резерв, ускоряющий и обогащающий качественные изменения. В случае малоэффективности реального варианта перемен может встать вопрос об их коренной реструктуризации. Таким образом, эффективность творческой составляющей в историко-экономическом исследовании существенно повышается, а само развитие предстает как процессно-полевое явление, включающее человеческий фактор, представленный определенным уровнем интеллектуально-творческой активности исследователя. Одновременно добывается новая информация о воздействиях рассматриваемого качественного изменения на другие поля, процессы, подсистемы, а если речь идет о масштабных переменных, то на социально-экономическую систему в целом. И здесь мы встречаемся с новой, весьма актуальной проблемой – проблемой трактовки соотношения совокупного поля качественных изменений и системы. Начнем с аксиоматических фактов. В каждый данный момент начала исследования наше представление о социально-экономической системе является более или менее отражением существующей реальности. В элементах, подсистемах, сферах этой реальности происходят качественные изменения. Они разномасштабны, разноуровневые и в разной степени меняют материальные основы, внутренние поля, явления и процессы системы. Порожденные ими полевые последствия создают сеть прямых и производных перемен. Их постепенная аккумуляция расширяет пространство обновления. Вместе с тем целый ряд особо сильных источников продуцирования перемен (наука и образование, рынок, государство, система внутриотраслевых и межотраслевых институтов) создают свои обширные поля влияния. Качественные изменения здесь и формируются и регулируются, охватывая макро-, мезо- и микроуровневые пласты системы. Сказанное, на наш взгляд, позволяет говорить о наличии внутрисистемного, динамического поля качественных перемен. Включение этого представления в понятийный аппарат экономической истории, теории систем, экономической теории особо актуально и дает целый ряд существенных преимуществ:

1. С ним непосредственно связан новый этап интеграции научного принципа развития в современное понимание системности. Последнее до настоящего времени хоть и не отождествляло систему с железобетонной конструкцией, но все же в значительной степени склонялось к ее статичности в ущерб выяснению механизмов внутренних качественных изменений. Преодоление этого наследия может способствовать совершенствованию методологии исследований и научного содержания экономических дисциплин.

2. Одним из начальных приемов реализации этих возможностей может стать разработка матрицы поля качественных изменений элементов, сфер, подсистем и социально-экономических систем в целом.
3. Интеграция процессно-полевых представлений в современное понимание системности и формирование системно-полевого подхода в исследованиях, надо полагать, существенно расширит наши представления о развитии. Об этом уже сегодня свидетельствует изучение отдельных, наиболее проявляющихся полевых свойств.

Внутрисистемное поле, например, характеризуется таким явлением, как временное доминирование отдельных отраслей, их групп, сфер, процессов. На первый взгляд этот давно известный факт не несет особой, а тем более новой информации. Но рассматривая, скажем, шведскую модель рынка и указывая на доминирование в ней социальной политики, проф. М.И. Зверяков [21,35] подчеркивает, что эта качественная тенденция, обеспечивая занятость и ослабление процесса имущественного расслоения населения, вступает в противоречие с обеспечением высоких темпов развития, снижения инфляции, повышения конкурентоспособности. Таким образом, постепенно подтачиваются основы существования шведской модели. И это не единственный факт. Следовательно, доминирование как явление, отражающее одно из свойств поля, нуждается в особом внимании и изучении. В широком смысле слова оно включает преобладание одного качества над другим, вытеснение малокачественного, соответствие и несоответствие качеств. Последнее может породить серьезные осложнения в социальной сфере. Несоответствие менталитетов коренного французского и арабского населения Франции стало одной из главных причин недавних волнений в целом ряде ее городов. К полевым свойствам системы относится также уровневый характер качественных изменений. С ним, в первую очередь, связаны перемены на макро-, мезо- и микроуровнях. Они разномасштабны, имеют прямые, областные и опосредованные связи. Вместе с тем каждый уровень отличается определенной степенью обособленности. В ходе исследования, авторы которого рассматривают не внутренние механизмы качественных изменений, а преимущественно итоговые показатели экономического роста, возникает обманчивое представление о том, что именно эти показатели и характеризуют весь процесс развития. Это, как правило, деформирует понимание действительности. Информационная емкость поля гораздо шире прагматических итоговых показателей. Детальный анализ микро-, мезо- и макроуровневых пластов качественных изменений временами может дать картину, если и не прямо противоположную итоговым показателям, то свидетельствующую об их краткосрочном, неустойчивом или случайном характере. Поэтому, исследуя вертикальные качественные изменения в системе, следует придерживаться эвристического принципа: от конца к началу и обратно. Пользуясь этим подходом, мы не можем обойти качественную роль межфирменных, внутриотраслевых и внеотраслевых институтов, а также государственных институциональных структур, регулирующих развитие. Уровневый характер качественных изменений, таким образом, для

исследователя оборачивается необходимостью уровневого подхода и, естественно, - синтеза полученных данных. С полем качественных перемен непосредственно связаны и долгосрочные процессы, в ходе которых происходят постепенные количественно-качественные изменения, приводящие к масштабным последствиям. В средние века, к примеру, монголы восприняли одну из ветвей буддизма. Согласно религиозным установкам, каждая семья должна была направить одного-двух сыновей в монастыри. Такая практика имела место до 20-х годов XX в. К этому времени, вследствие долгосрочного нарушения соотношения между полами, население Монголии существенно сократилось и насчитывало около одного миллиона человек. Резко уменьшилась численность занятых в производстве. Производительные силы нации оказались существенно подорванными. Долгосрочные полевые процессы отличаются большим разнообразием. К ним принадлежит и эволюция форм управления производством, и формирование Европейского Союза, и возникновение различных моделей рыночного хозяйства. Их активное изучение в экономических науках началось примерно с XVI в. (динамика цен) и было представлено затем в трудах Ж. Бодена, А. Смита, В. Джевонса, Х. Кларка, К. Маркса, Н.Д. Кондратьева, М. Фридмена, Д. Хикса и многих других выдающихся ученых.

Активно исследовались долгосрочности представителями французской историко-экономической школы. Следует подчеркнуть, однако, что речь шла преимущественно о непрерывных процессах. Дискретная динамика изучалась в значительно меньшей степени. Между тем именно познание дискретных внутрисистемных долгосрочных процессов дает существенную информацию о сети производных полевых изменений, детализирует анализ и способствует формированию теоретических обобщений. Приведем пример. Исследователи динамики неурожаев в России дореволюционного периода (С.А. Первушин и др.) [22] приходили к заключению, что их колебание оказывает непосредственное отрицательное воздействие на промышленность и торговлю, усиливает отток населения из деревни, вызывает перебои в грузоперевозках, социальную дифференциацию и тенденцию к росту себестоимости продукции. Сокращается также прилив свободных капиталов из земледелия и покупательные возможности населения. В результате всего этого конъюнктура в стране определялась ситуацией в сельском хозяйстве. В этом преимущественно и заключалась специфика русского рынка. А вот пример еще одного дискретного процесса уже в более близкие к нам времена. В 60-х годах прошлого века на юго-западе Украины хозяйственники ограничили водообмен озера Ялпук с Дунаем, построили оросительные системы, сточные воды которых постепенно отравили водоем. Качество питьевой воды, потребляемой местным населением, приблизилось к критической отметке. В этом же десятилетии по инициативе руководителей ряда ведомств в целях увеличения вылова рыбы был соединен с морем Тилигульский лиман. В результате – усилилось его осоление, погибла значительная часть фауны, существенно снизилась рыбохозяйственная функция. В 70-х годах такие же последствия плюс осоление плодородных

земель вызвало отделение от Дуная озер Китай, Катлабух, Кагул и строительство дноуглубляющего канала, соединяющего с морем Белгород-Днестровский речной порт. В начале 80-х годов аналогичная ситуация повторилась на озере Сасык.

Приведенные факты свидетельствуют не только о нерадивости хозяйственников. В понятийном аппарате современной экономической истории, региональной экономики, общей экономической теории научно разработанное представление о дискретных процессах в хозяйственных системах отсутствует. Отсутствует, естественно, и их мониторинг. Поэтому теоретическое осмысление данной проблемы остается одной из актуальнейших задач [23]. Большинство долгосрочных процессов до сих пор характеризовалось при помощи рядов динамики и невольно тяготело к линейным представлениям. Но ситуация может измениться. Широкое исследование качественных дискретных процессов в динамическом поле системы уже начинается. Чтобы выразить специфику связей процесса и поля, необходимы новые подходы в экономической статистике, в экономической истории и теории.

Наряду с перечисленными особенностями, поле развития характеризуется также рассеянными начальными качественными изменениями, которые можно назвать маргинальными. Они представлены во всех элементах, частях, подсистемах и сферах хозяйственной системы, отрасли, предприятия. На начальных стадиях развития маргинальности, как правило, малозаметны, обособлены, не фиксируемы статистикой. Но с течением времени ряд из них, постепенно аккумулируясь, усиливают воздействие на окружающую социально-экономическую или природную среду. На этой основе могут возникать сети отрицательных изменений повышенной мощности. Достигая критической точки аккумуляции, маргинальные сети и явления деформируют элемент, подсистему, структуру, ослабляют их аномалиями, создают почву для катастроф. Простейшим маргинальным явлением, например, является предельный уровень концентрации пыли в производственном цехе, приводящий к взрыву. В целом же начальные качественные микроизменения отличаются большим разнообразием. Они включают различные формы микросовершенствований, последствия старой организации труда в условиях гибких производственных систем, недоиспользование рабочим потенциальных возможностей оборудования, реструктуризм, переход производственных навыков в стадию стереотипных действий, снижение уровня мотивации персонала, слишком жесткое распределение обязанностей, восприятие инноваций как угрозы привычному порядку вещей, микроизменения в сознании производителя, менеджера, бизнесмена, урезание информации на каждом уровне скалярной цепи, микроизменения в системе ценностей потребителя и их недоучет в процессе проектирования и производства товаров и т.д. Но что же нового дает исследование маргинальностей? Дополнительную информацию мы получаем уже на стадии выяснения их причин. Оказывается, их источниками являются не только преимущества или недостатки организации производства, но и такие

малоизученные явления, как напластование процессов, асинхронность качественных изменений в отдельных элементах системы, их предельность, противоречивость, «нестыковка» качеств и др. За локальной маргинальностью может скрываться не только разовое качественное изменение, но и процесс. Более того, многие процессы начинаются именно с маргинальностей. Когда в 70-е годы прошлого века германский судостроительный концерн «Мейер Верфт» ввел компьютерное проектирование, с точки зрения судостроительной отрасли это была маргинальность. Но когда ее стали тиражировать другие фирмы, она стала самостоятельным немаргинальным процессом. То же следует сказать о «кружках» качества, диверсификации производства, применении компьютерной техники, возникновении корпорации самураев из крестьянских отрядов самообороны и т.д.

Конечно, в целом ряде случаев маргинальности явно свидетельствуют о будущих процессах. Но значительная, если не подавляющая, их часть явной информации не несет. Кто мог предположить, к примеру, что паломничество Мартина Лютера в Рим и изменение его отношения к католической религии обернется мощным движением за обновление веры? Кто мог предположить, что барьеры, воздвигнутые украинскими бюрократами в первое десятилетие независимости, приведут к уходу значительной части бизнеса в теневой сектор экономики, стимулированию коррупции, сдерживанию экономического роста? Кто мог догадаться, что математическая интерпретация качественных изменений полезности будет развернута в теорию полезности? Такого рода вопросы можно продолжать до бесконечности. Главное – в другом. Как определить, трансформируется ли данная маргинальность в процесс, идею, структуру? Ответ на этот вопрос имеет прямое отношение к зарождению и развитию качественно новых процессов на ранних этапах их становления. Настоящего, стабильного процесса еще нет, но упреждающая информация о нем уже необходима для большей полноты историко-экономического и управленческого анализа, теории качественных изменений и теории развития в целом.

Приблизиться к решению этой проблемы можно путем изучения и обобщения историко-экономических фактов, свидетельствующих о вызревании совокупности начальных качественных изменений. Классическим примером, с этой точки зрения, и с точки зрения разработки методики познания механизма превращения маргинальностей в развивающийся процесс и в катастрофу, является трагическая случайность на Чернобыльской атомной станции. Все началось с микроявления ментального характера еще в начальный период становления атомной энергетики (рубеж 60-70-х годов XX в.). Ввиду относительной дешевизны атомных реакторов, решено было, что принцип их работы не требует прочного корпуса и защитной оболочки. В результате - последняя отсутствовала на 26 атомных станциях из 46 [24,4-5]. Дальше последовали негативные маргинальности, связанные с самим строительством и эксплуатацией станции: небрежная сварка строительных блоков, главного трубопровода, ненадежность внутренней системы коммуникаций, дефекты задвижек и т.д. Одновременно расширилось поле

маргинальностей в системе трудовых ресурсов, снизился профессиональный уровень инженерно-технического персонала, ослабилась дисциплина труда, включая отношение к прямым обязанностям. Имело место небрежное обращение с технологическими инструкциями и такое же небрежно-расслабленное отношение к их исполнению. Сохранилась запись разговора оператора станции со своим коллегой, где он советуется, как поступать, регулируя работу реактора: действовать по зачеркнутому в инструкции или по другим пунктам. Ответ был не менее поразительным: «Действуй по зачеркнутому». Маргинальности, таким образом, накапливались и расширялись и с течением времени не только ошибка оператора, а целый ряд из них могли стать основой случайности, ведущей к катастрофе. Рассматриваемый пример свидетельствует, что в современных сложных социально-экономических системах полевые микроявления иногда могут стать причинами больших, часто непредсказуемых последствий. Это относится в равной мере и к положительным и к отрицательным явлениям. Следует отметить, что есть такие виды реальных маргинальностей, негативные последствия которых и неизбежны и катастрофичны. К ним относится, к примеру, постепенное накопление в почве микрочастиц тяжелых металлов, уже вызвавшие мутацию некоторых живых сообществ. Как свидетельствуют специалисты, на очереди – мутация человека.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что изучение маргинальностей, как неотъемлемой части поля качественных изменений хозяйственных систем, крайне необходимо. В экономической истории и других экономических науках с ним связано получение упреждающей информации о превращении качественных изменений в процессы, о грядущих аномалиях и возможных случайностях. Немаловажен и следующий аспект. Отдельные группы маргинальных качественных изменений могут свидетельствовать о приближении явления, процесса, поля к пределу качества или пределу существования. К ним, например, относятся маргинальности перенапряжения, успеха, благосостояния, экстремальных ситуаций. Их исследование является предпосылкой своевременных реструктуризаций, инноваций, рекомбинаций, т.е. непосредственно связано с практикой. К полевым свойствам развивающихся систем принадлежат также качественные изменения кластерного типа. Они отражают новейшую тенденцию в развитии качественных образований. Речь идет о возникновении объединений материальных носителей качественных изменений, каждое из которых содействует усилению или рационализации всех остальных. На этой почве возникает производное явление – синергетический эффект интегрированного взаимодействия, невозможный в обычных условиях. Формирование кластерных образований, где качественные изменения постоянно движутся по всей интегрированной сети, где возможно подсоединение к другим кластерам и расширение пространства качественных перемен, свидетельствует о том, что поле качественных изменений современных социально-экономических систем вступило в новую фазу. Все сказанное - еще один существенный аргумент в пользу пересмотра существующих представлений о развитии. Такой

пересмотр, в частности, должен включить теорию латентного, скрытого уровня изменений. Разработка такой теории - одна из важнейших междисциплинарных проблем, напрямую связанная с формированием действительно научной теории экономического развития в наши дни.

Подводя итог всему сказанному, необходимо сделать следующие основные выводы:

1. Существующие теории экономического роста игнорируют научный принцип развития, новейшие представления о картине мира, противоречат методологическим требованиям современной дидактики высшей школы и практике развития целого ряда стран. На смену им должна прийти детальная междисциплинарная теория развития экономических систем.
2. Разработка теории развития, в качестве одного из главных условий, предполагает исследование качественных внутрисистемных и внесистемных изменений.
3. Одним из теоретико-методологических инструментов такого исследования является историко-экономическая, поисково-исследовательская модель качества [М1] и новый анализ внутрисистемных качественных изменений.
4. В содержание нового анализа внутрисистемных качественных изменений следует включить представления о связях знания и качества, об особой функции качества знаний и роли духовной составляющей экономического развития.
5. Новый анализ и новое, углубленное понимание внутрисистемного процесса развития непосредственно связаны с интеграцией процессно-полевых представлений в структуру современного понимания системности.
6. Существенным этапом этой интеграции является определение основных свойств, особенностей и связей внутрисистемных полей качественных изменений.

Л и т е р а т у р а

1. Шумпетер К.А. Теория экономического развития.- М.: Экономика, 1982.
2. Нельсон Р.Р., Уинтер. С.Д. Эволюционная теория экономических изменений - М.: Финстатистика, 2000.
3. Торадо М.К. Экономическое развитие. - М.: МГУ, 1997.
4. Харрод Р.Ф. К теории экономической динамики. – М.: Экономика, 1959.
5. Тоффлер Е. Третья волна. – К.: Всесвіт, 2000.
6. Форрестер Д. Индустриальная динамика. – М.: Экономика, 1972.
7. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндер К. Пределы роста. – М.: Экономика, 1991.
8. Норт Д. Інституції, інституціональні зміни та функціонування економіки. – К.: Основи, 2000.
9. Хикс Д. Теория экономической истории. - М.: Экономика, 2003.
10. Бажал Ю.М. Економічна теорія технологічних змін. – К. Либідь, 1996.
11. Філіпенко А.С. Економічний розвиток.- К., 2002.
12. Черняк В.К. Структура економічного розвитку. - К., Наукова думка, 1981.
13. Дзарасов С.С., Фельдмен Г.А. – основоположник теории роста. Обсуждение

- теоретических проблем экономического роста – Теория капитала и экономического роста. – М.: МГУ, 2004. – с. 170-253.
14. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: Владер, 1990.
 15. Львов Д.С. Экономическое развитие. – М.: Экономика, 2000.
 16. Елфимов Г.М. Возникновение нового. – М.: Мысль, 1983.
 17. Блауг М. Методология экономической науки. – М., 2004.
 18. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.
 19. Ковалев А.И. Управление реструктуризацией предприятия. - К.: Аврив, 2006.
 20. Кузнецов Э.А. Организационно-экономические проблемы формирования ПФГ в Украине. Ринкова економіка. – О., 2000.
 21. Зверяков М.І. Шокова модель трансформації економіки України. Ринкова економіка. – О., 2000.
 22. Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. – М., 1926.
 23. Минеев В.Н., Кореньков В.В., Тюнев Ю.Н. Назад к Чернобылю // Химия и жизнь, 1990. - №5.
 24. Уперенко Н.А. Об актуальности исследования долгосрочных процессов // Икономическа мисъл, 1982. - №3.

Глава 3

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ИНВЕРСИОННОСТЬ. ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНВЕРСИОННОСТИ РАЗВИТИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ И ДРУГИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Содержание предшествующих глав позволяет нам перейти к выяснению внутренних механизмов качественных изменений. Приступая к решению этой задачи, отметим сначала, что еще в 90-х годах прошлого века историки-экономисты [1], исследуя качественные изменения, обнаружили, что большинство из них подчинены одним и тем же инверсионным принципам: превращения в противоположное, разделения ранее неделимого, соединения ранее не соединимого, перемены мест, имитации и др.

В связи с этим возникшие на данной основе явления, процессы, структуры были названы инверсионными. Но информация о них и в настоящее время остается весьма ограниченной. Актуальность проблемы, связанной с коренной характеристикой процесса развития, требует дальнейших исследований. Итак, обратимся к историко-экономическим фактам. Начнем с примеров, объясняющих сущность, особенности и масштабы распространенности инверсий. Возьмем, к примеру, одно из ключевых звеньев производительных сил общества – энергетику – и сделаем небольшой экскурс в историю энергетических двигателей.

Общеизвестно, что еще со времен Древнего Рима в качестве двигателя использовалось водяное колесо. Поначалу оно устанавливалось в водном потоке, позже к нему приспособили лопасти, а воду стали подавать сверху, по специальному желобу. Теперь, регулируя напор воды, можно было влиять на скорость движения. Обратим внимание на следующее. К двигателю добавили качественно новые детали, т.е. имело место соединение ранее не соединимого. Одновременно перешли к прямо противоположному методу использования водного потока. Эти два несложных приема и составили содержание качественных изменений, которые мы называем инверсионными. Подчеркнем, что это инверсии внешнего характера. С течением времени, а точнее, с развитием производства и рынка, рассматриваемый тип двигателя приблизился к пределу своих возможностей. На смену ему пришел качественно иной – паровой двигатель, изобретение и функционирование которого также во многом были связаны с внешними инверсиями. Но главным его отличием все же стала внутренняя (сердцевинная) инверсия – превращение тепловой энергии в механическую. С этого времени внутренняя инверсионность в данной группе механизмов начинает преобладать. В дальнейшем здесь наблюдаются инверсии нового вида: переход к качественно противоположным источникам энергии (инверсия перехода к противоположному). Распространяются электродвигатели, обеспечивающие превращение электрической энергии в механическую. Затем прослеживается изобретение и использование целого ряда качественно иных источников энергии. Распространяются такие виды

двигателей, как реактивные, магнитно-гидро-динамические, атомные, криогенные, водородные, двигатели, работающие на антивеществе, и т.д. В их основу положены усложненные внутренние инверсии. Примечательно и следующее: ранее наблюдавшееся вытеснение одного носителя качества другим постепенно сменяется преобладанием сосуществования и определенной специализацией двигателей по хозяйственным отраслям. Примерно такая же картина наблюдается в части непосредственных орудий труда – машин и механизмов. Они представляют собой сложные комбинации внутренних и внешних инверсий. Современные гибкие производственные системы – это инверсионные комбинации двигателей, гибких производственных ячеек, компьютеров и транспортных линий. То же следует сказать и о сложных машинах-агрегатах. Появившийся в США (70-е годы XX в.) кукурузный комбайн, кроме внутренней инверсии, обладает разнонаправленной инверсией соединения ранее не соединимых функций: совмещает пахоту, точный высев, внесение удобрений и ядохимикатов, распыление гербицидов. Определившийся переход от единичных к противоположным многоцелевым функциям характерен и для станочного оборудования. При этом в самой конструкции и способах обработки металла наблюдается инверсионное движение от макро- к микроуровню.

С переходом от механизации к автоматизации производства инверсионность существенно усиливается и приобретает характер системного процесса. Автоматизированный станкостроительный завод в г. Ямадзаки (Япония) в 80-90-х годах XX в. включал 18 гибких автоматизированных центров, управляемых компьютерами. Ручная сборка заменялась автоматической. Каждые 45 мин. выходил новый станок [27]. Возникновение такого рода систем представляло собой эволюционный процесс, в ходе которого, наряду с другими, осуществлялась инверсия замещения и соединения ранее не соединимого. Поначалу использовались универсальные станки. Их начали вытеснять универсальные автоматы и полуавтоматы. Затем появились специализированные автоматы и полуавтоматы, станки с ЧПУ, агрегатные станки. Из агрегатных станков создавались автоматические линии. Аналогичные линии формировались и из универсальных автоматов. На этой основе возникли комплексные автоматические линии и автоматизированные заводы. Следствием инверсионных процессов стала качественно новая система. В той же отрасли мы встречаем и инверсии другого вида. Одна из них – перестановка станков (перемена мест) в технологической цепи. Не редкость и инверсии модификации, в основе которых – творческое использование уже существующих средств труда, строения живых организмов или их органов. Их результатом являются роботы, электронные машины, имитирующие нейронные структуры человека, луноходы, марсоходы и т.д. В области предметов труда и технологий, как свидетельствуют факты, преобладают инверсии соединения ранее не соединимого и разделения ранее единого. К первым относится образование новых материалов-композитов: металлокерамики, металлопластика, стеклопластика, ферровольфрама, огнеустойчивых сплавов,

взаимодействие тантала с живыми тканями и др. Ко вторым – нефтеперегонные технологии, коксование, гидролиз древесины, флотация рудных компонентов, превращения воздуха в жидкость с последующим разделением на азот, кислород, аргон и многое другое. Широко представлены также инверсии превращения: графита в алмаз, песка в кремний, азота в кислород, хозяйственных отходов в строительные материалы, древесины в сырье для производства горючего и т.д.

В сфере технологий, в частности технологии обработки металла, ведущей тенденцией является переход от старых механических методов к качественно противоположным: электроэрозионному способу, электронно-ионно-лучевому, плазменному, ультразвуковому и др. Инверсия от существующего качества к противоположному представлена и в целом ряде других отраслей, в частности, в черной и цветной металлургии: прямое восстановление металла из руд, биометаллургия меди, производство металлов с заданными свойствами, переход от обычного способа литья к литью в ленту (ФРГ), получение новых сортов сталей на основе добавок и др.

Инверсионные явления и процессы охватывают также сферу труда. Особо ярко выражена здесь, как и в предшествующем примере, тенденция к противоположному. Речь идет, к примеру, о переходе от жесткого разделения труда к объединению работ, от индивидуальных норм к коллективному подряду, от сдельной к фиксированной оплате труда с доплатами, от стихийной к научной организации труда, от преобладания физического труда к преимущественно умственному труду. Одновременно представлены и инверсии перемены мест: ротация кадров, замена простого труда сложным, локальный переход от работы на производстве к работе на дому, вытеснение человека машиной и др. Инверсионные явления и процессы наблюдаются также в организационно-экономической, технико-экономической и социально-экономической сферах производства. Преобладает тенденция перехода от старого к новому качеству: от стихийного развития к управлению экономическим ростом, от конкуренции к сотрудничеству, от линейно-функциональной к дивизиональной системе управления, от специализации к диверсификации, от массового производства к мелкосерийному и т.д. Говоря об этой тенденции, О.Тоффлер в «Третьей волне» подчеркивал, что в супериндустриальном обществе конкуренция, централизация, синхронизация, специализация, стандартизация обращаются на противоположность [3,5]. Но в рассматриваемой сфере представлены и инверсии соединения ранее не соединимого: технополисы, объединяющие мелкий бизнес, науку и региональную власть, технопарки, кластеры, включающие ряд взаимодополняющих предприятий. Крупный и мелкий бизнес от противостояния переходят к сотрудничеству. Аналогичные инверсионные явления и процессы характерны для рынка, кредитно-денежной системы, институтов, экономической политики, сельского хозяйства, науки. На рынке, к примеру, наблюдается процесс перехода от стихийного к управляемому спросу, вовлечение потребителя в процессе улучшения продукта, разрыв между гипертрофированным финансовым капиталом и реальным экономическим

процессом. В кредитно-банковской системе примерами инверсий могут служить многочисленные объединения и поглощения, разделение ранее единых банков, превращение кредитно-сберегательных обществ в акционерные банки.

Там же имели место и инверсии иного рода. В Германии и Франции 20-30-х годов XX в. объединение банковских капиталов в центр страны способствовало сначала усилению дифференциации периферийных банков, а затем усилению их централизации и переходу всего процесса в территориальную децентрализацию [4]. В других сферах преобладают инверсии соединения.

В институциональном секторе последних десятилетий возникают новые, межфирменные, межотраслевые, государственно-отраслевые и межгосударственные организации. В сельском хозяйстве наиболее распространены такие инверсии, как создание гибридных и мутированных сортов растений, межвидовые скрещивания животных, клонирование, объединение фермерских хозяйств в кооперативы и т.д.

Широко представлены инверсионные явления, процессы и инверсионные подходы в современных естественных науках: физике, химии, математике. Разделение ранее неделимого, соединение не соединимого, перемена мест, превращения составляют сердцевину подавляющего числа экспериментов в физике и химии. Целый ряд наук представляет собой соединение различных ветвей знаний: кибернетика, физическая химия, бионика, математическая физика и т.д. Рассматриваемые явления и процессы широко распространены также в экономических науках. Достаточно указать на синтез теории трудовой стоимости и теории предельной полезности у М.И. Туган-Барановского, объединение микро- и макроанализа неокейнсианцами, противоречивость точек зрения на экономическую роль государства и многое другое.

Все вышесказанное об инверсиях позволяет сделать ряд предварительных обобщающих выводов:

1. Инверсии лежат в основе всех качественных изменений и представлены во всех структурных элементах экономической системы. Они раскрывают внутренний механизм перемен. Поэтому все сказанное о качественных изменениях во второй главе имеет непосредственное отношение к их характеристике. Что касается механизма перемен, то, как свидетельствуют примеры, в настоящее время к нему можно отнести: переход к противоположному, перемену мест, модификацию, движение от конца к началу и обратно, разделение ранее неделимого, соединение ранее не соединимого, бифуркацию.
2. Инверсионность является неотъемлемым, сердцевинным свойством процесса развития социально-экономических систем, подсистем, процессов и явлений и должна быть представлена в понятийном аппарате и содержании экономической истории и других экономических наук.
3. В теоретико-методологическом плане инверсионные явления, процессы, структуры, поля, представляют собой малоизученную

сторону социально-экономической действительности, которая в настоящее время является предметом исследования историко-экономической эвристики.

4. Инверсии определяют содержание внутрисистемного поля качественных изменений. Поэтому представление об инверсионном поле становится неотъемлемой частью современного понимания системности экономических объектов.
5. Углубленное изучение инверсионных качественных изменений напрямую связано с интеграцией научного принципа развития в экономические науки, управления и права с повышением их содержания и практического потенциала.
6. Необходимость исследования инверсий диктуется также следующими обстоятельствами:
 - а) известно, что социально-экономические системы усложняются. Их внутренние связи усиливаются и разнообразятся. Скорости внутренних перемен нарастают. В этих условиях, как уже отмечалось, даже малые изменения вызывают большие, иногда катастрофические последствия. Поэтому становится неизбежным постоянное отслеживание внутрисистемных качественных изменений. Отсюда же следует неизбежность разработки теории инверсионного поля, как необходимой предпосылки постоянного мониторинга в интересах практики;
 - б) создание теории полевых качественных изменений диктуется также необходимостью совершенствования концепции управления переменами. Многие из того, что с практической точки зрения сегодня представляется выгодным, с точки зрения формирования эффективного поля, может оказаться нерациональным и даже вредным. Гарантом положительных решений и в этом случае может стать детальная теория внутрисистемного поля;
 - в) уже на современном этапе исследования инверсионности отчетливо вырисовывается ее связь с формированием сетевой экономики. Сетевые явления возникают не только вследствие простых качественных изменений, но и вследствие формирования сетевых структур: кластеров, альянсов, технополисов и т.д. Это значит, что понимание перехода от индустриального к постиндустриальному обществу и его основы – сетевой экономики – требует всестороннего исследования внутрисистемных полевых инверсий и разработки соответствующей теории;
 - г) превращение существующих теорий экономического роста в общепризнанную, научную теорию развития социально-экономических систем в качестве главного условия предполагает также углубленное изучение качественных инверсионных изменений и необходимость их детальной теоретической интерпретации.

Итак, качественные изменения инверсионного характера представлены во всех отраслях и сферах динамической, социально-экономической системы. Их

изучение крайне необходимо. Но их теоретическое осмысление и понятийная интеграция в структуру знаний экономической истории, других экономических наук, управления и права еще не состоялись. В связи с этими возникает вполне закономерный вопрос: как влияет эта ситуация на современную экономическую действительность? В поисках ответа обратимся к украинской экономике периода рыночной трансформации, т.е. периода осуществления инверсии превращения старой социально-экономической системы в качественно противоположную. Экономическое мышление данного этапа встретилось с проблемами чрезвычайной сложности. Следует отметить, что преодолело целый ряд из них, правда, со значительными потерями и упущениями. Последние, на наш взгляд, в значительной степени связаны как раз с тем, что в структуре современных экономических знаний отсутствовала система научных представлений, характеризующих инверсионность социально-экономического процесса развития. Встретившись с инверсионностью реальности, реформаторы обнаружили, с одной стороны, недопонимание закономерностей качественных изменений, их зачастую необычной логики, а с другой – в своих мыслительных конструкциях по этой же причине допустили многочисленные, малоосознанные отрицательные инверсии, существенно усложнившие процесс преобразований. На их глазах спрос с рынокообразующего фактора превращался в дестабилизирующий фактор, либерализация внешней торговли – в подавление и развал собственного производства, налоговый кодекс – в сборник разрозненных, неинтегрированных законов. Их крайняя убежденность в отрицательной роли командно-административных методов регулирования экономики и надежды на стабилизирующую функцию «невидимой руки рынка» (XVIII век!) привели к отрицанию государственного вмешательства, к стихийности многих социально-экономических явлений и процессов. Положение осложняли также инверсионные решения, противоречащие мировому опыту: введение налога на добавленную стоимость, разделение внешних и внутренних инвестиций, преобладание фискальных функций налогообложения и т.д.¹ [5]. Эти и подобные им отрицательные тенденции во многом продолжаются и в наши дни.

Вместе с тем в локальных ситуациях, там, где инверсионное мышление начинает преобладать, наблюдается иная картина. Об этом свидетельствует хотя бы следующий пример. Ильичевский морской торговый порт, один из запорожских машиностроительных заводов и финская фирма заключили временный инверсионно-кластерный договор, обеспечивший южно-украинские предприятия заказами и финансами, а их партнера – транспортными и иными выгодами. Аналогичные позитивные сдвиги на почве освоения инверсионных подходов наблюдаются и в области экономических наук. Они представлены, в частности, в работах московских, киевских и одесских ученых С.С. Дзарасова [6], А.Маньюшиса, В. Тарасова, В. Смолянинова [7], Ю. Бажала [8], В. Осипова. [5]. И отрицательные последствия игнорирования

¹ Детальное изложение данных и целого ряда других фактов приводится в содержательной монографии В.И. Осипова «Украина – XXI»: Как вырваться из трясины затяжного социально-экономического кризиса? - Одесса: Автограф, 2001.

инверсионного характера реальности и положительные результаты ее использования – еще одно подтверждение необходимости детальной разработки рассматриваемой проблемы. Естественно, она должна решаться коллективами ученых. Не было бы большой ошибкой игнорировать и бескорыстные попытки отдельных энтузиастов. Памятуя об этом, обратимся к авторской трактовке инверсии.

Под инверсией в экономической истории понимается качественное изменение явления, процесса, структуры поля, систем, в основе которого лежат инверсионные принципы: соединения ранее не соединимого, разделение ранее неделимого, превращение в противоположное, перемена мест, модификация, движение от конца к началу и обратно, бифуркация.

Наиболее общими причинами инверсий являются внедрение достижений науки и образования, проблемы, возникающие в ходе социально-экономического развития, изменения спроса и предложения, временной характер носителей качеств, их предельность. Причинами ускоренной инверсионности могут стать экстремальные условия, враждебность среды обитания, высокая степень внутренней интегрированности и адаптивности объекта. Инверсии разнокачественны, имеют уровневый характер, могут быть дискретными или непрерывными, управляемыми или самопроизвольными, одноцелевыми и многоцелевыми, конструктивными и деструктивными.

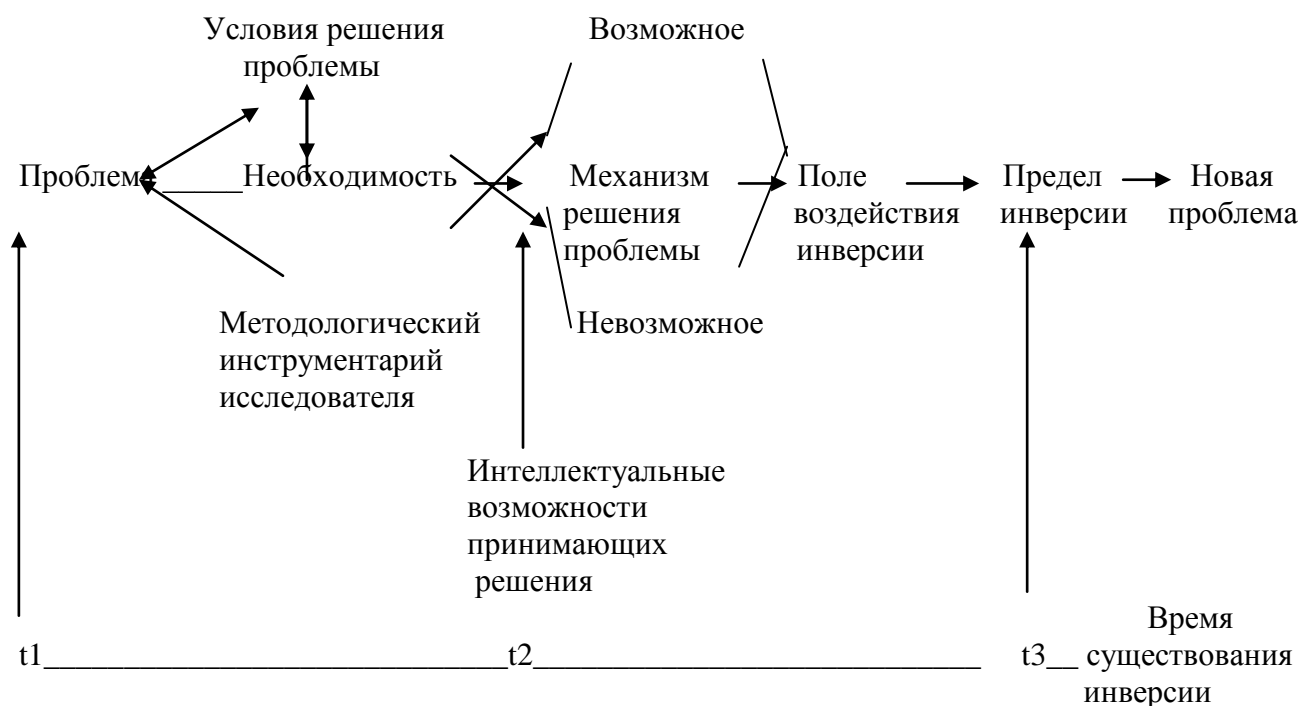
В производственных системах они подразделяются на инверсии функционального уровня и непосредственно воздействующие на процесс развития. При этом первые, аккумулируясь в течение определенного периода, частично могут переходить во вторые.

С точки зрения длительности, инверсии можно подразделить на долгосрочные, краткосрочные и вялотекущие. Межуровневые инверсии, в основном, связаны с маргинальными качественными изменениями и поэтому имеют свою специфику. В совокупности и в отдельности все они могут выступать в форме стимуляторов, консервантов, аннигиляторов социально-экономических процессов и явлений. По фазовым состояниям различаются формирующиеся, текущие и завершенные инверсии. Исследование процессов возникновения и возможных направлений развития инверсий представляет собой актуальную и особо сложную научную проблему. Не менее сложной является также проблема соотношения уровня инверсионности мышления и инверсионности реальных процессов. Именно это соотношение определяет результативность управляемых инверсий, включая преодоление или усиление противоречий, конструктивность решений или сползание к аномалиям и катастрофам.

По степени влияния на социально-экономическую среду инверсии, с определенной долей условности, можно подразделить на простые, сложные и базовые. Простые инверсии, естественно, проходят стадии возникновения пикового периода и завершения. Они, как правило, связаны с локальными качественными изменениями в области орудий, предметов труда, труда и других сфер. Примером такой инверсии может служить изобретение вертолета-сеялки, гелиоавтомобиля, кухонного комбайна. Многие из простых

инверсий начинаются с возникших проблем. Поэтому, чтобы изобразить простую инверсию в форме адаптивно-поисковой модели, необходимо начинать, как правило, именно с возникшей проблематики, перерастающей в необходимость. Неотъемлемым элементом модели должен стать анализ условий решения проблемы, а также – методологического инструментария и уровня знаний лиц, занятых ее преодолением. При этом решение рассматривается как взаимодействие этих составляющих с учетом финансового и интеллектуального обеспечения процесса. Само же взаимодействие исследуется в рамках возможного, необходимого и невозможного в данных условиях.

Учитывая опыт французской историко-экономической школы, в структуру модели вводится исследователь, точнее, анализ его теоретико-методологического инструментария, с определением уровня его соответствия характеру исследуемой проблемы. Именно на этой основе автор дает оценку степени эффективности инверсионного решения, принятого в прошлом. Модель предусматривает также исследование поля воздействия инверсии, ее сетевых последствий и степени их влияния на внутреннюю среду данной подсистемы. После этого, если процесс продолжается, определяется время существования данной инверсии и наступление ее предела, за которым обычно возникает уже следующая, совершенно новая проблема, и весь цикл повторяется снова. В результате с учетом всех перечисленных аспектов наша графическая адаптивно-поисковая модель простой инверсии будет иметь примерно следующий вид:

Предложенный вариант адаптивно-поисковой модели может детализироваться и реконструироваться в зависимости от особенностей материального носителя качественных изменений. Он является и отражением

реальности и инструментом познания. Его нацеленность на совершенствование предполагает одновременный поиск в области рационализации методологических приемов исследования и обогащения теории инверсионных изменений. Кроме сказанного, адаптивно-поисковая модель по сравнению с традиционным историко-экономическим анализом перемен имеет целый ряд других преимуществ. Наиболее существенные из них такие:

1. Модель нацеливает на исследование инверсионных явлений и процессов, которые не были ранее специальным предметом историко-экономических исследований. Поэтому информация, полученная в ходе данного изучения, будет новой. Кроме того, вводя в терминологический аппарат анализа понятия методологических способов решения проблемы, необходимого, возможного и невозможного, поля воздействия вторичных инверсий, предела и запредельной ситуации, мы уже ориентируем исследователя на извлечение знаний, которые раньше оставались за границами исследовательского процесса.
2. В механизм изучения инверсий включается представление о роли интеллектуального фактора качественных изменений и интеллектуальных возможностей исследователя. Первое нацеливает на выяснение особенностей и степени эффективности инверсии, а второе – на определение степени творческого участия познающего в освещении проблемы.
3. Модель является проводником идеи инверсионности развития и внедрения инверсионных приемов исследования в экономической истории и других науках. Используя эти приемы (умственный эксперимент, разделение неделимого, соединение ранее не соединимого, превращения, перемену мест и др.), мы также можем получить ранее не известную информацию о развитии.
4. Исследование деструктивных инверсий расширяет наши знания о механизмах торможения экономического развития и может быть полезным для практики.
5. На рубежах историко-экономической эвристики управления, экономических наук и современной практики вырисовывается возможность проектирования инверсий.

Что касается сложных инверсий, то они возникают на основе нескольких инверсионных принципов и отличаются широким полем воздействия. Примером может служить инверсия технологического пересечения стекольной промышленности и сферы связи. Результатом этого стало производство световодов для оптико-волоконных систем и появление новых видов связи. Интересный пример сложной инверсии наблюдался в деятельности японской фирмы «Нисан». В работе с поставщиками там применяли такие инверсионные приемы: поставщику, в отличие от обычной практики, не давались спецификации, а только описание функций товара. Тот конструировал изделие и предлагал прототип заказчику, который внимательно его изучал. В результате по его замечаниям партнер вносил изменения. Последние согласовывались на основе договоренности [9,27]. К сложным инверсиям может быть отнесена

также координация спроса и предложения на основе комбинации административного и ценового регулирования. Сюда же следует причислить институты межфирменной кооперации, соединяющие переход от конкуренции к сотрудничеству с инверсионными приемами обучения кадров, регулированием цен, использованием инноваций.

Особого внимания заслуживают сложные инверсии базового характера. Их влияние часто распространяется на всю отрасль, ряд отраслей, областей или сфер, а иногда и на всю хозяйственную систему. В. Ойкен, к примеру, в работе «Основы национальной экономики», характеризуя основные экономические процессы в Европе (с XI века) говорит, в частности, о переходе от барщины к земельной ренте. Результатом этого качественного изменения стали производные инверсии: перенос хозяйственного управления с господских усадеб на крестьянские дворы, изменение трудовых отношений, более активное вовлечение крестьян в рыночную стихию [10].

Базовую инверсию, по нашему мнению, следует рассматривать как неотъемлемую часть единого исторического потока, как долгосрочный процесс, представляющий этап еще более протяженного, сверхдолгосрочного процесса развития. Она возникает на основе предшествующей сети инверсионных изменений, имеет свою проблемно-инверсионную сердцевину, пик развития, предел и проблематику предела, решение которой связано уже с качественно иным состоянием. Использование теоретических представлений о базовых инверсиях позволяет по-новому взглянуть на уже устоявшиеся историко-экономические понятия и извлечь дополнительную, ранее не известную информацию.

Рассмотрим такую базовую инверсию, как, казалось бы, хорошо изученный промышленный переворот. В большинстве случаев исследование и изложение его содержания строится по схеме предпосылки – основные явления переворота – социально-экономические последствия (для каждой данной страны). Такие же схемы представлены и в новейших исследованиях, например, в работе известного американского историка Рондо Камерона «Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней» [11]. Обратим поначалу внимание на то, что, во-первых, звено схемы содержит в себе довольно существенную часть волюнтаризма. Выбор предпосылок если и не случаен, то разобщен, отрывочен, нарушает структуру реальной исторической ткани, а главное, уводит от анализа процесса развития, его инверсионных механизмов. Не случайно против такого подхода высказывался знаменитый французский историк-экономист Фернан Бродель. Исследование основных явлений промышленного переворота также разобщено и часто детализировано до такой степени, что почти исчезает то общее, что их объединяет, а именно то, что они являются инверсионными составляющими уровневого процесса развития, а не просто обособленными фактами. При таких подходах понимание промышленного переворота становится неполным и в известной степени даже деформированным, что прослеживается и в его новейших определениях. При всей оригинальности трактовки этого не удалось избежать даже такому выдающемуся исследователю, как Д. Хикс. Его понимание сущности

промышленного переворота, изложенное в «Теории экономической истории», сформулировано следующим образом: «Влияние науки, стимулирующее развитие техники, появление новых источников энергии и ее использование для придания машинам большей точности и надежности, при постепенном сокращении их стоимости, что обеспечило возможность их широкого применения во многих областях – вот в чем заключается сущность промышленной революции» [12, С. 188]. В отличие от целого ряда авторов, полагающих, что основные изобретения промышленного переворота являются делом рук практиков, Д. Хикс настаивает на приоритете науки, стимулирующей развитие техники. Но, во-первых, науку того времени можно рассматривать только в качестве одного из действующих, строго ограниченных факторов (изобретение паровой машины, химическое производство). Во-вторых, развитие техники в период промышленного переворота стимулировала не столько наука, сколько проблематика производства, обостряемая ростом спроса на топливо, сырье, промышленные товары. В-третьих, промышленный переворот, кроме механизации производства, характеризуется и производными инверсиями: социальными сдвигами, переменами в технико-экономических, социально-экономических и организационных отношениях на уровне предприятий, изменениями в размещении производительных сил и др.

Кроме сказанного, инверсионный подход к проблеме дает и следующие основные преимущества:

1. Он выдвигает на первый план анализ инверсионности явлений и процессов, акцентирует внимание на внутреннем механизме качественных изменений в рамках единого долгосрочного потока развития.
2. Вместо разрозненных предпосылок промышленного переворота, анализируется инверсионный континуум предшествующего этапа развития, его проблематики, аккумуляция качественных изменений, усиление их взаимосвязей, тенденций к самоорганизации и порядку.
3. Промышленный переворот рассматривается как долгосрочный процесс инверсионного решения назревших проблем. Процесс, имеющий свой предел и подготовивший следующий качественный этап развития, – научно-техническую революцию на рубеже XIX-XX веков. Последняя, в свою очередь, стала базой научно-технической революции середины 50-х годов XX в. и последующего периода. Таким образом, промышленный переворот предстает не просто как нечто давно прошедшее, а как закономерный этап на пути к современности, этап, определивший направление развития современного общества, особенности материально-технической базы, социальных отношений, мышления и положения человека в созданных им технико-экономических структурах. Целый ряд проблем, возникших в период промышленного переворота, с течением времени усиливаются и являются особо актуальными в наши дни (уничтожение окружающей среды, исчерпание ресурсов, вытеснение человека машиной, выхолащивание

гуманистических ценностей и многое другое.). Отсутствие таких аспектов характеристики промышленного переворота в нашей исследовательской и учебной литературе существенно снижает уровень научного понимания.

4. Вопрос о роли науки и практики в ходе переворота решается путем дополнительного исследования инверсионности в долгосрочном процессе трансформации аккумулированного практического опыта в науку. Схема исследовательско-поисковой модели такого превращения включает анализ постепенного развития умений и навыков, их дифференциации, накопления и превращения в опыт. Затем следует стадия изучения письменного обобщения опыта и его постепенного оформления в преднаучные положения. Исследуется также ответвление опыта-эксперимента и трансформации обеих тенденций в систему научных знаний. Таким образом, умения, навыки, опыт практиков и наука предстают в историко-экономической эвристике как разноуровневые, но относящиеся к одному и тому же процессу, качественные явления, возникшие в итоге инверсий. Они едины и вместе с пуританским мировоззрением образуют духовную составляющую промышленного переворота. Поэтому противопоставление или склонение к одному из них является, на наш взгляд, ошибкой. Эта точка зрения может и должна быть представлена не только в исследовательской, но и в учебной литературе. Там же для объективности и связи с долгосрочным процессом, уходящим в современность, следует подчеркнуть инверсию оттеснения умений, навыков и личного опыта производителя не только новыми технологиями, но и знаниями. Причем, как позже отмечал русский философ Л. Шестов, знаниями, определяющими, что и как делать и частично уводящими от самостоятельного творческого мышления. Отсюда следует, что промышленный переворот и последующее развитие материально-технической базы вызывают серьезнейшую, отрицательную инверсию на уровне духовных производительных сил рабочего, обесценивая его навыки, умения, опыт и резко сужая возможность творческого влияния на производственный процесс. Вначале она выступает в форме маргинального явления, но с течением времени превращается в усиливающийся процесс, имеющий выход в современность. В настоящее время ему противостоит тенденция роста знаний и вовлечение рабочего в микрорационализацию. Но ей, в свою очередь, ставит труднопреодолимый предел современная автоматизация, резко сужающая творческие функции и уменьшающая количество занятых в производстве.
5. Основные явления и процессы промышленного переворота рассматриваются как инверсии, имеющие более или менее обширное поле влияния. В рамках этого поля, как уже отмечалось, возникают вторичные или производные инверсии. Одновременно изменения охватывают микро-, мезо- и макроуровни хозяйственной системы. При этом центром перемен становится предприятие, прогрессирующее, как

известно, от мануфактуры к фабрике, основанной на системе машин. Система внутризаводских изменений охватывает управление, отношения между человеком и машиной, наемным рабочим и собственником, концентрацию производства, стандартизацию, изменения в организации труда, учета и т.д. На уровне отрасли вторичные инверсии выступают в форме рационализации размещения производства, усиления межотраслевых связей, концентрации капитала, появления отраслевых институциональных организаций. Ссудный капитал обособливается от промышленного. Индивидуальный капитал объединяется в акционерный. На макроуровне инверсионные процессы охватывают, в первую очередь, сферу законодательства, охраны частной собственности и свободы предпринимательства. Качественные перемены в экономической политике способствуют развитию торговли, изобретательства и ключевого микрораздела экономики – предприятия. Перечисленные вертикально-горизонтальные, инверсионные, уровнево-сетевые взаимосвязи подготавливают новый этап саморегулирования экономики и новую ступень хозяйственного порядка. Его итоговым результатом стал аккумуляционно-синергетический эффект, существенно ускоривший качественные изменения. Следует отметить, однако, что очерченный механизм не является таким прямолинейным. В ходе промышленного переворота представлены саморегулируемые, сознательно регулируемые и стихийно развивающиеся процессы. Поэтому аккумуляционно-синергетический эффект, по-видимому, следует понимать как механизм их сложного, инверсионного взаимодействия. При этом творческая роль стихийных процессов требует особого внимания и детального исследования.

6. Немаловажен и следующий аспект. Промышленный переворот свидетельствовал о постепенном, расширяющемся проникновении инверсионных приемов в мышление высококвалифицированных практиков и ученых, об утверждении инверсионного подхода как творческого изобретательского приема. В дальнейшем этот процесс существенно усиливается и входит в фазу пикового развития в наши дни. Но его осознание, как уже отмечалось, существенно отстает, особенно в экономических науках. Между тем речь идет о становлении нового типа мышления, обещающего большие перемены в гуманитарных науках, образовании, институтах и социально-экономических отношениях.
7. Таким образом, давая определение сущности промышленного переворота, с точки зрения историко-экономической эвристики, мы можем сказать, что он представляет собой долгосрочный, системно-инверсионный, уровнево-сетевой процесс перехода от традиционных сельскохозяйственных к индустриальным обществам. Одновременно это основополагающий этап в развитии материально-технической и социально-экономической базы капитализма, за которым последовали научно-технические революции рубежа XIX-XX в. и второй половины XX, начала XXI века.

Сердцевину промышленного переворота составляют:

- а) инверсионные переходы от ручного труда к машинному, от мануфактуры – к фабрике, основанной на системе машин. Становление первого этапа в развитии материально-технической базы капитализма;
- б) завершение процесса формирования основных классов этого общества. Окончательное оформление присущих ему социально-экономических отношений;
- в) инновационные изменения технико-экономических, организационно-экономических и социально-экономических отношений на уровне предприятия;
- г) начало отрицательного воздействия технико-технологической базы на окружающую среду и человека;
- д) трансформация некоторых особенностей и недостатков переворота в последующие периоды;
- е) постепенное утверждение, наряду с механическим подходом к явлениям и процессам, инверсионного мышления и инверсионного подхода (в науке и практике);
- ж) повышение роли духовной составляющей (знания, опыт, навыки, умения) в осуществлении переворота и последующем развитии социально-экономической системы в целом.

Таким образом, наряду с прочими преимуществами, в результате использования инверсионного подхода мы получили более полное определение промышленного переворота по сравнению с тем, которое дается у Д. Хикса. Это существенно важно и для исследовательского и для учебного процесса. Что касается последнего, то предложенный вариант понимания открывает возможности инверсионного анализа процесса развития материально-технической базы от промышленных переворотов до современности, использования инверсионных моделей и представлений о творческой составляющей процесса развития. С ним связано также постепенное формирование эвристического образа мышления обучающихся. Следует отметить, что базовые инверсии представлены не только в прошлых исторических периодах. В наше время существуют регулируемые базовые инверсионные образования, такие, к примеру, как Европейский Союз. Изучение инверсионных явлений и процессов в этой структуре может существенно ускорить формирование теории качественных изменений и теории развития в целом. Решению данной проблемы будет способствовать также исследование особых видов инверсий. К ним, на наш взгляд, в первую очередь, относятся инверсии расслабления, модификации, ветвящиеся и цепные инверсии. О явлениях качественного расслабления известно немного. Они часто связаны с предельными состояниями, слишком благоприятными или особо экстремальными условиями, значительно превышающими адаптивные возможности экономической системы, структуры, человека. Их причинами могут быть плохое управление, снижение мотивации труда, постоянное социальное давление, слишком

большой культурный разрыв между отдельными этническими группами, чрезмерно завышенные требования к подчиненным, стереотипное мышление, узость кругозора, недостаточность информации и денежного капитала. Процессы расслабления, как правило, начинаются с маргинальных, качественных изменений и поэтому на начальных стадиях трудноопределимы. Между тем упреждающая информация о них чрезвычайно актуальна не только для экономической истории, но также для других экономических наук и современной социально-экономической практики.

Инверсии модификации в большинстве случаев связаны с творческим использованием производственного, управленческого или институционального опыта. Приведем несколько примеров. В эпоху Мейдзи (1868-1912) японцы на протяжении двадцати лет изучали наиболее эффективные институты и способы управления в других странах. Но использование этого опыта было связано с критической оценкой, творческой реконструкцией и адаптацией, т.е. направленное соединение ранее не соединимого, включало активно действующую интеллектуальную составляющую. В экономической истории Японии такого рода инверсионные процессы встречались затем неоднократно.

Другой пример. В 70-80-е годы прошлого века немецкие специалисты проанализировали опыт развития акционерных обществ своей страны, а также в Голландии, Франции и Англии. Обобщение, сравнение и анализ данных позволили внести существенные изменения в функционирование германских акционерных объединений. Модификационные инверсии часто встречаются также в процессе использования зарубежного оборудования, способов обучения, технологий. В конце 40-х годов XX в. в СССР был изобретен гидрофобный цемент. Усовершенствованные технологии его производства стали использоваться затем в США, Японии, ФРГ. Имели место и противоположные варианты. Анализ возможной инверсии в условиях данного периода приводил к отрицательным выводам и поиску новых решений. Во второй половине прошлого века специалисты японской фирмы «Тойота» посчитали опасным копирование опыта Форда и вскоре разработали свою систему – «Канбан» [13]. Влияние инверсии модификации на процесс развития зависит от потенциала исходного качественного образования, интеллектуальной составляющей модификаторов, менталитета населения и особенностей материально-технической среды внедрения новшества. Материально-техническая и организационная базы по своему уровню должны быть близкими базе страны, откуда берется новшество. В противном случае несоответствие его качества качеству среды существенно затруднит внедрение или же сделает его бесполезным. Поэтому в целом ряде случаев условием инверсии становится также модификация среды. Интеграция инверсий модификации открывает возможности разработки теории использования положительного и отрицательного историко-экономического опыта. Негативный опыт в форме неудачных инверсий модификации должен предостеречь от ошибок и послужить разработке

специальных методик, содержащих полезную, упреждающую информацию. Но инверсии модификации сами по себе связаны не только с использованием опыта, но и с рационализацией и адаптацией данного качества в условиях изменяющейся среды. Необходимость в этом возрастает вместе с ускорением технико-экономических, социально-экономических и других перемен. Мониторинг среды становится необходимым условием существования фирм, организаций, институтов, специалистов всех уровней, а творческая инверсия модификации – необходимейшим средством их адаптации и конкурентоспособности. Это значит, что разработка специальных методик по мониторингу экономической среды и творческим инверсиям модификации становится одной из главных задач. В ее решении определенное участие могут принимать и историки-экономисты. Особого внимания заслуживают качественные изменения в форме сложных, ветвящихся инверсий. Они, как правило, начинаются с одной исходной инверсии, которая порождает целый ряд производных. Последние, в свою очередь, могут иметь ряд ответвлений. Примеры таких инверсий чаще всего встречаются в химических технологиях, машиностроении и приборостроении, социальных и рыночных процессах. В 1984 г. был создан новый класс полупроводниковых материалов (гетероструктуры). На их основе изобрели лазеры – основу мировой сети коммуникаций [14.130]. Лазеры разнообразились и использовались для термоупрочения стали и чугуна, сварки, контроля за качеством продукции, резки металлов, а также в печатном деле, хирургии и т.д. Аналогичная инверсия наблюдалась в результате внедрения микропроцессоров (с 70-х годов XX в.). Они обеспечили миниатюризацию основных блоков компьютерных систем, использовались в машинах как управляющие системы, открыли возможности перехода от механических к интеллектуальным роботам, совершенствования отраслевых технологий и т.д. В социальной сфере подобные ветвящиеся последствия возможны в результате совершенствования или снижения организации труда, изменения условий быта, кризисного состояния экономики и др. Ветвящиеся инверсии существенно разнообразят, ускоряют или замедляют процесс развития. Их связь с динамикой системы наводит на мысль об учете массы и скорости изменений в ходе историко-экономического анализа. За этим вырисовываются очертания и такого нового понятия, как энергия качественных изменений. В начале XX в. немецкий ученый В. Оствальд уже сделал попытку распространения этого понятия из области химии на социальные науки. Этот инверсионный прием, по нашему мнению, заслуживает нового, детального осмысления и практической реализации.

Наряду с уже рассмотренными, в экономической действительности часто встречаются и цепные инверсии. Они, как правило, возникают под воздействием качественно нового явления или процесса. В 60-80-х годах прошлого века в США существенно возросли расходы бюджета. Это вызвало рост займов и учетных ставок. Стоимость доллара повысилась. Результатом стали удорожание экспорта и рост импорта. Последнее привело

к необходимости бюджетной поддержки экспортных отраслей, расходы бюджета увеличились. На основе данной инверсии, как видим, лежит принцип от начала к концу и обратно. Приблизительно в тот же период в США имела место так называемая «война с бедностью», государство оказывало беднейшим слоям населения финансовую помощь. В итоге - тенденция данной прослойки к сбережениям снизилась на 20-25 %. Это нарушило равновесие совокупных сбережений и инвестиций. Понижение уровня вкладов уменьшило объем капиталовложений. Экономический рост замедлился [15]. Положительное мероприятие обернулось отрицательным макропоследствием. Рассмотренная инверсия свидетельствует, что в процессе развития самопроизвольно могут возникать механизмы торможения и что их познание связано с теоретическими представлениями о цепных инверсиях. Обнаружение и анализ последних – одна из серьезнейших задач историко-экономических исследований. Ее решение существенно расширит их творческие связи с экономической теорией и другими экономическими науками.

Итак,

1. Интеграция научного понятия инверсионности развития в экономической истории, экономической теории, управлении и праве является необходимым условием детализации представлений о механизмах внутрисистемных качественных изменений, предпосылкой повышения их научного содержания и усиления связей с практикой.
2. Все перечисленные виды инверсий и присущие им признаки (временное доминирование, уровневый характер, аккумуляция, маргинальности, сопряжения, напластования и др.) составляют, как отмечалось, внутрисистемное поле качественных изменений, теория которого должна быть создана общими усилиями представителей всех заинтересованных наук.
3. Исследование инверсионных явлений, процессов, полей в структуре историко-экономических и теоретических разработок возможно уже сегодня. В этих целях могут быть использованы:
 - а) моделирование инверсий. Пример начального варианта модели простой инверсии дан в настоящей главе. Остальное зависит от творческого вклада каждого исследователя. В экономической истории, наряду с моделированием реальных изменений, следует использовать их альтернативно-оптимальные инверсии. Это даст возможность точнее определить уровень использования потенциала реальной инверсии;
 - б) исследовательский подход «процесс-поле» в сочетании с эвристическим приемом «от конца к началу и обратно», анализом маргинальностей, превращений, взаимодействий. Особого внимания заслуживают долгосрочные процессы дискретного характера. Это относится также к взаимодействию экономических наук. Актуальной проблемой, в частности, является исследование творческих взаимосвязей экономической истории и экономической теории;

в) маргинальный подход. Составление матриц инверсионного поля предприятия, отрасли, региона обещает упреждающую информацию о скрытых явлениях и процессах. Один из экспериментальных вариантов такой матрицы приводится ниже:

Виды инверсий	Фазовые состояния инверсий			Особенности механизма качественных изменений			Реальные и ожидаемые последствия инверсий	
	Маргинальный уровень	Текущая инверсия	Завершенная инверсия	Преобразование	Разделение неделимого	Соединение несоединимого	(+)	(-)
1. Инверсии модификации 2. Инверсии разветвления 3. Цепные инверсии 4. Инверсии расслабления								

- Исследование инверсий в рамках историко-экономической эвристики и формирование теории инверсионных полей позволит перейти к проектированию инверсий в управлении, праве, общей экономической теории, отраслевых экономических науках. Особый интерес уже сейчас вызывает перспектива конструирования процессов-композигов, антипроцессов, многоцелевых, кластерных инверсий. Они могут стать мощными стимуляторами развития организаций, регионов, социально-экономических систем. Одновременно проектирование инверсий будет способствовать росту социально-экономической безопасности, включая противодействие экстремизму и широкомасштабной агрессии.
- Изложенное дает основания заключить, что ускорение процесса формирования историко-экономической эвристики, исследующей инверсионные явления, процессы, структуры и поля, является первоочередной проблемой, в решении которой заинтересованы все экономические науки, управление и право. Необходимо объединение исследовательских сил. Время не ждет.

ЛИТЕРАТУРА

- Уперенко Н.А. О прикладном разделе экономической истории – историко-экономической эвристике – «Рыночная экономика: современная теория и практика управления». – О.: Бахва, 1998. – С.73-83.
«Историко-экономическая эвристика на рубежах современного

- управления и права» - «Рыночная экономика». – О.: Астропринт, 2003. – Т.6.
2. Хозрасчетные стимулы ускорения научно-технического прогресса. – К.: Наук. думка, 1991.
 3. Тоффлер О. Третья хвиля – Сучасна зарубіжна соціальна філософія. – К.: Либідь, 1986.
 4. Бонен У. Соотношение между крупными региональными и центральными банками Франции. – Нью-Йорк, 2003.
 5. Осипов В.И. Украина XXI: как вырваться из трясины затяжного социально-экономического кризиса. – О.: Автограф, 2001.
 6. Теории капитала и экономического роста. – М.: МГУ, 2004.
 7. Маньюшис А., Тарасов В., Смолянинов В. Виртуальное предприятие как эффективная форма организации внешнеэкономической деятельности. – //Проблемы теории и практики управления, 2003. - №4.
 8. Бажал Ю.М. Економічна теорія технологічних змін. – К., 1991.
 9. Бест М.. Новая конкуренция. Институты промышленного развития. – М.: ТЕИС, 2002.
 10. Ойкен В. Основы национальной экономики. – М.: Экономика, 1947.
 11. Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. – М.:РОСПЭН, 2001.
 12. Хикс Д. Теория экономической истории. – М., 2003.
 13. Как работают японские предприятия. – М.: Экономика, 1989.
 14. Алферов Ж.И. Беседа //Нева, 1986, - №5.
 15. Шлезингер Р.М. Циклы американской истории. – М.: Экономика, 1990.
 16. Осуга С., Сазки Ю. Приобретение знаний. – М.: Мир, 1990.

Глава 4

ВНУТРИСИСТЕМНЫЕ ИНВЕРСИОННЫЕ ПОЛЯ КАК НОВЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Одной из главных функций формирующейся историко-экономической эвристики являются постановка и участие в решении междисциплинарных проблем. К ним, в первую очередь, следует отнести проблему обогащения теории систем представлениями об инверсионно-полевом характере качественных изменений. Ее нерешенность существенно сдерживает развитие всех гуманитарных наук, включая, естественно, историю экономики и экономическую теорию.

Преодоление этой ситуации, по нашему представлению, следует начинать с анализа преимуществ и недостатков основополагающего понятия теории и исследовательской практики системного подхода – понятия «система». В многочисленной научной литературе [1] его понимание сводится к следующему обобщенному определению: «Система – это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство» [2, 584]. За этим определением стоит фундаментальная теоретическая схема, включающая представления о разнотипности, многоэлементности, иерархичности систем, присущих им системообразующим отношениям и связям, упорядоченности, контактах с внешней средой и т.д. С 70-х годов XX в. она обеспечивала необходимый уровень понимания организации и функционирования сложных объектов во многих отраслях знаний. Начиная с этого периода, исследователи, к примеру В.Г. Афанасьев, были убеждены, что познать систему – значит:

1. Раскрыть ее сущность, качественную специфику, присущие ей системно-интегрированные качества.
2. Ее состав, качественную и количественную характеристику частей, компонентов. Их координацию, субординацию, главные из частей, на которых держится система.
3. Ее функции, активность.
4. Интегративные системные факторы. Механизмы целостности системы, ее совершенствование и развитие.
5. Ее коммуникации с внешней средой.
6. Ее историю, начало, источник возникновения, становления. Тенденции и перспективы развития, превращения в качественно иную систему [3,3-18].

Такая оптимистическая программа познания действительно во многом свидетельствовала о новых, широких возможностях, открывшихся перед учеными. Но обратившись к результатам исследований в гуманитарных науках, мы обнаруживаем, при всех положительных сдвигах, менее впечатляющую картину. Особенно заметно она тускнеет в экономической истории и экономической теории. Конечно, причины этого часто кроются в

особенностях и специфике развития данных наук. Но значительная часть их восходит и к существующим представлениям о системе. На наш взгляд, они имеют ряд существенных изъянов. Возьмем, например, вышеприведенное определение системы. Она предстает перед нами как неподвижная совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность. Это определение с точки зрения одномоментного зрительного восприятия сложного объекта. Главный упор сделан на его составных частях. Представление об изменчивости во времени полностью устранено. Это преобладание статического подхода к системе прослеживается не только в упомянутом исследовании, но и в бесконечном ряде других работ. Там же, где этот недостаток преодолевался, и авторы исследовали механизм развития системы, речь шла о взаимосвязях функционирования и развития, увеличении многообразия в системе, противоречиях, накоплении нового, преемственности, оптимизации структуры и т.д. При этом разрозненная, линейно-механическая трактовка этих понятий преобладала. И хотя был сделан существенный шаг на пути понимания процесса развития систем, фрагментарность оставалась главным недостатком теории их развития. Одной из ее главных причин, по нашему мнению, стала недооценка проблемы внутрисистемной динамики качественных изменений. Абстракция «накопления нового» заслонила выяснение более важных вопросов: каковы механизмы возникновения качественных изменений? Какую роль выполняет в этом процессе инверсионность? Какими особенностями характеризуется внутрисистемная динамика качества? Наряду с этим, существенным недостатком в понимании социально-экономических систем, их внутрисистемной динамики и прогрессирования было сужено-упрощенное понимание роли духовной составляющей экономического развития. В ее структуру, как правило, включали науку и образование, игнорируя менталитет, духовные производительные силы управленческой элиты, гражданского общества, организаций, семьи и личности. Это существенно деформировало представление о системе, динамике внутрисистемных качественных изменений о развитии в целом.

Таким образом, главными недостатками современного понимания системности сложных объектов, как мы полагаем, следует признать:

1. Преобладание статичного подхода и отсутствие акцента на изменчивости в определении понятия «система».
2. Игнорирование инверсионного характера внутрисистемных качественных изменений и огрубление на этой основе представлений о внутренних связях между частями и компонентами систем.
3. Неполноту представлений о духовной составляющей процесса развития социально-экономических систем, за пределами понимания которой оставались менталитет населения, духовные производительные силы управленческой элиты, гражданского общества, организаций, семьи и личности.

Преодоление этих недостатков связано с формирующейся историко-экономической эвристикой. Именно здесь на первый план выдвигается проблема внутрисистемной характеристики процесса развития с точки зрения качественных изменений. Исследование последних привело к пониманию их инверсионного характера. В частности, выяснилось, что во всех отраслях и сферах хозяйственной системы изменения осуществляются на основе таких инверсионных процессов, как превращение, разделение ранее неделимого, соединение ранее не соединимого, переход в противоположное, перемена мест, движение от конца к началу и обратно, модификация и т.д. Исходя из этого, перемены такого рода были названы инверсионными. Различаются простые, сложные и базовые инверсии. Простые инверсии, как правило, возникают на микроуровне (предприятия, объединения), сложные характерны для мезоуровня (отрасли и сферы хозяйства), базовые формируются, в основном, на макроуровне и часто охватывают систему в целом. Источниками инверсий являются противоречия, выступающие в форме проблем, потребностей, необходимостей. Простая инверсия, модель которой приводилась в предшествующей главе, включает такие основные компоненты, как проблему, интеллектуальную или духовную составляющую, определяющую решение проблемы, новое качество, возникшее вследствие решения, временной интервал его функционирования и производные инверсии, предел существования и новую проблему – замены старого качества более полезным – новым. Проблема как бы «разворачивается» в новое качество. Его свойства реализуются в определенных пространственно-временных границах в форме непосредственного влияния на процесс производства и целого ряда производных последствий и перемен инверсионного характера. Все они в совокупности составляют поле влияния нового качества. Последнее напоминает элементарную частицу, имеющую материальные и волновые свойства.

Исходя из подобных сущностных признаков рассматриваемой структуры, мы можем характеризовать ее как инверсионное поле. В пользу полевой характеристики простых, сложных и базовых инверсий свидетельствует и следующее обстоятельство. Противоречие, с которого они начинаются и которое чаще всего выступает в форме проблемы, возникает как производное явление существующего, более обширного общесистемного поля развития. Возникшее на его основе новое образование является частью внутрисистемного полевого пространства и, следовательно, само является полем. О полевом характере инверсий говорит также такой кардинальный факт. Основу преобладающей части внутрисистемных инверсий (кроме стихийных и скрытых) составляет интеллектуальное решение. Каждая из них, по существу, представляет собой превращение духовного потенциала человека, коллектива, организации в материальный или организационный результат. Духовная составляющая задействована и в регулировании поля влияния нового качества, в обнаружении предела его существования и поиске его заменителей. Ее творчески-регулирующая роль усиливается. Но духовное само по себе не материально и существует в виде поля, в структуру которого входят мышление, знания, умения и навыки, опыт, чувства, моральные установки и ценности. Оно

и трансформируется в качественные перемены, в регулирование их результатов и проблем. Таким образом, материальное и духовное сосуществуют в форме неразрывных взаимопереходов, каждый из которых передвигает их на новую, более высокую ступень. Сказанное дает основание считать инверсии полевыми внутрисистемными образованиями. Они различаются по масштабам, качеству, силе воздействия на систему, скорости, синхронности и асинхронности. Их взаимодействие, комбинации, случайные пересечения рожают новые силовые тенденции, аномальные явления, маргинальности. Внутрисистемное поле развития, аккумулялировавшее результаты предшествующих перемен и содержащее, таким образом, более разнообразную и широкую основу для новых изменений, воспринимает их далеко не однозначно. Его среда может стимулировать или тормозить инверсии, ослаблять или усиливать их, деформировать или разрушать. Кроме того, на них могут активно воздействовать внесистемные факторы. Вместе с тем это многостороннее взаимодействие снова выступает в форме инверсий более высокого, синтезирующего уровня. Это дает основание говорить об инверсионном характере внутрисистемного развития в целом. Если данная характеристика соответствует действительности, а мы уверены, что это так, то мы вправе определять развитие как динамическое поле, приобретающее иллюзорные очертания системного процесса только на макроуровне хозяйственной системы.

Итак, внутрисистемное развитие не процесс, наводящий на мысль о поэтапном линейном движении, а динамичное, многоуровневое и разнонаправленное инверсионное поле, восходящие ступени которого определяются комбинированием и интеграцией аккумулялированных, текущих, возникающих инверсий и внешних влияний. Образно говоря, это подъем всего внутрисистемного поля перемен по вертикали. Инверсионно-полевой подход к развитию не только устраняет рассмотренные выше недостатки в трактовке системности хозяйственных объектов, но обеспечивает также и целый ряд других преимуществ:

1. Инверсионно-полевой подход открывает реальные теоретико-методологические предпосылки результативной интеграции научного принципа развития в современные представления о динамичных социально-экономических системах.
2. Он акцентирует внимание исследователей на возможности характеристики развития не только на основе набора особо ярких фактов и количественных итоговых данных, а «изнутри», обращаясь к инверсионным механизмам перемен, к их инверсионным полям.
3. Этот подход ориентирует на постоянный творческий учет логико-методологических связей между реальной системой, ее теоретико-поисковой моделью, моделью внутрисистемных внутрислоевых изменений и моделями их интегративно-комбинационных взаимосвязей и соотношений.
4. С ним непосредственно связано представление об инверсионности духовной составляющей экономического развития, неоднозначности,

противоречивости ее результатов и необходимости постоянного мониторинга.

Одним из главных условий использования рассматриваемого подхода в истории экономики является формирование детальной теории внутрисистемных инверсионных полей. Со временем она может быть создана в ходе историко-эвристических исследований и новой интерпретации уже известных историко-экономических фактов. Что касается последних, то речь идет об их инверсионно-полевой трактовке. Приведем пример. Д. Харрис в работе «Расхождение в техническом и промышленном развитии Англии и Франции до 1800 года» пишет, что уже накануне промышленного переворота целый ряд отраслей английской промышленности (производство цветных металлов, стекла, кирпича, извести) перешли с древесного на каменный уголь [4]. Инверсия замещения одного вида топлива другим вызвала благоприятные технологические и экономические последствия. Не останавливаясь на них, добавим, что то же качественное изменение вызвало производную инверсию специфического характера. Переход на минеральное топливо, в известном смысле, объединил перечисленные отрасли. В результате возникло однонаправленное, совокупно-полевое воздействие на угольную отрасль (путем повышения спроса). Масштабы и объемы производства там значительно возросли. Возникли и проблемы роста. С углублением шахт старые способы откачки воды стали неэффективными. На смену им пришли паровые насосы Т. Севери и Т. Ньюкомена. Инверсия соединения достижений этих изобретателей с научными разработками (теории расширения газов, трения, теплоты) и личным опытом позволила Д. Уатту создать универсальный паровой двигатель, обеспечивший не только механическую откачку добытого угля, но и механизацию основных работ в самых различных отраслях промышленности. Инверсия перехода от ручного труда к машинному преобразила всю английскую промышленность. Рассмотренная схема причинно-следственных связей инверсионных полей на первый взгляд кажется довольно убедительной. Но уровень ее истинности при дальнейшем анализе оказывается неполным.

Обратившись к внутрисистемному полю развития, мы обнаружим, что именно аккумуляция предшествующих качественных изменений (накопление технического опыта в мануфактуре, расширение знаний, накопление капитала) стала основой осуществленных перемен. Мы убедимся также, что стимуляторами качественных изменений стало расширение и углубление рынка, усиление конкуренции. Обнаружится и следующее: невиданная до того творческая активность изобретателей имела своей предпосылкой глубокие изменения в гражданском обществе, в положении личности, опробовавшей свои возможности в условиях рынка. Сказанное позволяет сделать следующие теоретические обобщения:

1. Инверсионные изменения полевого характера в каждый данный период могут формироваться под воздействием возникающих проблем. Но их качество в значительной степени определяется и уровнем аккумуляции качественных изменений в предшествующий период.

2. Роль стимуляторов качественных изменений играют рыночная среда и конкуренция. Понятие стимуляции, формирования и динамики инверсионных полей требует детальной разработки и включения в терминологический аппарат экономической истории.
3. Логика возникающих причинно-следственных связей между инверсионными полями содержит значительный элемент стихийного и непредвиденного. Поэтому их познание становится одной из важнейших задач историко-экономической эвристики.
4. В процессе формирования совокупности локальных инверсионных полей могут возникать изменения по одному признаку. На их основе, в свою очередь, возможно образование однонаправленных силовых тенденций по отношению к отдельному явлению, процессу, структуре. Исследование механизмов такого рода в процессе познания развития становится обязательным требованием.

Что касается однонаправленных силовых тенденций, то они могут появляться и на основе разнокачественных инверсионных полей. Для подтверждения этого положения воспользуемся информацией, приведенной Р. Бишоффом в статье «О причинах роста малых предприятий» [5]. Автор говорит, в частности, о том, что повышение роли малых предприятий было вызвано совокупностью различных по своей природе изменений: переменой вкусов потребителей, переходом от стандартной продукции к индивидуальным заказам, структурными сдвигами в рабочей силе (рост удельного веса женщин, занятых в производстве), совершенствованием структуры законодательства. Вместе с ростом конкуренции и повышенной адаптивностью малого бизнеса они способствовали значительному расширению сферы его влияния. Существенно усилились инверсии производственного кооперирования малых и крупных компаний. Перераспределились их функции. Промышленный сектор приобрел большую гибкость и адаптивность. Подобного рода явления, естественно, также требуют теоретического осмысления и, в первую очередь, выяснения особенностей их взаимосвязей с внутрисистемным полем развития. То же следует сказать об инверсии нарушения количественно-качественных соотношений (в структуре производства, рынка, населения). В Англии в 70-80-е годы XX ст. на данной почве имело место постарение населения, результатом которого стало сокращение рынка труда, прилив иностранных рабочих, рост этнической напряженности и националистических настроений. Важно подчеркнуть, что как в этом, так и в предшествующих случаях, инверсионно-полевой подход, охватывая весь комплекс причинно-следственных образований, способствует и углублению историко-экономического анализа и формированию теории инверсионных полей. Разработка последней связана не только с исследованием стихийных, но и управляемых инверсий. Стихийность преобладала примерно до завершения промышленных переворотов. Удельный вес ее остается значительным и в последующий период. Но начиная примерно с конца XIX в. управляемые инверсионные поля получают все большее распространение. Существенной особенностью этого периода стало появление инверсионных структур,

интеллектуальное ядро которых нацелено на инновации инверсионного характера. К таким структурам относятся акционерные общества, транснациональные корпорации, альянсы, кластеры, объединения типа Европейского Союза, виртуальные предприятия. Наступил качественно новый период в эволюции самой инверсионности. Его наиболее существенные особенности заключаются в разработке и реализации инновационно-инверсионных программ, в резком повышении инверсионной роли духовной составляющей, использовании инверсионных приемов для повышения уровня организации, адаптации, ускоренной реакции на изменения социально-экономической среды. Вряд ли будет ошибочным утверждение об эволюции современных инверсионных структур в сторону инверсионно-полевых кластеров, главной особенностью которых являются динамичная трансформация и повышенная реактивность. Инверсионные поля, как видим, имеют свою историю, которая после детальной разработки и обобщений войдет в их теорию, а последняя, соответственно, в общую теорию развития социально-экономических систем. Формирование теоретических установок, в свою очередь, станет основой инверсионно-полевого подхода. Его очертания вырисовываются уже сегодня. Инверсионно-полевой подход представляет собой новое направление в научном познании. Он исходит из представлений об инверсионном характере качественных изменений и процесса развития в целом. Его главной задачей является выяснение механизмов текущего внутрисистемного развития. В структуру основных понятий инверсионно-полевого подхода входят: развивающаяся социально-экономическая система, внутрисистемное поле развития, полевые инверсии, их взаимодействие между собой, с полем развития и с внешней средой. Ключевым является понятие инверсионного поля. Именно оно нацеливает на изучение механизма качественных изменений, выступает в форме основной характеристики процесса развития, исследовательского приема, является трансформатором перемен, носителем духовной составляющей, демонстратором связей знания и эффективности. В настоящее время познавательный инструмент инверсионно-полевого подхода включает моделирование, использование эвристических приемов, матриц, анализа долгосрочных процессов, маргинальностей, качественных соотношений и др. В историко-экономической эвристике, экономической истории в целом и других гуманитарных науках рассматриваемый подход ориентирует исследователя на новую, углубленную трактовку развития как инверсионного процесса. Обогащая системный подход и стимулируя эвристический поиск, он открывает возможность изучения новых, ранее малодоступных аспектов историко-экономической действительности. В частности, его использование обеспечивает:

1. Исследование внутрисистемных инверсионных полевых изменений в производстве, распределении, обмене, потреблении, в системе институтов и в социальной сфере общества.
2. Отслеживание инверсионно-полевых изменений на уровне свойств, функций и связей структурных составляющих производственного процесса.

3. Изучение межполевых инверсионных взаимодействий и их влияния на внутрисистемное поле развития.
4. Исследование инверсионно-полевых структур (кластеров, ТНК, альянсов, союзов) и связанных с ними первичных и производных инверсий с точки зрения их влияния на развитие внутрисистемного социально-экономического пространства.
5. Обнаружение скрытых и формирующихся инверсионно-полевых образований, а также проблем, требующих инверсионных решений.
6. Выявление причин перенапряжений, деформаций и разрывов в поле развития подсистем отраслей, сфер, предприятий.
7. Изучение особенностей сетевых инверсионных полей в производственно-сетевых структурах.
8. Исследование процессов трансформации одних инверсионных полей в другие.
9. Определение силовых тенденций в инверсионных полях и степени их воздействия на развивающиеся системы, подсистемы и процессы.
10. Сопоставление инверсионно-полевых изменений в определенные исторические периоды с инверсионными изменениями в экономической теории.
11. Исследование долгосрочных инверсионных взаимосвязей экономической истории и экономической теории в интересах стимулирования процесса развития этих наук.
12. Познание комплексных инверсионно-полевых изменений в историко-экономической действительности, институтах и ментальности населения.
13. Реконструкцию инверсий на основе отдельных историко-экономических фактов.
14. Исследование инверсионно-полевых трансформаций и отрицательных образований в развивающейся социально-экономической системе.
15. Уточнение понятия качества текущего внутрисистемного развития путем определения степени эффективности инверсионных полей, удельного веса стихийности, выяснения качественных соотношений и уровня кластерности осуществленных перемен.
16. Формирование новых знаний и нового уровня мышления на основе использования инверсионных полей.
17. Разработку проблем комбинации внутрисистемных инверсионных полей и повышения их эффективности.
18. Расширение на базе инверсионных исследований междисциплинарных взаимосвязей экономической истории с экономической теорией, теориями управления, права, катастроф и узловых процессов.

Целый ряд перечисленных здесь направлений исследования требуют разработки теоретических основ и специального методологического инструментария. Некоторые можно осуществлять уже сегодня. К ним относится исследование содержания, динамики, взаимосвязей и влияния внутрисистемных инверсионных полей, долгосрочных процессов, реконструкции инверсий на основе историко-экономических фактов, полевых

особенностей инверсионных структур и др. Общедоступным последствием рассматриваемого подхода уже на данном этапе его формирования является возможность существенной детализации историко-экономических исследований и получения дополнительной информации. При этом в целом ряде случаев, там, где количественные показатели, казалось бы, свидетельствовали о значительных успехах, обнаруживается зачастую прямо противоположная ситуация. Рассмотрим в связи с этим следующий пример. Известно, что машиностроение бывшего СССР в конце 20-х, начале 30-х годов XX в. увеличило основные фонды на 280 %, мощности двигателей – на 238 %, среднегодовую численность рабочих – на 320 %. Объем валовой продукции в ценах 1926-1927 годов возрос на 44 % [6]. Отметив существенное «отставание» данного показателя, подчеркнем, что аналогичная ситуация наблюдалась и в такой подотрасли комплекса, как сельскохозяйственное машиностроение. Об этом свидетельствуют архивные данные по ведущей группе украинских заводов («Красная звезда» - Кировоград, им. Петровского – Херсон, «Плуг и молот» - Харьков, им. Октябрьской революции – Одесса) [7]. Но за количественным ростом основных производственных показателей скрывалась совсем иная картина, обнаруженная с помощью инверсионно-полевого подхода. Последний, не замечая обычных способов исследования, позволил применить упрощенный прием анализа. Его исходной базой стала типичная для названной группы заводов матрица основных данных по ведущим факторам производственного процесса, представляющих собой, с одной стороны, поле напластования негативных инверсий, явлений и процессов, а с другой – управленческих мер, направленных на их преодоление. После обобщения данных целого ряда уточнений матрица приобрела следующий вид:

Основные факторы производственного процесса	Поле напластования негативных изменений	Поле регулирования
<p>Орудия труда (О)</p>	<p>Износ оборудования на 40-60%. Диспропорции между отдельными видами оборудования. Разнотипность станков. Отсутствие их паспортных (технико-эксплуатационных) характеристик. Несвоевременный ремонт. Неудовлетворительное обеспечение инструментом. Устарелость теплосилового хозяйства. Ограниченность производственных площадей. Небрежность в уходе за оборудованием. Темп производственного процесса в 2,4 раза медленнее, чем за границей</p>	<p>Рост количества станков. Обновление оборудования (коэффициент обновления по машиностроению в целом 67%) Производство оборудования своими силами. Ликвидация диспропорций, «узких мест». Рационализация старого оборудования. Эксплуатация станочного парка в несколько смен. Расширение теплосилового хозяйства. Подключение заводов к городской сети. Реконструкция и строительство новых цехов. Совершенствование внутри-заводского транспорта</p>

<p>Предметы труда (Р)</p>	<p>Недоставки сырья. Некачественное сырье, материалы, топливо. Произвольная замена одних марок металла другими. Несвоевременность поставок. Неудовлетворительное хранение и нерациональное использование сырья, материалов и топлива. Устаревшие технологии обработки металла. Факты отсутствия припусков на обработку деталей</p>	<p>Переброска металла с одного завода на другой. Упрощение конструкции изделий. Замена дорогих марок металла более дешевыми. Мобилизация внутренних ресурсов предприятий. Внедрение нормирования расходов сырья, материалов, топлива. Частичный перевод обработки деталей на штамповку. Внедрение электросварки. Изменение технологии просушки древесины. Частичный переход к конвейерному производству. Частичное устранение больших припусков на обработку металла</p>
<p>Труд (Трудовые ресурсы) (Т)</p>	<p>Постоянный недостаток квалифицированных рабочих кадров. Большой удельный вес крестьян, уходящих с завода в период сельскохозяйственных работ. Текучесть рабочей силы. Прогоулы, слабая дисциплина труда (мастер цеха боится подходить к рабочему). Высокий процент брака. Оплата брака, карточная система снабжения. Сближение зарплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Рост цен на продовольствие</p>	<p>Рост количества рабочей силы. Организация подготовки квалифицированных рабочих в школах ФЗУ, рабфаках, на курсах. Идеологическое стимулирование соревнования, организация ударных, «сквозных», хозяйственных бригад при мизерных суммах премирования. Сбор предложений на производственных совещаниях. Пропаганда рационализации производства и вовлечение рабочих в этот процесс. Ужесточение дисциплинарных наказаний. Организация отделов ГПУ на крупнейших заводах. Закрепление рабочих на предприятиях: при увольнении рабочего с завода он, согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г., лишается права пользования продовольственной, промтоварной карточками и квартирой [8,783]</p>

К приведенным данным следует добавить ряд общих явлений и процессов, усложнявших ситуацию, а именно: универсальность производства, увеличение плановых заданий, освоение новых видов продукции, повышение цен на сырье и материалы, рост численности админперсонала, неустойчивость снабжения.

Приступая к более детальной характеристике данных и выяснению особенностей и результатов количественно-качественной трансформации производительных сил в новое состояние, обратимся сначала к инверсионной специфике предприятия как хозяйственного звена. Начнем с базовой инверсии, которая осуществилась в ходе октябрьского переворота. Ее сущностью стал переход от частного к государственному предпринимательству. Частный экономический интерес как побудительный мотив функционирования предприятия был заменен плановым, командно-административным регулированием. Рынок перестал быть регулятором производства, и последнее превратилось в систему без обратной связи. Замена рыночного регулирования планированием и административным понуканием превратила предприятие в полуискусственную, отчужденную от производителя, инертную и нерациональную систему. Наиболее доступным для нее в условиях командной экономики был экстенсивный путь развития. Он и стал главным направлением преобразований. Сущностной особенностью последних был также «диктат» старой производственной базы. Большинство перемен представляло собой вынужденную реакцию на ее диспропорции и недостатки функционального характера. Именно об этом, в первую очередь, свидетельствует приведенная выше матрица. Переходя к ее характеристике, отметим, что в каждом из звеньев (полей) производительных сил предприятия наблюдалась инверсия напластования однонаправленно-негативных явлений процессов и их последствий. Одновременно каждое из звеньев подвергалось позитивно направленному воздействию инверсионно-напластованного поля регулирования. Возникающая на этой почве инверсия интеграции имела свои особенности. Она постепенно трансформировала объект в качественно новое состояние. Однако при этом устранялись не все отрицательные явления, а в ходе взаимодействия нередко возникали и новые. Так, в сфере орудий труда соседствовали паровой молот, паровой пресс, станок с электромотором и станок с ременной передачей, не удалось преодолеть диспропорции, связанные с разнотипностью станков, завершить их паспортизацию, существенно повысить коэффициент использования. Рационализация, временно расширяя возможности старого оборудования, способствовала его консервации. Ощущался недостаток инструментов и измерительных приборов. Наиболее существенными изменениями, значительно повлиявшими на выпуск продукции, были: количественный рост станочного парка и увеличение энергосиловых мощностей заводов. Аналогичные явления наблюдались в сфере предметов труда. Существенно возросли объемы используемого сырья. Внедрялись новые технологии. При этом преобладали инверсии замены одних способов другими: от ручной клепки переходили к электросварке, от механической обработки деталей – к штамповке, от старых методов сборки – к конвейеру. Вместе с тем поступающее сырье оставалось некачественным, снабжение – несвоевременным. Замена поставщиками одних марок металла другими нарушала технологические процессы, нередко выводила из строя оборудование. Особенно большие противоречия и недостатки наблюдались в сфере труда. Основным фактором влияния на объем выпуска продукции здесь

оставался рост количества рабочей силы. При этом, несмотря на расширяющуюся систему профессионального обучения, недостаток квалифицированных рабочих ощущался постоянно. Отрицательно сказывалась на производстве текучесть рабочей силы. Значительную часть рабочих составляли крестьяне. Поэтому в период весенне-летних сельскохозяйственных работ отток рабочих и количество прогулов значительно увеличивались. Большой удельный вес ручного, малоквалифицированного труда приводил к значительному росту численности вспомогательных рабочих. На целом ряде заводов они составляли до 30 %, а на отдельных – до 50 % общей численности занятых. В условиях существовавшей карточной системы снабжения вспомогательные рабочие и инженерно-технический персонал получали ежедневный паек в размере 600 г. хлеба, основные рабочие – 800 г. Цены на рынке росли. Нормы выработки пересматривались в сторону увеличения, расценки снижались. Зарплата увеличивалась незначительно. Ситуация осложнялась катастрофической организацией производства: рабочие долго не закреплялись за отдельными станками, перебрасывались с одного места на другое, несвоевременно получали производственные задания, много времени теряли, простаивая в очередях за инструментом. На подготовку к работе в начале рабочего дня производитель тратил до двух часов. Полчаса уходило на завтрак в цехе. В процессе труда главное внимание уделялось количеству обрабатываемых деталей. Брак по вине рабочего и по вине предприятия оплачивался. На организации труда отрицательно сказывались: некачественность сырья, недопоставки, старое оборудование, травматизм, перебои в снабжении электроэнергией и др. Нечеткость распределения функций между цехами порождала неразбериху в следовании деталей из цеха в цех. Низовая администрация не всегда располагала нужными знаниями, не отвечала за экономное расходование дорогостоящих материалов, нередко проявляла недостаточный интерес к делу. Имели место случаи грубого обращения и избиения рабочих. В этих условиях падала трудовая дисциплина, ухудшались внутрицеховые отношения. Профсоюз металлистов, обобщая сложившуюся ситуацию по группе Днепропетровских заводов, констатировал, что только за три месяца 1926-1927 годов наблюдались 636 случаев отказа от работ, 21 случай порчи машин и агрегатов, дезертирство среди временных рабочих, 52 – драки, пьянство на рабочих местах, 285 краж [9]. Преодоление данных и отмеченных выше негативностей каждого из рассматриваемых полей осуществлялось на рубежах их взаимодействия. Выравнивающе-стабилизирующую функцию по отношению к трудовым ресурсам играли доминирующие тенденции в области орудий труда (рост количества станочного парка, увеличение силовых мощностей) и предметов труда (рост объемов перерабатываемого сырья и новые технологии). В сфере самих трудовых ресурсов, как уже отмечалось, преобладала тенденция количественного роста. Но определенную роль здесь сыграла также инверсия разделения рабочих коллективов на ударные, хозрасчетные, сквозные бригады, организация профессиональных и партийных ячеек, поощрение ударников, назначение их на руководящие должности.

Параллельно наблюдались: усиление административного давления, контрольных функций отделов ГПУ на предприятиях, судебные процессы над цеховыми мастерами, закрепление рабочих на заводах, согласно постановлению ЦИК СНК СССР от 15 ноября 1932 г. Основным итогом взаимодействия инверсионных полей, при всех перечисленных недостатках, стала возможность бесперебойного функционирования предприятий и обеспечения роста объемов производимой продукции. Инверсия преобразования материально-технической базы предприятий оказалась неполной, противоречивой, усиливающей напряженность до экстремального уровня. Следует отметить, что эта экстремальность, в свою очередь, частично выполняла роль мобилизирующего, стимулирующего фактора, порождающего, правда, побочные, негативные явления.

Главными же, скрытыми следствиями деформированного преобразования в результате взаимодействия инверсионных полей стали следующие долгосрочные инверсионные явления и процессы:

1. Разрыв между количественными и качественными характеристиками основных факторов и результатов производственного процесса. Он сохранялся затем на протяжении всего периода существования советской хозяйственной системы и был одной из основных причин ее распада.
2. Разрыв между функционированием и развитием. Система сосредотачивает все внимание на функционировании и выполнении планов, добивается существенного количественного роста объема производимой продукции. Но присущие ей инверсионные изменения оставались, в основном, некачественными, нерациональными и не ориентированными на человека.
3. Разрыв между административными и экономическими методами управления. Его истоки уходят к базовой (октябрьской) инверсии перемены собственности и централизаторским установкам большевистской доктрины. Попытки осуществить инверсию соединения этих противоположностей потерпели провал в 20-30-х годах и 60-80-х годах XX в.
4. Разрыв между интересами рабочего и целевыми установками государственного предприятия. В отрицательно-экстремальных условиях производства он оборачивался отчуждением труда, нигилистическим отношением к происходящему, дестабилизацией униженной личности.

Как видим, на основе базовой инверсии и взаимодействия внутрисистемных инверсионных полей возникает производное инверсионное поле, отражающее специфические особенности и предприятия и хозяйственной системы в целом. По мере приближения количественного экономического роста к пределу и связанного с ним ослаблением прямого командного воздействия на экономику отрицательное влияние производного поля усиливается. Система входит в полосу застоя и последующего развала. Кроме сказанного, инверсионно-полевой подход позволяет определить особенности управления на уровне предприятия (при ограниченности прямых архивных данных). Это достигается

с помощью общего анализа совокупности маргинальных фактов и их сопоставления с идеальной теоретической моделью основных функций управления (планирование, организация, мотивация, руководство, учет, анализ и контроль). В результате обнаруживается, что внутрицеховое планирование оставалось неудовлетворительным, организация производства не поднималась до уровня четкого разделения труда, особенно в литейных цехах. Права и обязанности также четко не разграничивались. Выживание было основным мотивом к труду. Учет и анализ имели многочисленные недостатки. Заводская администрация не анализировала отчеты и не пользовалась ими. Тресты не сообщали результаты анализа годовых отчетов предприятий. Необходимость устранения напластований отрицательных процессов и явлений определяла структуру мероприятий администрации по регулированию производства. Экономические методы управления и свобода выбора хозяйственных решений отсутствовали. Ситуационно-волюнтаристское администрирование, усугубленное особенностями менталитета, преобладало [10].

Рассматриваемый нами подход может использоваться также для воссоздания на основе косвенных данных схем инверсионно-полевых изменений скрытого, латентного характера. Для этого его необходимо объединить с моделированием. Если нас, к примеру, интересуют качественные изменения на уровне духовных производительных сил непосредственного работника, мы разрабатываем их теоретическую модель и на основе матричных данных об организации производства определяем наиболее вероятные перемены, их последствия, взаимосвязи и аномалии. Следует отметить, что обнаружение скрытых инверсионных полей является одной из важнейших задач историко-экономической эвристики и имеет большое значение не только для экономической истории, но и для целого ряда других гуманитарных наук, а также для современной социально-экономической практики. Не менее важным является эвристический поиск назревающих проблем, исследование их раннего «развертывания» в вероятные инверсионные поля. Актуальной задачей эвристики становится познание особенностей комбинационного эффекта инверсионных полей. Здесь также обнаруживается выход в практику. Разработки такого рода и связанные с ними теоретические обобщения могут сыграть существенную роль в стимулировании реальных комбинационных процессов на уровне предприятий, объединений, регионов и отраслей. За этим просматривается существенное усиление связей экономической истории с теорией и практикой управления. Последнее особо заинтересовано в регулировании качества развития с помощью инверсионной комбинаторики. Существенной структурной составляющей в этом регулировании могут стать инверсионно-полевые технологии сублимации негативной социальной энергии и упреждения этнических конфликтов. В связи с этим особо актуальной становится проблема проектирования инверсионных полей. Участие в нем, кроме профессионалов-управленцев, примут и специально подготовленные историки-экономисты.

Все сказанное в настоящей главе позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Главными недостатками современного определения понятия «система» являются: а) статичность подхода; б) игнорирование внутрисистемных инверсионных изменений; в) неполнота представлений о духовной составляющей развития социально-экономических систем.
2. Преодоление этих недостатков связано с теоретико-методологической интеграцией понятия инверсионности качественных изменений в структуру современных представлений о внутрисистемной динамике.
3. Интеграция в экономические науки представлений об инверсионности развития систем является одной из важнейших функций историко-экономической эвристики.
4. Эвристика рассматривает инверсию как полевую структуру. Понятие внутрисистемных инверсионных полей, присущих им внутренним изменениям и взаимодействиям со средой развития, следует включить в терминологический аппарат экономической истории, общей экономической теории, управления и права.
5. С точки зрения историко-экономической эвристики, развитие является не процессом, а полем.
6. Использование инверсионно-полевого подхода в экономической истории и других гуманитарных науках открывает широкие возможности исследования целого ряда новых аспектов социально-экономической реальности.
7. Инверсионно-полевой подход может использоваться для обнаружения и моделирования полевых инверсий скрытого, латентного характера.
8. С инверсионно-полевым подходом связано также исследование взаимосвязей инверсионных полей, их регулирования и комбинирования. На этой основе на рубежах историко-экономической эвристики, управления и современной социально-экономической практики возникает возможность проектирования инверсионных полей.
9. Инверсионно-полевой характер качественных внутрисистемных изменений даст возможность также прийти к дополнительным выводам:
 - а) характеристика развития экономической системы, подсистемы, процесса, явления всегда будет неполной без анализа соотношений положительных и отрицательных инверсий, особенностей их воздействия на внутрисистемную среду, учета порождаемых ими долгосрочных тенденций. В связи с этим характеристика процесса развития не может ограничиваться прагматическими количественными показателями, а обязательно должна включать особенности и тенденции внутрисистемного инверсионного поля;
 - б) инверсионно-полевая реальность меняет содержание творческих взаимосвязей экономической теории. В истории экономики формируется свой уровень теоретического, включающий представления о процессе развития экономической системы, свой категориальный аппарат, новый методологический инструментарий. В этих условиях связи с

экономической теорией осуществляются не только на уровне разрозненных фактов, но и на уровне инверсионно-полевой реальности, историко-экономической теории и ее категориального аппарата на уровне методологии и практического внедрения результатов исследований;

- в) адекватное отражение многообразной, разнокачественной масштабной инверсионно-полевой реальности как основы теоретических выводов и понимания историко-экономического опыта и границ применимости экономических теорий требует, возможно, более полной интеграции экономических знаний. Проблема совершенствования ее методологии и практики выдвигается на первый план;
- г) нарастание темпов и повышение уровня взаимодействия инверсионно-полевых изменений требует существенных перемен в самом экономическом мышлении. Ближайшими из них являются эвристические, кластерно-эвристические формы мышления, резко повышающие творческую роль исследователя в процессе познания, модификации знаний, разработки и внедрения когнитивного продукта;
- д) сказанное, с учетом точки зрения Г. Щедровицкого и Б. Юдина [11], дает основание говорить о том, что в современных условиях традиционный акцент на методологии познания является недостаточным. Объективное, ориентированное на практику отражение инверсионно-полевой реальности требует, как мы убедились, существенных перемен в методологии и практике интеграции и модификации знаний, экономического мышления, разработки и внедрения когнитивного продукта. Такой синтез познания, преобразования и практического внедрения может обеспечить только кластерно-модульный подход, предлагаемый историко-экономической эвристикой. Это относится также к экономической теории и другим экономическим наукам;
- е) в связи с изложенным следует подчеркнуть, что приоткрывшаяся инверсионно-полевая реальность свидетельствует также о необходимости усиленного внимания к предмету исследования – экономической системе. В этом свете отход известного методолога К. Поппера от предмета исследования в пользу метода формулировок и проверки утверждений следует признать ошибочным. Именно уход от предмета исследования, как подчеркивал Г. Блауг, стал одной из существенных причин бесплодного теоретизирования и методологического кризиса в экономической теории. Преодоление этой ситуации, кроме всех прочих мероприятий, требует обращения к историко-экономической эвристике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиг П. Прикладная и общая теория систем. – М., 1981; Крон Г. Исследование сложных систем по частям. – М., 1972; Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М., 1978 и др.
2. Всемирная энциклопедия философии XX века. – М., 2002.
3. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. – М.: Политиздат, 1981.
4. Харрис Дж. Расхождение в техническом и промышленном развитии Англии и Франции до 1800 года. – М., 1973.
5. Бишофф Р. О причинах роста малых предприятий. //Экономика и техника, 1990. - № 1. – С. 16-18.
6. История социалистической экономики СССР 1926-1932 годы. – М., 1977.
7. Центральный государственный архив экономики Украины (ЦГАЭУ) фонд 40 опись 3, единица хранения 2356, С.1; ед.хр.2575, С.324, 354, 266; опись 5, ед. хр. 11, С.47, опись 3, ед.хр. 126, С. 6; опись 5, ед.хр. 1, С.70. Российский государственный архив экономики. Ф.5735. Главное управление машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности; ЦГАЭУ. Ф.34. Совет народного хозяйства Украины, ф.40. Украинский трест сельскохозяйственного машиностроения, материалы Днепропетровского, Херсонского, Николаевского, Одесского областных государственных архивов и др.
8. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. – М., 1932. - № 80. – С. 783.
9. Днепропетровский государственный областной архив. Ф.Р.2146 (Заводской комитет профессионального союза рабочих металлистов) Оп.2,ед.хр.12, стр.36, ед.хр.11,стр.49.
10. Уперенко Н.А. Историко-экономические особенности восточно-славянского менталитета и современный менеджмент – Рыночная экономика: современная теория и практика управления. – Одесса, 2001.- Т.3. С. 41-65.
11. Щедровицкий Г.П. Избр. труды. – М., 1995.
12. Юдин Б.Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий. //Человек, 2005. - № 6. С.5-25.
13. Блауг М. Методология экономической науки. – М., 2004.

Глава 5

О ДОЛГОСРОЧНО-ИНВЕРСИОННОМ ПРОЦЕССЕ ТВОРЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ

Исследование долгосрочных инверсионно-творческих связей между экономической историей и экономической теорией является одной из актуальнейших проблем историко-экономической эвристики. С ней непосредственно связано совершенствование методологии исследований, научного содержания, творческих связей и профессиональной направленности этих наук. Между тем количество работ, посвященных этой проблематике, крайне ограничено. При этом ни в одной из них не дается обзор долгосрочного процесса, благотворного влияния экономической истории на экономическую теорию. В сложившихся условиях их развитие замедляется. Предлагаемый экскурс является попыткой преодоления такой ситуации и стимулирования междисциплинарных исследований данного направления. Итак, обратимся к истории процесса.

Известно, что предысторией политической экономии был меркантилизм – первое теоретическое отражение капиталистической действительности. Признавая значение производства как основного условия создания богатства, меркантилисты полагали все же, что последнее создается в сфере обращения. Отсюда их стремление к развитию отраслей, вывозящих продукцию, и стимулированию внешней торговли. Задача регулирования экономических процессов побуждала к их теоретическому осмыслению и обобщению хозяйственного опыта. Последнее усиливало интерес к историко-экономическому прошлому.

В произведении Бернардо Даванзати (1523-1606) «Изложение о монете» уделялось значительное внимание истории денег. При этом автор начинает изложение с объяснения коллективных взаимосвязей в обществе роли потребностей, разделения труда, поднимаясь затем к необходимости обмена и появления монеты. Дальше рассматривались особенности ее функционирования в Древнем Риме и причины современной автору революции цен [1]. Историко-экономическое, в данном случае, вскрывало закономерности появления объекта исследования (монеты), указывая на причинно-следственные связи и этапы его развития. Оно заменяло еще бессильно-разрозненное теоретическое, являясь его надежным фундаментом. С развитием производительных сил общества связи историко-экономического и теоретического в произведениях меркантилистов постепенно усиливаются. В «Трактате о политической экономии» (1615) Антуана Монкретьена (1575-1621) говорится о больших переменах в «механических искусствах» (ремеслах), о повышении их хозяйственной роли. Ремесла признаются двигателем общественного прогресса [2]. Это теоретическое заключение стало возможным вследствие историко-экономического наблюдения и связанного с ним обобщения

фактов в пределах временной и пространственной протяженности. В «Рассуждении о торговле» английского меркантилиста Николаса Барбона (1640-1680) существенное внимание уделено теоретическому обоснованию общественной значимости развития промышленности и торговли. Их последствиями, по мнению автора, являются: подъем ренты и улучшение обработки земли, мирные взаимоотношения между государствами, рост их обороноспособности, усиление королевских доходов и пр. И в данном случае основой теоретических обобщений также является историко-экономическое наблюдение. При этом теоретическое сохраняет свое отношение к историко-экономическому, утверждая значение промышленности и торговли, оно стимулирует интерес к их истории.

У поздних меркантилистов наблюдается стремление к созданию свода политико-экономических знаний. Его реализация разнообразит использование историко-экономической мысли. «Лекции о коммерции и гражданской экономике» итальянца Антонио Джевонези (1712-1769) содержали интересные и разнообразные материалы: о торговле, торговом балансе, денежном обращении, финансах, налогообложении и т.д. Одно из главных положений автора заключалось в том, что единственным, прямым способом приобретения богатства является труд. А поскольку политическая экономия, по его представлениям, является наукой о народном благосостоянии, то данный тезис приобретал особо важную роль и требовал расширительной фундаментальной трактовки. В связи с этим Джевонези дает историческую картину развития народного труда, которая включает следующие основные этапы: 1) охота, 2) скотоводство, 3) земледелие, 4) металлургия, 5) промышленность [3]. При всех своих недостатках эта попытка периодизации имела и положительную сторону. Она обогащала теоретическое историко-экономической ретроспективой. Последняя выполняла роль носителя идеи развития. Движение хозяйства представало как поступательный, долгосрочный процесс. В период разложения меркантилизма и зарождения классической школы политической экономии роль историко-экономической мысли в структуре политико-экономических исследований продолжает усиливаться. Примером может служить «Политическая арифметика» (1676) Вильяма Петти (1623-1687), в которой широко используются историко-экономические факты и сведения, почерпнутые из специальных работ, посвященных отдельным отраслям или состоянию хозяйства в целом. При этом часто практикуется сопоставительный анализ. У Петти находим сравнительную историко-экономическую характеристику отдельных стран, выяснение социально-экономических причин возвышения Голландии (свобода совести, снижение пошлин, развитие банковского дела, особая устойчивость права собственности, отсутствие постоянной армии и др.).

Исследуются историко-экономические изменения, произошедшие в Англии за «последние сорок лет» (осушение и орошение земель, рост населения, флота, потребления угля, динамика таможенных пошлин, идущих в казну, доходов короля [4]. Историко-экономическое в «Политической

арифметике» является широким основанием теоретических выводов. Его функциональное разнообразие способствует углублению содержания, придает изложению логическую стройность и убедительность. Работа В. Петти в известном смысле предвосхищала новый виток взаимодействия теоретической и историко-экономической мысли. В начале XVIII в. на стыке экономической теории и практики возникает мнение о необходимости преподавания экономических знаний. В «Новых опытах о человеческом разуме» (1704) его поддержал Г.В. Лейбниц (1646-1716). Одновременно вслед за Ф. Бэконом он указал на необходимость изучения «незарегистрированного человеческого опыта», т.е., по существу, высказался и за разработку истории материальной деятельности человека [5]. Тем временем круг историко-экономических сочинений постепенно расширился. Как свидетельствует С.И. Крандиевский, еще в XVII в. выходят работы Джона Уиллера «Трактат о торговле» (1601); Исаака Лафема «История торговли Франции» (1606); И.А. Верденгагена «Трактат о ганзейских республиках» (1629); де Лаата об Ост-Индской и Вест-Индской компаниях, а также очерк голландской торговли Питера де ля Кур в сочинении об экономической политике Голландии. Две книги по истории торговли написал епископ Даниель Гюз (1717, 1718) [6]. К этому перечню следует добавить данные И. Бекмана, который отмечал, что в 1727 г. в Лондоне вышло сочинение неизвестного автора «История главных открытий и усовершенствований в различных искусствах и знаниях», в тридцатых годах – работа по истории мельничного дела, в сороковых – «Опыт истории изящных знаний» (Лион), с экскурсами в прошлое отдельных «технических искусств» [7]. Несколько позже (1765) была издана «История горного дела в Тироле» Йозефа фон Шпергеса.

Одновременно в XVIII в. обрисовывается новый этап взаимодействия историко-экономической и теоретической мысли, связанный с учением физиократов. Отвергая внешнеторговые принципы меркантилизма, последние, как известно, перенесли вопрос об источнике прибыли из сферы обращения в сферу производства. Богатство, по их мнению, создается только в сельском хозяйстве, которое заслуживает всемерного стимулирования со стороны государства. Определив объектом исследования материальную деятельность, физиократы вынуждены были обращаться к ее прошлому. Казалось бы, это утверждение опровергается главным произведением основоположника школы физиократов Франсуа Кенэ (1694-1774) «Экономическая таблица» (1758). Действительно, историко-экономическое там нивелируется. Перед нами как бы горизонтальный срез существующего порядка вещей. Но если мы обратимся к творчеству Кенэ в целом, то увидим, что ряд основных положений, нашедших отражение в «Экономической таблице», был разработан в специальных публикациях на основе широкого привлечения историко-экономического материала. Примером может служить статья «Фермеры» (1757), подготовленная для «Энциклопедии» Д. Дидро, содержащая мнение о ведущей роли земледелия и необходимости его поддержки правительством. Функциональная

роль историко-экономического отличается здесь значительным разнообразием. Оно выступает в форме итоговых выводов о бедственном положении сельского хозяйства [8], сопоставительной характеристики историко-экономических факторов (вывоз зерна, цены) [9], данных об опыте хозяйственного развития Англии [10], анализа долгосрочных процессов (движение цен за 30 лет [11] и др.

Важно отметить, что творческое взаимодействие историко-экономического и теоретического сводится к постановке конкретной экономической задачи – необходимости государственной поддержки сельского хозяйства. Этот же вывод сквозит и в статье «Зерно» (1757). Обозревая прошлое, Кенэ указывает на сомнительность успехов мануфактуры и неблагоприятность тенденций в развитии земледелия. Для подтверждения теоретических положений им широко используются историко-экономические факты. То же следует сказать и о статье «Население» (1756) [12]. Надо отметить все же, что методологическая значимость историко-экономического как носителя идеи развития автором «Экономической таблицы» оказалась не понятой. Общество в его труде предстает как функционирующий, но не развивающийся объект. Анализируемое настоящее рассматривается вне связей с прошлым и будущим. В результате возникает представление о застывшей «вечной, естественной» капиталистической форме производства. Именно этот недостаток физиократической мысли особо подчеркнул К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» [13]. В известной степени его удалось избежать другому видному представителю этого течения А.Р.Ж. Тюрго (1727-1781). Основой его «Размышления о создании и распределении богатств» (1766) является историко-экономическое, причем не в виде фактов или экскурсов, а в форме глобального представления о движении капиталистического сельского хозяйства и присущих ему признаков [14]. Отношения между земледельцем-собственником и наемным трудом, возникшие вследствие отделения производителя от средств производства, складываются в течение длительного исторического периода. Общественное развитие предстает как сложный усиливающийся многоплановый процесс. Нельзя не согласиться с авторами «Всемирной истории экономической мысли», которые пишут по этому поводу следующее: «...начав с простых элементов капиталистического земледелия, Тюрго постепенно усложняет предмет исследования, вводя все новые и новые моменты. При этом все последующие рассуждения его покоятся на предыдущих. Разделение труда в земледелии расширяется до общественных масштабов, появляется ремесло, которое дает занятие тем, кому не досталась ограниченная в своих размерах земля. Земледельцы – производительный, ремесленники – содержащийся за счет других класс. Между ними совершается обмен продуктов... Затем возникает отделение земельного собственника от земледельческого труда, появляется наемный труд в самом земледелии и т.д.» [15].

Такой подход не был случайностью. В XVIII в. идеи поэтапного движения хозяйства все больше переплетаются с общими представлениями

о прогрессе. В книге «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) Джамбаттиста Вико (1668-1744) отмечал, что общество прошло следующие стадии развития: 1) дикость (бродячий образ жизни и собирательство); 2) переход к оседлости и строительству жилищ; 3) обработка почвы; 4) концентрация земель в руках «благородных», усиление зависимости плебса и его социальной борьбы; 5) развитие торговли; 6) рост городов. Вико указывает на развитие государственных форм и подчеркивает роль плебеев в их изменении [16]. В представлениях о хозяйственном аспекте развития общества Вико идет от Ксенофонта и Аристотеля, Варрона и Лукреция Кара, Бодена и Пуффендорфа. Экономика, политика, общественная жизнь у него тесно связаны. Вместе с тем во взглядах на развитие общества, по сравнению с А. Рамелли и А. Монкретьеном, Вико делает шаг назад. Основывая свое сочинение, главным образом, на анализе работ древних авторов, он не видит преобразующей роли «механических искусств», новых орудий труда и изобретений. Объясняя переход от дикости к «человеческому обществу», он указывает на определяющую роль парного брака, дружбы, религии [17]. Однако знаменитый итальянец одним из первых подчеркнул историческую роль плебса, указав на значение его борьбы в процессе смены одних государственных форм другими. Но мысль об определяющей роли механических искусств в развитии общества не только не затухает в XVIII в., но в связи с дальнейшими успехами производства значительно усиливается. В работе «О совершенствовании в искусствах» (1742) ее высказывает Давид Юм (1711-1776). На этой основе он строит свою схему периодизации, выделяя такие ступени развития хозяйства: 1) охота и рыболовство; 2) переход к возделыванию земли; 3) обособление переработки сырьевых продуктов земледелия; 4) мануфактура; 5) усиление обмена между земледелием и ремеслами [18].

Несколько раньше, в «Персидских письмах» (1721), Шарль Монтескье указал на связь развития ремесленного производства с изменениями политического строя. «Почти все монархии, - писал он, - держались только потому, что процветание искусств достигало в них слишком больших размеров» [19]. Прогресс ремесел играет существенную роль в развитии народов [20]. Знаменитый «Дух законов» (1748) включает уже целый ряд историко-экономических экскурсов. Отдельные сферы хозяйственной жизни предстают в поступательном движении. Внимание автора привлекает история денежного обращения, собственности, торговли, хозяйственного права, производства [21]. Все общественное развитие приобретает форму закономерного процесса. К такой же точке зрения подошел и Ж.Ж. Руссо (1712-1778). В основе его понимания общественного прогресса также лежат историко-экономические представления. Он различал: 1) естественное состояние первобытных людей; 2) приобретение технических навыков и знаний. Появление орудий труда. Строительство жилищ; 3) обособление семьи. Появление собственности, столкновений и раздоров; 4) возникновение социального неравенства; 5) переворот,

связанный с возникновением двух искусств: обработки металлов и земледелия; б) образование общественной связи. Возникновение государства [22]. Надо думать, что историко-экономические представления Тюрго в известной степени обобщали опыт предшественников. Косвенно об этом свидетельствует его речь в Сорбонне 11 декабря 1750 г. («Последовательные успехи человеческого разума»), а также «Рассуждение о всеобщей истории». В последней работе, рассматривая постепенное восхождение общества, он выделяет ряд последовательных хозяйственных ступеней: 1. Дикость и связанное с ней основное занятие – охота. 2. Приручение животных. 3. Переход к земледелию. Смягчение нравов. 4. Появление механических искусств, торговли, гражданской жизни [23]. Механические искусства постепенно совершенствуются. «Они медленно, но верно подготавливают более счастливые времена» [24]. Таким образом, одна из фундаментальных мыслей Тюрго о взаимосвязи развития общества с развитием форм хозяйственной жизни, его теория прогресса имеет широкое историко-экономическое основание.

Нельзя не подчеркнуть и следующее. В.П. Волгин в работе «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» отмечал, что в «характеристике основных этапов хозяйственной жизни схема «Энциклопедии» напоминает схему Тюрго» [25]. Это, безусловно, не дает еще основания говорить о прямом влиянии, но позволяет все же сделать вывод о том, что и энциклопедисты также отразили процесс нарастания потребностей в историко-экономических знаниях. К этому подталкивали и объективные процессы.

Распространение физиократического взгляда на производство как основной источник богатства подводило к мысли, что экономика является основой жизни общества [26], а ее теория – важнейшей областью человеческих знаний. В учебных заведениях начинается преподавание обобщенных экономических сведений, так называемой камералистики. Она читается: с 1730 г. – в университете г.Упсала (Швеция), с 1751 г. – в Оксфорде, с 1752 г. – в Венском коллегииуме и т.д. Усиливается интерес экономистов к прошлому. К. Томазиус говорит об изучении экономического опыта с целью создания разумных правил [27]. Г. Цинкен подчеркивает необходимость изучения истории хозяйственных занятий в интересах экономической практики [28]. Все больше, как мы увидим ниже, назревает необходимость в отраслевых историко-экономических знаниях. На гребне этой новой волны, в которой неразрывно слились потребности хозяйственной теории и практики, снова всплывает вопрос об истории хозяйства как самостоятельной области знаний.

Известный энциклопедист Даламбер (1717-1783) в «Очерке происхождения и развития наук» (предисловие к «Энциклопедии») вслед за Ф. Бэконом и Лейбницем высказывается за необходимость обособления «истории искусств». Его мысль предельно четка: между другими отраслями знаний «должна быть выделена история искусств (ремесел), рассказывающая, как люди употребляли произведения природы, чтобы

удовлетворить свои потребности» [29]. Даламбер словно предугадывает наступающий качественно новый период взаимодействия между хозяйственной практикой, теорией и отраслевыми историко-экономическими знаниями. Этот период приходится на 60-90-е годы XVIII в.

Рост населения, углубление разделения труда и дальнейшее расширение товарно-денежных отношений создают к этому времени предпосылки для существенных изменений в сельском хозяйстве. В целом ряде западноевропейских стран в полную силу разворачивается так называемая аграрная революция. Осуществляется переход к травопольной системе земледелия, совершенствуются орудия труда, агротехника, растут площади под кукурузой и картофелем, уничтожаются общинные пережитки, распространяются искусственные луга, стойловый откорм скота и т.д. Происходящие перемены значительно повышают ценность хозяйственных знаний. Только во Франции в XVIII в. было издано 970 томов сельскохозяйственной литературы [30]. Большой известностью в Западной Европе пользовались работы по теории агротехники таких авторов, как Джетро Талл (Англия), Жан Розье (Франция), Артур Юнг (Германия). Появляются периодические издания, посвященные проблемам развития сельского хозяйства, ремесла и коммерции. Выходит «Экономический магазин Дании и Норвегии», «Записки вольного экономического общества», «Сельский житель», «Экономический магазин» в России, «Журнал экономики», «Журнал коммерции» и «Эфемериды» во Франции. Возникают общества содействия развитию целого ряда или отдельных отраслей хозяйства. В 1756 г. во Франции «Общество помощи сельскому хозяйству, промышленности и торговле» организует известный экономист Гурнэ. Год спустя, аналогичные объединения возникают в Тулузе, Лионе, Руане, Орлеане и других городах. В 1757 г. Специальная комиссия по сельскому хозяйству создается в Дании [31]. Спустя несколько десятилетий, появляется Филадельфийское общество содействия агрикультуре (1785) и Агрикультурное общество в Южной Каролине [32]. Сложившиеся условия, безусловно, сказываются на содержании литературы, фиксирующей и пропагандирующей хозяйственный опыт. Все больше обнаруживается тенденция перехода от простой регистрации опытных фактов к теоретическим обобщениям и параллельно ей в структуре теоретического повышается удельный вес историко-экономического.

Шаг за шагом прогрессирует процесс обособления отраслевых историко-экономических знаний. В конце XVIII в. в Германии появляются «История Оснабрюка» Ю. Мезера (1720-1790), а также «История немецкого сельского хозяйства» К. Антона (1799). Еще в более яркой форме процесс обособления проявился в соседней Франции. Наличие крупного феодального землевладения, малоземелье и усиленное налогообложение крестьянства, чересполица, принудительный севооборот, огораживание и другие явления создавали здесь особенно напряженную обстановку. Нерешенность целого ряда практических проблем вынуждала обращаться к историко-экономическому опыту прошлого, исследовать процессы, имеющие выход в

современность. Именно поэтому в 60-х годах XVIII в. здесь публикуется «История древней агрикультуры» Де Пласа. Несколько позже появляются «Элементы земледелия» Дюгамель де Монсо с экскурсами в историю сельского хозяйства Древнего Рима. В 1779 г. в Париже издает книгу по истории сельского хозяйства Бютель Дюмон. Необходимость историко-экономических аспектов была связана и с развернувшейся борьбой за свободу хлебной торговли (экскурсы об английской хлеботорговой политике в книге Эрбера о хлебной полиции, о хлебной торговле Франции до 1764 г. в журнале «Эфемериды» и т.д.). Тенденция к постепенному усилению роли историко-экономического в теоретическом и обособлению отраслевых историко-экономических знаний наблюдалась и в сфере промышленности. Ее общим материальным основанием был прогресс мануфактуры. В сочинении Савари де Брюлона «Экстракт Савариева лексикона о коммерции» уже отчетливо видны элементы теоретического. Дается определение мануфактуры, представление об управлении и правительственном регулировании этого вида производства. Затем рассматривается его подотраслевая структура с указанием производимых товаров [33]. Книга содержит также историко-экономические сведения о возникновении шерстяных и суконных мануфактур в Англии [34]. «Торг Амстердамский» Жан Пьера Рикара (1674-1728) дает пространственную характеристику ремесленного производства в Голландии [35]. Это один из этапов на пути к историко-экономическому. Масштабность и разнообразие занятий рождает представление о достигнутом уровне, способствуют формированию общих понятий о развитии и повышению интереса к прошлому. Интерес этот, зачастую, имел чисто практические причины. Известный общественный деятель, историк и один из первых русских историков-экономистов В.Н.Татищев (1686-1750) в «Предложении о размножении фабрик» (1745) дает историко-экономический обзор политики Петра I в области ремесленного производства [36]. Ретроспектива в данном случае должна была подтвердить необходимость предлагаемых им мероприятий. Привлечение сведений о развитии мануфактурного производства в западноевропейских странах дает возможность В.Н. Татищеву определить основные причины преимуществ Англии и Голландии над Испанией и Францией («Представление о купечестве и ремеслах» 1748). Остановившись на добытых аргументах, он обращается затем к истории поощрения ремесла в России и снова предлагает ряд мероприятий по его совершенствованию [37].

Рассматриваемые явления были характерны и для торговли. Рост объема и масштабности товарооборота, усложнение структуры и форм ее организации стимулировали потребность в обобщении опыта и трансформации его в теорию. Историко-экономическому в этом процессе принадлежала одна из определяющих ролей. Подобно сельскому хозяйству и промышленности, здесь происходит активный процесс обособления отраслевых историко-экономических знаний. В 60-80-е годы XVIII в. публикуются следующие основные историко-экономические работы: «Опыт

истории торговли» (1764) А.Л. Шлецера; «Исторический и хронологический очерк торговли» (1764) Андерсена; «Философская и политическая история о заводах и коммерции европейцев в обеих Индиях» (1770) Рейналя [38]; «История английской торговли с древнейших времен до наших дней» (1776) Таубе [39]; «Историко-политическое исследование гильдий» (1782) И. Фирнгабера; «История немецкой торговли и судоходства» (1785) Ф. Фишера и т.д. Чтобы выяснить главные особенности взаимодействия историко-экономического и теоретического, обратимся к тем сочинениям, где они еще не обособлены, как, например, в упомянутой уже работе о коммерции Савари де Брюлона. Историческое предисловие к своему сочинению он начинает с утверждения, что могущество государства и его слава зависят от коммерции. Далее следует очерк развития торговли от Древнего Египта и Финикии до Ост-Индской кампании в Голландии. Историко-экономические данные призваны подтвердить тезис об общественной значимости торговли, подчеркнуть ее постепенное развитие, пробудить у купечества чувства сопричастности к этому грандиозному долгосрочному процессу. С этой же целью приводятся примеры удачливых коммерсантов (Якова Кера, Козьмы Медичи), указывается, что купечество представляет ведущую силу третьего сословия [40]. В теоретической части работы определяются виды коммерции. Не трудно предположить, что их основанием является историко-экономическое наблюдение или порайонные описания торговли, как это сделано у самого Савари. Последнее, как и характеристика коммерции отдельных стран и регионов, рассчитано на практиков. Теоретической характеристике коммерческих банков в книге предшествует выяснение их происхождения [41]. Напомним, что сочинение Савари впервые было издано в начале века. Последующие десятилетия вызвали значительные качественные изменения как в самой торговле, так и в соотношениях историко-экономического и теоретического, касающихся этой сферы. Последнее подтверждает, на наш взгляд, книга Карла Гюнтера Людовици «Начертание полной купеческой системы», увидевшая свет в 1756 г. Она состоит из трех частей: а) начертание полной купеческой системы; б) начальные основания торговой науки; в) история торговли водным и сухим путем. По сравнению с произведением Савари труд Людовици отличается качественно новым уровнем теоретического и исторического. «Я не думаю, - без обиняков заявляет Карл Гюнтер, - чтобы стал кто оспаривать мое удовольствие, что я есть первый, который столь важное, как и весьма нужное купечествование, или купеческую науку, привел в порядочную и с искусством расположенную систему. Никто до меня не думал, что всеобщая торговля состоит из трех частей: 1) знания товаров, 2) торговой науки и 3) счетоводства или порядочного держания купеческих книг» [42]. По отношению к этой теоретической системе история торговли является, по мысли автора, «великой учительницей», так как «дает основание к торговой науке» и позволяет выработать всеобщие правила [43].

С ней непосредственно связано также обоснование и углубленное понимание торговой политики и торговой системы. История является

важным подспорьем для тех, кто управляет торговлей государства. Знание ее необходимо купцам, осуществляющим масштабные коммерческие операции, и мелким торговцам как сведения о прошлом «своего пропитательного состояния». Торговая история способствует лучшему пониманию ряда текущих явлений и процессов, а также оказывает влияние на государственное право. Во второй части работы Людовици приводит список известных ему историко-экономических работ, посвященных коммерции. Содержащиеся в них материалы, надо думать, были использованы им и в первой теоретической части сочинения. Об этом косвенно свидетельствуют страницы о пользе торговли [44], о меновом и покупном торге [45] и др.

Подобно сельскому хозяйству, промышленности и торговле, потребности совершенствования практики и дальнейшего развития теории в области финансов усиливают их союз с историко-экономическим и создают предпосылки для обособления истории финансов. Это приходится в основном на ту же вторую половину XVIII в. С конца 50-х годов по 1804 г. вышли в свет следующие основные работы: «Исследование и рассмотрение финансов Франции с 1551 по 1721 год» (1758) Ф. Форбонне; «Заметки по истории финансов» (1760) Бомона; «Германская история финансов» (1781) К. Хюльмана; «Историческое развитие немецкого налогообложения со времени Каролингов до наших дней» (1795) К. Ланга; «Опыт истории римских финансов» (1804) Хегевиша и т.д. Все больше внимания привлекла история цен (У. Флитвуд, Д. Смит, Герберт де Сен-Мор). Рассмотренные процессы дают основание считать XVIII век периодом особо активного формирования историко-экономических знаний и постепенного усиления их значимости в экономических науках.

Влияние рассматриваемого процесса прослеживается, на наш взгляд, и в ходе формирования знаний о развитии общества. В 1767 г. выходят работы А. Фергюсона «Опыт истории гражданского общества» и Ленгле «Теория гражданских законов или основные начала общества». Особенно сильно историко-экономическое основание теоретического обнаруживается у Адама Фергюсона. Хозяйство и собственность, неравенство, гражданские учреждения у него историчны [46]. Небольшая глава его произведения посвящена истории «искусств» [47]. Автору известно разделение ремесел, «открывающее источники богатства». Фергюсон говорит также о прогрессивном движении искусств, но видит и его отрицательные последствия. «Невежество, - пишет он, - есть мать промышленности, равно как и суеверия... Посему рукоделия наиболее процветают там, где наименее приемлется в совет разум, и где мастерская или рабочая камера может без особых усилий воображения почестся машиною, которой части суть люди» [48]. С развитием учения о государстве, государственном хозяйстве, усложнением последнего и усилением потребностей в информации о его состоянии ускоряется формирование статистики. При этом у Ахэнваля статистическим описаниям предшествует история [49]. Шпренгель считает новую науку историческим знанием [50]. Если старая статистика

рассматривала только настоящее состояние государств, то в конце XVIII – начале XIX в. осознается ее отношение к отражению историко-экономического развития. Шлецер отмечает, к примеру, что история есть текущая статистика, а статистика – застывшая история [51]. Такой подход, по нашему мнению, мог сформироваться только в условиях относительно развитого историко-экономического, которое выступает уже и в данной науке в качестве научного подхода к хозяйственной деятельности.

Новый этап в развитии историко-экономических знаний стал одной из фундаментальных предпосылок формирования качественно нового уровня теории материального производства. В 1776 г. появляется знаменитый труд классика буржуазной политической экономии Адама Смита (1723-1790) – «Исследование о природе и причинах богатства народов». Основой его содержания, как известно, была разработка теории трудовой стоимости, взгляд на прибыль и ренту как вычеты из продукта труда рабочего и земледельца, трактовка капитала как орудия эксплуатации. Понимание важнейших категорий капиталистического производства представлялось непосредственно связанным с его сердцевиной – трудом. Такой подход обуславливался не только практическим освоением предшествующей экономической мысли (меркантилизм, учение физиократов) и реальными экономическими процессами, определившимися к 70-м годам XVIII в. (аграрные преобразования, начало промышленного переворота), но в значительной степени и историко-экономическими данными об успехах различных отраслей и сфер хозяйства, окрепшим историко-экономическим убеждением о благотворном влиянии промышленности и торговли на общественный прогресс. Не случайно в начале своей работы Смит констатирует следующее: «Народы, довольно далеко продвинувшиеся вперед в отношении искусства, умения и сообразительности в применении своего труда, употребляли весьма различные методы для того, чтобы придать труду известный характер и направление...» [53]. Тезис такого рода мог возникнуть только на основе обширных историко-экономических сведений. То же следует сказать и о таких мыслях Смита: «Торговля и промышленность постепенно приводили к установлению порядка и нормального управления, а вместе с ними и к обеспечению свободы и безопасности личности...» [54]. Чего никогда не смогли бы сделать при всей своей принудительности феодальные учреждения, было постепенно осуществлено бесшумным и незаметным действием внешней торговли и мануфактур» [55]. Правда, в одном из мест своего сочинения, приводя аналогичные высказывания, он ссылается на «Опыты» своего друга Давида Юма, в частности, на его «Опыт о торговле» [56]. Следует напомнить все же, что Юм, еще в 1742 г. написавший эссе «О совершенствовании в искусствах», был одним из звеньев в цепи авторов, время от времени повторявших идею о прогрессивном характере развития технических искусств и коммерции. Подобные историко-экономические соображения в XVIII в. были и у других авторов (Монтескье, Рейналь), хорошо известных Смицу, как свидетельствует об этом содержание книги.

Для нас важно подчеркнуть следующее: одна из важнейших историко-экономических идей, постепенно усиливающаяся на протяжении ряда веков, глубоко вошла в ткань важнейшего теоретического труда, посвященного политической экономии капитализма. Это, безусловно, не единственный факт. Структура историко-экономического в произведении А. Смита, кроме этого, включает еще три основных аспекта: 1) использование историко-экономических работ и сочинений, содержащих историко-экономические сведения; 2) историко-экономические экскурсы в текстах основных теоретических глав; 3) самостоятельные историко-экономические разделы. Что касается первого аспекта, то здесь сначала необходимо отметить, что все использованные источники можно разделить на три основные группы: 1) посвящение истории цен; 2) содержащие сведения о ввозе драгоценных металлов и условиях аренды рудников; 3) рассматривающие историю городов и стран, развитие торговли, труда, доходов.

В главе XI – Земельная рента (книга 1) автор использует работы Борлеса «Естественная история Корнуэльса» и Фрезьера «Путешествие по южным морям», в которых содержались историко-экономические сведения о размерах рентных платежей с оловянных и серебряных рудников [57]. Данные подтверждали теоретические положения о невысоком уровне ренты, достающейся землевладельцу. В разделе третьем «О колебаниях в соотношении стоимости продуктов...» этой же главы приводятся материалы, взятые из сочинения У. Флитвуда «Хроника цен» (1707). Сводку цен на пшеницу с 1202 по 1597 г., составленную Флитвудом, Смит использует в качестве приложения к первой главе. Анализ цифровых данных, характеризующих долгосрочную динамику цен, дал возможность определить тенденции колебания стоимости серебра и выяснить взаимосвязи с ценами других товаров. В этих же целях используются историко-экономические факты из работ Дюпре де Сен-Мора («Исследование о ценах...» 1762); Герберта («Опыт о хлебной политике» 1754); Медженса («Добавление к «Всемирному купцу» 1756); Рейналя («Философская и политическая история о заводах и коммерции европейцев в обеих Индиях», 1770); Джона Смита («Хроника сельскохозяйственно-торговая или записки о шерсти, шерстяных мануфактурах и торговле», 1747); Мессанса («Исследование о населении финансовых округов», 1766) [58]. В третьей главе «Возникновение и развитие городов после падения Римской империи» (книга 3) для иллюстрации условий существования граждан и путей возникновения мануфактуры используются примеры, взятые из работ Барди «Исторический трактат о городах и бургах» и Санди «Гражданская история Венеции» [59]. Раскрывая влияние торговли городов на состояние сельских местностей, автор обращается к историко-экономическим деталям из «Истории Италии» Гвичардини [60].

Глава «О расходах на общественные работы и общественные учреждения» пятой книги содержит ссылки на работу А. Андерсона «Исторический и хронологический обзор торговли» (1764), а в главе третьей приводятся сведения о государственном долге Великобритании из «Истории

государственных доходов» (1758) Д. Послтуэйта [61]. Историко-экономические факты перечисленных и ряда других работ использовались для обоснования теоретических положений. В ряде мест А. Смит особо подчеркивает качество исходного историко-экономического материала. Это нашло выражение в его оценке авторов отдельных работ. «Епископ Флитвуд и Г. Дюпре де Сен-Мор, - отмечал он, - являются теми двумя авторами, которые, по-видимому, собрали с величайшей тщательностью и точностью цены на различные предметы в старинные времена» [62]. В другом месте Дюпре де Сен-Мор, Мессанс и Герберт названы «старательными и трудолюбивыми собирателями цен на хлеб» [63]. С особым уважением упоминается «очень добросовестный и осведомленный автор «Записок о шерсти», достопочтенный Джон Смит [64].

Влияние отдельных особо содержательных произведений, таких как «Дух законов» Монтескье и «Философской и политической истории» Гийома Рейналя, созданной при участии Д. Дидро и П. Гольбаха [65], не сводится к использованию отдельных историко-экономических фактов, а, как мы уже частично заметили вначале, прослеживается на уровне методологического подхода (трактовка прогрессивности развития промышленности и торговли, историчности ряда экономических процессов и др.). Большинство же сведений, почерпнутых из источников, является основой или подтверждением теоретических положений. Специфика взаимодействия историко-экономического и теоретического особенно отчетливо прослеживается в первой книге работы А. Смита. Разделение труда трактуется там как последствие обмена. Потом рассматриваются деньги. За ними следует стоимость. Уже в этой схеме изложения бросается в глаза неисторичность последовательности перечисленных категорий. В действительности их логические взаимосвязи имеют следующий характер: разделение труда – обмен – стоимость – деньги. Историко-экономическое у Смита, как видим, в известной степени умозрительно. Представление о временной последовательности экономических явлений уже имеется, но недостаточность научных разработок, посвященных ретроспективе, сказывается на понимании их логических соотношений. Там же, где позволяют исходные данные, историко-экономические экскурсы значительно усиливают теоретическое. В тексте четвертой главы ряд страниц посвящен происхождению денег. Их история излагается преимущественно в линейном плане. Изменения функционального характера прослеживаются слабо. Стихийный обмен товара на товар постепенно приводит к выделению специальных общих единиц обмена (скот, соль, раковины). Позже для этой цели используются металлические слитки. Возникает чеканка монет. Деньги становятся всеобщим орудием торговли. Выяснение причин появления денег дает возможность понять их необходимость и, значит, служит обоснованию значимости этой категории. Кроме того, оно позволяет выяснить их важнейшую функцию как средства обращения. Историко-экономическое, таким образом, в своих обобщающих кристаллизационных пунктах порождает элементы теоретического.

Рассматривая заработную плату, Смит подчеркивает, что в первобытном состоянии общества, где отсутствовала частная собственность, весь продукт труда принадлежал работнику. С появлением частной собственности на землю ситуация меняется. Землевладелец требует долю из продуктов труда, созданного трудящимся. Последний материально зависит от собственника, который в значительной степени определяет и заработную плату. То же наблюдается в промышленности. Хозяин имеет существенные преимущества. Закон на его стороне. Рабочий противопоставляет себя предпринимателю. На этой почве возникают столкновения [66]. Здесь историко-экономическое служит общей основой изложения. Оно дает возможность определить условия и сущность одной из важнейших сторон общественной жизни – взаимосвязей экономических и социальных процессов. При этом обнаруживаются условия и особенности социальных отношений работодателя и рабочего. Вместе с тем, как и в предшествующем примере, мы встречаемся с внеисторическим подходом. Зарплата возникает на определенном этапе, но, по существу, не имеет своей четкой ретроспективы, и это обстоятельство несколько сужает и понимание масштабы рассматриваемых социальных процессов. Историко-экономическое у Смита выполняет также функцию проверки истинности отдельных теоретических положений. Так, усомнившись в выводе Мессанса о том, что количество и стоимость товаров ряда производств гораздо больше в годы дешевизны, чем в периоды дороговизны, он рассматривает развитие производства грубых шерстяных тканей и приходит к заключению, что продукция мануфактур, работающих на экспорт, зависит от состояния спроса внешнего рынка, от мира или войны, конкурентов и т.д. [67].

В структуре политико-экономического историко-экономического часто выступает в роли емких экскурсов или более-менее пространных очерков. Глава XI «Земельная рента» (книга первая) содержит «Очерк колебания стоимости серебра в течение последних четырех столетий» [68] - довольно объемное и содержательное исследование, направленное против меркантилизма. Но это, так сказать, конечная цель. В тексте же очерк непосредственно связан с подтверждением теоретических положений, характеризующих соотношение между спросом и предложением [69]. Причем, прежде чем стать подтверждением, ретроспективное было исходным материалом анализа. Таким образом, связь историко-экономического и теоретического, в данном случае, усложняется, и в процессе исследования проходят следующие этапы: а) исходная историко-экономическая основа; б) анализ; в) разделение основы в ходе анализа на частные теоретические положения и подтверждающий пример, неразрывность взаимосвязей этих частей; г) отношение историко-экономического подтверждения и частного теоретического к опровергаемой теории меркантилизма.

Структура историко-экономического в рассматриваемом произведении А. Смита включает также самостоятельные историко-экономические главы (книга 3). Между ними, как мы увидим, существуют глубокие логические

взаимосвязи, что дает основание рассматривать их как комплекс проблем, подчиненных специальным задачам.

В главе второй «О препятствиях развитию земледелия в древней Европе после падения Римской империи» последовательно рассматриваются особенности собственности на землю, возникновение дворянства и зависимого крестьянства, нерациональность труда крепостных, постепенный переход к полоничеству, а затем к фермерству. Подчеркивается, что положение крестьянства усугубляется высокими налогами и нерациональностью земледельческой политики феодального государства.

В третьей главе (3-я книга) «Возникновение и развитие городов после падения Римской империи» освещается зарождение городов, их борьба с синьорами при поддержке государственной власти, успехи развития торговли и мануфактур и др.

Четвертая глава («Как торговля городов содействовала росту благосостояния сельских местностей») в основном посвящена характеристике положительного воздействия торговли и мануфактур на сельское хозяйство. В результате этого происходит экономический подрыв хозяйства феодала и обнаруживается необходимость вынужденного перехода к аренде земли. Отношения между помещиком и крестьянином изменяются. Одновременно развитие торговли и промышленности способствует совершенствованию управления, укреплению свободы и безопасности личности. Совершается важный общественный переворот.

Как видим, отрицательным процессам в сфере феодального землевладения противостоят положительные процессы, развивающиеся в городах. С течением времени они оказывают существенное воздействие на сельское хозяйство, что приводит к качественно новому состоянию социально-экономической действительности. Перед нами, по существу, одна из новых попыток подхода к хозяйству как единому целому, в рамках которого существуют причинно-следственные взаимосвязи, сложное переплетение которых обуславливает динамику всего макрообъекта. Можно сказать, что А. Смит не только поставил, но в известной степени и приступил к решению проблемы объяснения перехода от феодализма к капитализму. Таким образом был сделан существенный шаг на пути историко-экономического анализа глобального процесса развития. Одновременно обнаружилось, что старая идея прогрессивной роли технических искусств и торговли приобрела новый аспект научного обоснования. Она как бы изымалась из сферы обособленных догадок и констатаций и переносилась в область историко-экономического анализа. Тем самым было сделано еще одно ударение на общественно важной роли материального производства. В связи с этим научная значимость историко-экономического как носителя материалистических тенденций существенно усилилась. Все сказанное свидетельствует о том, что историко-экономическое (обогащенное теоретическим) было поднято Смитом на такую высоту, с вершин которой уже просматривался и его дальнейший,

многосторонний прогресс и его совершенно исключительная роль в развитии политико-экономических знаний в XIX в.

Что касается функциональной роли рассмотренных историко-экономических глав по отношению к смитовской теории капиталистического производства, то она, по нашему мнению, выступает в следующих основных формах:

1. Историко-экономическое в попытке объяснить переход от феодализма к капитализму, по существу, заменяет еще не созревшее теоретическое, являясь одновременно его начальной ступенью.
2. Оно вплотную подводит к мысли о закономерности новой капиталистической стадии развития материального производства.
3. Ему присуща критическая функция по отношению к феодальному строю и следовательно, стремление доказать истинность выдвинутых теоретических положений.
4. Стремление к глобальному общехозяйственному историко-экономическому анализу, сочетающееся, как мы видели, с вне-историческим подходом к разделению труда, зарплате, капиталу, производительности труда, обнаруживает особенности логического на ранних и разноуровневых стадиях ассимиляции им крепнущего исторического.
5. Историко-экономический анализ материальных отношений в условиях частной собственности дополняет, детализирует теоретические положения и, наряду с другими фактами, свидетельствует о закономерности усиления межнаучных связей истории народного хозяйства и политической экономии.
6. Каждая из рассмотренных глав, по существу, посвящена исследованию долгосрочного историко-экономического процесса, развивающегося в пределах хозяйства. Это еще одно свидетельство о том, что между теоретически осмысленной системностью и долгосрочными процессами существуют глубинные взаимосвязи.

Интуиция позволила Смиту сделать известный, правда, малоосознанный шаг и в этом методологическом направлении.

Сказанное дает основание заключить, что в процессе взаимодействия историко-экономического и теоретического был достигнут совершенно новый уровень историко-хозяйственных и теоретических знаний с широким спектром творческих функциональных возможностей.

Под влиянием промышленных переворотов, 60-80-х годов. XIX в. интерес к истории промышленности, сельского хозяйства, торговли значительно возрос. Выходят такие обобщающие работы, как «Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени» (1830-1845) Г. Гюлиха, «Движение производства» (1843) В. Шульца и целый ряд других. Одновременно расширяется круг историко-экономических исследований, рассчитанных на политико-экономические работы и практику (Э. Юр «Философия фабрики», 1825; У. Джейкоб «Историческое исследование о производстве и потреблении драгоценных металлов», 1831; Д. Джилберт

«История и принципы банков»; Тук «История цен», 1858 и т.д.) [70]. В рассматриваемый период четко определились также историко-экономические аспекты в работах таких немецких экономистов, как И. Краузе («Опыт системы национальной и государственной экономии», 1830), К.Баумштарк («Государственный кредит и общественная задолженность», 1838), Ф. Лист («Интернациональная и торговая политика немецкого Таможенного союза», 1842) [71]. Часть историко-экономических представлений А. Смита о гражданском обществе была критически освоена Г. В.Ф. Гегелем [72].

Но в структуре послесмитовских экономических и социологических исследований особого внимания заслуживают работы, в которых осуществлен в той или иной степени новый синтез историко-экономического и теоретического, где все настойчивей подчеркивается мысль об основополагающей роли материального производства в жизни общества и где историко-экономический подход постепенно превращается в исторический метод исследования экономических процессов. К ним, в первую очередь, относятся отдельные произведения известного мыслителя, социалиста-утописта Ш. Сен-Симона (1760-1825). Старая, ярко представленная у Смита идея о прогрессивной роли поступательного движения промышленности, получает у него особо мощное звучание благодаря четкому историко-экономическому обоснованию. Сочинение «Взгляд на собственность и законодательство» включает раздел, посвященный истории класса промышленников, к которым относятся, по мнению автора, не только рабочие и земледельцы, но и фабриканты, купцы, банкиры. В древности этот класс был поработен военным сословием. Затем последовало крепостничество. Избавление от прямого произвола синьоров было значительным социальным достижением, но и после этого сохранялась определенная зависимость от дворян, попов и военных, присваивающих часть чужого труда. Дальнейшая борьба промышленников привела к представительству в сословном парламенте и завоеванию политических прав [73]. Эта социальная эволюция неразрывно связана с ростом промышленности. Последняя способствовала развитию потребностей населения и усилению военной мощи государства [74]. Дело промышленников рассматривается как «действительный центр и очаг цивилизации» [75]. В «Катехизисе промышленников» (1823-1824), развивая данную точку зрения, Сен-Симон дает историко-экономический очерк развития промышленности во Франции, начиная с нашествия франков на Галлию и кончая современным для него периодом [76]. При этом выяснилось, что с прогрессом цивилизации деятельность населения принимала, в основном, промышленный характер, а промышленный класс «непрерывно приобретал все большее влияние, в то время как другие классы все время теряли его» [77]. Для знаменитого социалиста-утописта успехи индустрии являются основным фактором и гарантом жизнедеятельности общества, единственным источником его богатства и счастья. Не случайно поэтому будущее человечества у него неразрывно связано с научной, планомерно-организованной индустрией. Как видим, историко-экономическое у Сен-Симона выполняет творческую функцию. С его помощью выясняется значимость развития производства и

приводящего его в движение «промышленного класса». На этой основе разрабатываются теоретические положения будущего общественного строя. Одновременно историко-экономическое обогащается представлениями о классовой борьбе и объективности общественного прогресса. Будучи сердцевиной теоретического, историко-экономического у Сен-Симона в то же время являлось исходной ступенью дальнейших научных исследований. Известно, что историко-экономические аспекты в творчестве французских историков периода реставрации Тьерри и Гизо восходят к этой первооснове [78].

Рассмотрение этой проблемы подсказывает необходимость краткого обращения и к творчеству другого социалиста-утописта – Шарля Фурье (1772-1837). Как и у Сен-Симона, старая историко-экономическая идея все возрастающей роли промышленности в развитии человеческого общества подчеркнута там особо выразительно. Она положена в основу периодизации истории. В соответствии с этим в «Новом промышленном и общественном мире» (1829) различаются три основных исторических этапа: а) предшествующий промышленности; б) мелкая промышленность; в) крупная промышленность [79].

Необходимо подчеркнуть и следующий особо важный аспект. В творчестве Сен-Симона и Фурье историко-экономическое (связанное ранее в основном с историей материального производства) начало теснее объединяется с социально-экономическим, которое до этого развивалось несколько обособленно (сочинения Ла Бозси [80], Антонио Бручоли, Антона Франческо Дони, Марка Джиромоло Вида, Людовико Агостино [81], Дж. Беллерса [82] и многих других) или в качестве фрагментов политико-экономических работ (А. Монкретьена, Баугильбера, Тюрго, А. Смита). Положение и роль трудящихся, противоположность богатства и бедности с этого периода все больше становятся сферой историко-экономических и теоретических исследований. Объективной основой данной тенденции было развитие промышленных переворотов, обострение социальных противоречий.

Успехи развития хозяйства в первых десятилетиях XIX в. и связанная с ними социальная проблематика все большее освещение этого процесса в историко-экономической литературе постепенно подготавливали логический переход от идеи все возрастающей значимости промышленности, к мысли об основополагающей роли материального производства в жизни общества. Появляются первые, еще очень смутные, догадки. В 1838 г. в Германии вышел первый том работы Лавернь Пегильена «Основы науки об обществе», в которой автор подчеркивал необходимость историко-экономической трактовки общественного развития. «Быть может наука об обществе как таковая, - писал он, - до сих пор столь мало продвинулась вперед потому, что экономические формы недостаточно различались, игнорировалось, что они образуют основу всей организации общества и государства. Не обращалось внимание на то, что «производство, распределение продуктов, культура и распространение культуры, государственная форма заимствуют свою силу и получают свое развитие исключительно из форм хозяйства...» [83]. Такая постановка вопроса,

надо думать, свидетельствовала о том, что проблема интерпретации развития общественных процессов на основе творческого взаимодействия историко-экономического и теоретического на передовых рубежах общественных наук все больше становилась объективной необходимостью.

В 30-40-х годах XIX в., как отмечалось выше, участились и попытки ее практического решения. Их результаты, пожалуй, ярче всего обнаружались в сочинениях отдельных представителей экономической теории. Примером может служить работа английского экономиста, сторонника классовой гармонии Ричарда Джонса (1790-1855) «Опыт о распределении богатства и об источниках налогов» (1831), в которой широко использовался историко-экономический подход к хозяйственным явлениям и процессам.

Рента, по его представлению, возникла в глубокой древности на основе частной собственности. Определив ее основные виды (барщина, издольщина, фермерская рента), Джонс исследует их происхождение и особенности проявления в различных странах и только на этой основе делает теоретические выводы [84]. Историко-экономический подход поднимается автором до уровня осознанного исторического метода. Это обстоятельство позволило ему уловить общие взаимосвязи между изменениями капиталистического производства и отношениями различных классов в обществе [85]. На почве историко-экономического у Джонса сформировалось понятие экономической структуры наций, под которой понимались «отношения между различными классами, которые устанавливались, прежде всего, вследствие введения собственности на землю и распределения ее избыточного продукта, затем подвергались модификации и изменению (в большей или меньшей мере), благодаря появлению капиталистов в качестве агентов производства и обмена богатств и в качестве лиц, кормящих и дающих работу трудящемуся населению» [86].

Экономическая структура рассматривалась как ключ к объяснению прошлого и текущего общественного развития. В связи с этим Маркс находил у Джонса элементы исторического различия способов производства и начальные стадии исторического понимания капитализма как одной из переходящих форм производства. Для нас важно подчеркнуть, что это приближение к новому пониманию социально-экономической истории общества было достигнуто:

- а) на почве ранее осуществленного взаимодействия историко-экономического и теоретического у А. Смита и других авторов;
- б) на основе самостоятельных историко-экономических исследований;
- в) в условиях качественно новой стадии синтеза историко-экономического и теоретического.

Менее масштабными были взаимосвязи историко-экономического и теоретического знания в творчестве французского экономиста Ж.Ш. Сисмонди (1778-1842). В его работе «Новые начала политической экономии» (1819) основой целого ряда теоретических выводов стали историко-экономические факты, характеризующие развитие сельского хозяйства в Шотландии, Ирландии, Англии. Сисмонди считал, что политическая экономия должна основываться на опыте истории и наблюдения. Выступая против абстрактного

метода Д. Рикардо, он подчеркивал все же, что исторический метод необходим в подходах к частностям, но там, где речь идет о хозяйственной системе, абстракции неизбежны. Сисмонди говорил также о необходимости исследования пограничных областей знаний, объединяющих политическую экономию и экономическую историю: социально-политического положения непосредственных производителей, воздействия институтов и социального строя на благосостояние общества.

Историко-экономический материал широко использовал и немецкий экономист Ф. Лист в работе «Национальная система политической экономии» (1841). Историческое интегрируется у него в качестве идеи развития хозяйства. Определяются этапы экономической эволюции. Активно пропагандируется мысль о стимулировании процесса развития. Индустрия рассматривается как творческая самостоятельная сила. Вместе с тем подчеркивается существенная экономическая роль политических учреждений и моральных установок.

Особенно интенсивным был синтез историко-экономического и теоретического знания в «Капитале» К. Маркса. Историко-хозяйственный аспект имел здесь сложную структуру и выступал в форме критического использования материалов многочисленных историко-экономических работ, самостоятельных экскурсов, фрагментов и разделов, сравнительного анализа и т.д.

Примечательно, что в процессе творческого взаимодействия экономическая история выполняла функцию непосредственной трансформации историко-экономического знания в теоретическое путем анализа долгосрочных процессов, развивающихся в рамках хозяйственной системы, исторических аналогий, комбинированного подхода, ступенчатого анализа (от начальной историко-экономической информации к теоретическому обогащенному элементам исторического и на этой основе к анализу социальных процессов), постепенной трансформации исторического подхода в исторический метод.

Усилению творческих контактов экономической истории и теории способствовала также немецкая историческая школа в политической экономии. Ее виднейшие представители (В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс, Г. Шмоллер, Л. Brentано, К. Бюхер, В. Зомбарт и др.) выступили с критикой классической экономической теории. И хотя эта критика не всегда была объективной, она способствовала актуализации некоторых теоретических проблем и более внимательному отношению теоретиков к отдельным научным вопросам. Ряд историков, к примеру, выступали против универсальности экономических законов, открытых классиками. Они не могли поколебать теоретические выводы последних, но указали на временный характер законов, на возможность их изменения под влиянием изменяющихся условий. Таким образом, историческая школа в известной мере связала динамику историко-экономического развития с изменением содержания и сферы действия самих экономических законов. Релятивизм экономической действительности выступал как общее явление, объединяющее экономическую историю и теорию. Одновременно сторонники школы критиковали классиков за односторонность подхода к человеку, как эгоисту, который руководствуется

исключительно своим интересом. Они предложили более многосторонний подход, и он со временем был учтен виднейшими представителями экономической науки (А. Маршалл, В. Ойкен и др.).

Менее успешной была критика абстрактного метода классиков. Признавая в целом необходимость этого метода, историки выступали против засилья дедукции, указывая на необходимость повышения роли индуктивных методов, исходящих из историко-экономических фактов. Спор о методах закончился признанием необходимости и дедуктивных и индуктивных построений. За этим признанием скрывался небольшой, но существенный шаг на пути дальнейшего сближения экономической истории и экономической теории. Ее позиции усилились не только благодаря дискуссиям, но главным образом, благодаря трудам младшей исторической школы, возглавляемой Густавом фон Шмоллером. Она указала на необходимость исследования институтов, в частности, государственно-правовых органов, полностью осознала стимулирующую роль истории хозяйства по отношению к экономической теории. Не случайно Шмоллер с уверенностью заявлял: без экономической истории нет экономической теории. Вместе с тем была осознана и необходимость обратной связи. Положительным последствием стало и дальнейшее расширение историко-экономических исследований, особенно в таких странах, как Англия, Франция, Германия.

Немецкая историческая школа оказала определенное влияние и на выдающегося представителя западноевропейской экономической мысли, основателя «Кембриджской школы» Альфреда Маршалла (1842-1924). В его главном труде «Принципы экономической науки» историко-экономическое знание выступает в форме исторического подхода к явлениям и процессам экономической действительности [87]. Более того, главной целевой установкой исследователя становится анализ экономической динамики, т.е. механизма развития хозяйства. Реализация этой цели, кроме всех прочих преимуществ, закладывала основы дальнейшего творческого сближения экономической истории и экономической теории. Маршалл видит недостатки исторической школы, но с уважением относится к ее вкладу в исследовательскую практику. В своей работе он ссылается на труды Рошера, Шмоллера, Левассьера, подчеркивает необходимость и творческий характер взаимодействия историко-экономического и логического анализа. Его «Принципы экономической науки», в известной мере, служат образцом эффективности такой интеграции. В еще более яркой форме она представлена в его исследовании «Промышленность и торговля», где теория сочеталась с анализом борьбы ведущих европейских стран за индустриальное лидерство, развития форм организации бизнеса и другими историко-экономическими аспектами.

В последней четверти XIX в. в структуре производительных сил ведущих европейских государств произошли значительные изменения. Старая энергетическая база производства постепенно заменялась новой. На смену паровому двигателю пришел электродвигатель, двигатель внутреннего сгорания, паровая турбина. Появились новые отрасли (химическая, нефтедобывающая). Существенно изменились технологии в металлургии,

металлообработке, легкой, пищевой и других звеньях промышленности. Резко возросли масштабы производства. Более мощные и эффективные двигатели, наряду с конкуренцией, способствовали усилению концентрации производства, капитала и рабочей силы. Хозяйственные образования отдельных стран становились все более сложными и интегрированными системами. Это обстоятельство придало новое направление экономической мысли XX в. Под влиянием ускоренного, динамического развития общественного производства она все больше переходит от статических констатаций к исследованию динамики хозяйственных систем. Параллельный импульс исходил также от экономической истории. В 20-50-е годы появляются новые историко-экономические работы, посвященные детальному исследованию развития экономики европейских стран (Л. Брентано «История хозяйственного развития Англии» (1930); А. Бирни «Экономическая история Европы» (1930); В. Дорен «История хозяйства Италии» (1934); Е. Бааш «История экономического развития Голландии» (1949) и др.). Возникают историко-экономические товарищества, издаются журналы. В европейских университетах и в США читаются курсы экономической истории. Существенное влияние в этот и в последующий периоды на развитие научных исследований оказали историко-экономические школы Германии, Франции, США. Представитель немецкой школы Макс Вебер впервые исследовал связи духовного фактора (протестантской религии) с хозяйственной жизнью («Протестантская этика и дух капитализма», 1904). Историко-экономисты Франции активно изучали долгосрочные динамические процессы (Ф. Симиан «Экономические колебания на протяжении длительного периода и мировой кризис» (1932), Л. Лабрус – «Очерк динамики цен и доходов во Франции в XVIII веке», Ф. Бродель «Материальная цивилизация: экономика и капитализм XV-XVIII ст.» и др.). Долгосрочные циклы экономической конъюнктуры исследовали М.Д. Кондратьев и Й. Шумпетер. Представители «новой экономической истории» в США (А. Конради, Д. Мейер, Р. Фогель) продемонстрировали возможности использования теоретических моделей и связанных с ними статистических приемов. Почти одновременно с этими процессами началась реальная интеграция историко-экономических, теоретических и статистических знаний в фундаментальных исследованиях по экономическому росту США, Англии, Франции, Германии и других стран.

Особенности развития хозяйственных систем на рубеже XIX-XX веков и отражение этого процесса в экономической истории побуждали экономистов-теоретиков к углубленному изучению действительности.

Одним из таких исследователей был И.А. Шумпетер (1883-1950). Характерным признаком его творчества стало четкое понимание творческой роли экономической истории в теоретико-экономических исследованиях. Он подчеркивал, что предметом исследования этой науки является уникальный исторический процесс – процесс развития производства. Экономическая история, по его мнению, представляет собой не только основу теории, - она определяет на каждом данном этапе особенности экономического мышления, понимание взаимосвязей экономических и неэкономических факторов.

Широкий историко-экономический кругозор Шумпетера в значительной степени определил и методологию и содержание его произведений. В работе «Теория экономического развития» (1911) он отказывается от свойственного целому ряду теоретиков статического подхода к хозяйству и обращается к процессу развития экономической системы, дает характеристику его механизма. Шумпетер детализировал представление о внутрисистемных динамических изменениях, особо подчеркивая роль предпринимателя-новатора. В произведении «Экономические циклы» (1939) он продолжает исследовать динамику производства, дает объяснение циклов, указывая на волнообразный характер внедрения технико-технологических инноваций. Последние рассматриваются им как сущностный признак машинного производства. Таким образом, он стал одним из первых создателей инновационной теории экономического развития. По направлению и содержанию своих работ Шумпетер особенно близко стоит к проблематике предмета и метода современной экономической истории. Задача последней – интегрировать лучшее из его представлений о процессе развития хозяйственных систем.

В творчестве другого выдающегося представителя западноевропейской экономической мысли – Д.М. Кейнса (1883-1946) - историко-экономические знания также предстают необходимым и важным элементом исследования. В работе «Предмет и метод политической экономии» Кейнс отмечал, что экономическая история: 1) способствует обоснованию экономической теории; 2) обеспечивает иллюстрацию отдельных теоретических положений; 3) в необходимых случаях выступает в форме критики экономических теорий. Для самого исследователя особо важным оказался историко-экономический подход. Именно он сыграл определяющую роль в его критике классической экономической теории, которая, по его словам, «является особым случаем возможных состояний равновесия». Во введении к «Общей теории занятости, процента и денег» (1936) он пишет по этому поводу следующее: «Характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живем, и поэтому их проповедование сбивает с пути и ведет к роковым последствиям при попытке применить теорию в практической жизни» [88]. Кейнс рассматривает экономику и присущие ей процессы в их историко-экономической динамике. В связи с этим он указывает на один из существенных недостатков современной ему экономической теории, в построениях которой «часто кроется предположение о статическом состоянии» хозяйства, что «вносит в нее значительный элемент нереальности» [89].

Кейнсианское исследование макроэкономических проблем и понимание экономической роли государства, в свою очередь, создавали благоприятные предпосылки для широкой интеграции теоретического знания в экономическую историю.

Творческие взаимосвязи экономической теории и экономической истории прослеживаются и в трудах теоретиков неоллиберализма. Известно, что он возник в 30-х годах XX в. почти одновременно с кейнсианством. Неоллибералы выступали за либерализацию экономики, ведущую роль частной собственности, свободу предпринимательства, гибкое государственное регулирование. Одним

из видных представителей этого течения был Вальтер Ойкен – глава «Фрайбургской школы» (Германия). Главные идеи его труда «Основы национальной экономики» (1947) [90] восходят к историко-экономическим фактам и критическому восприятию идей немецкой исторической школы. Представления о различии и переплетении меновой централизованно-управляемой экономики сформировались на основе изучения экономической истории России, Германии, Парагвая, государства инков. Мысль Ойкена о регулирующей роли государства как главного арбитра в решении общехозяйственных проблем восходит к Ф. Листу и представителям немецкой исторической школы. С последней также тесно связана его теория хозяйственного порядка – совокупности форм, в которых протекает хозяйственная жизнь (порядки собственности и планирования, бюджета, денежного обращения, рынков, предпринимательства, внешнеэкономических связей). Понятие хозяйственного порядка выкристаллизовывалось в процессе критического анализа основных положений исторической школы и самостоятельных историко-экономических экскурсов Ойкена.

Вторым источником формирования данного понятия был всесторонне обоснованный тезис историков-экономистов (от Рошера до Шмоллера) о роли институционально-правовых условий в экономической жизнедеятельности общества. Если учесть, что теория хозяйственного порядка стала методологической основой концепции послевоенной трансформации германской централизованно-планируемой экономики в рыночную, социально ориентированную экономику, то творческое взаимодействие экономической истории и экономической теории предстанет в новой, небывалой ранее форме масштабных практических результатов.

Плодотворный союз историко-экономических и теоретических знаний прослеживается также в научном творчестве современного представителя «Чикагской школы» неоллиберализма, лауреата Нобелевской премии Милтона Фридмена (1912) [91]. Правильность его монетаристской теории была проверена при помощи историко-экономического исследования «История денежной системы США». Он был убежден, что ошибочность экономической теории могут доказать только историко-экономические факты. По этой же причине он подтверждал основные теоретические положения своей монетаристской теории историко-экономическими иллюстрациями. Его ученик Ф. Коган написал книгу о гиперинфляции в разных странах также на основе историко-экономических материалов. Историко-экономический подход М. Фридмена к процессам и явлениям экономической действительности способствовал утверждению релятивистского взгляда на экономическую теорию. Он подчеркивал, что именно глубокое понимание историко-экономического подхода, нацеленного на анализ процесса развития, привело его к разработке методологических проблем. Разработки эти отличались оригинальным подходом. В эссе «Методология позитивной экономической науки» М. Фридмен говорит о том, что теория объясняет многое малым, извлекая общие и решающие элементы. При этом в духе инструментализма он полагает, что исходные теоретические предпосылки могут быть относительно

далекими от действительности (допущение о чистой конкуренции, совершенной гибкости цен и др.), лишь бы они приносили результаты, выдерживающие эмпирическую проверку. Такой подход, в известной мере, сближается с контрафактическими моделями американского историка-экономиста Р. Фогеля. Но главное в том, что и антитезисы Р. Фогеля и инструменталистские приемы М. Фридмена заставляют нас думать о том, что эвристические подходы становятся все более необходимыми и что идея историков-экономистов Одесского государственного экономического университета о создании прикладного раздела экономической истории – историко-экономической эвристики – является важнейшей междисциплинарной проблемой.

Можно надеяться, что ее разработка совместными усилиями историков-экономистов, управленцев, специалистов, занятых в области экономической и отраслевой теории, статистического анализа, теории систем, принесет обнадеживающие результаты.

Все сказанное в настоящей главе позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Творческое взаимодействие экономической истории и экономической теории представляет собой долгосрочный, постепенно усиливающийся инверсионный процесс.
2. В ходе этого процесса, наряду с постоянной локальной интеграцией историко-экономических знаний, периодически осуществлялся их масштабный синтез (в теоретических разработках Ж. Тюрго, А. Смита, Р. Джонса, К. Маркса, В. Ойкена).
3. В общей экономической теории и отраслевых экономических науках экономическая история являлась носителем идеи развития материального производства, связанных с ним сфер и процессов, способствовала утверждению научного принципа развития.
4. Акцентируя внимание на основополагающей роли материального производства в жизнедеятельности общества, историко-экономические знания содействовали актуализации проблем экономической теории и текущей социально-экономической практики.
5. Исследование и обобщение историко-экономического опыта, его модифицированная интеграция в экономическую теорию содействовали объективизации, повышению уровня содержательности и внутренней интеграции теоретических знаний.
6. Выступая в форме историко-экономического подхода, а затем в форме исторического метода исследования, историко-экономические знания способствовали совершенствованию методологического уровня экономической теории.
7. Экономическая история оказывала определенное влияние на теорию и методологию принятия крупных хозяйственных решений (учет историко-экономического опыта 20-30-х годов XX в. послевоенной Германии).

8. По отношению к всеобщей экономической теории историко-экономические знания выполняли также следующие основные творческие функции:
- а) обоснования теоретических положений;
 - б) проверки истинности теоретических концепций и гипотез;
 - в) критики теоретических выводов;
 - г) определения границ действительности экономических доктрин;
 - д) стимулирования мыслительной активности теоретиков;
 - е) трансформации представлений о долгосрочных процессах, имеющих выход в современность;
 - ж) трансформации представлений о релятивности экономических явлений, процессов и теорий;
 - з) соучастия в формировании категориального аппарата;
 - и) постановки актуальных междисциплинарных проблем (немецкая историческая школа об исследовании институтов);
 - к) углубления знаний о процессе развития хозяйственных систем;
 - л) соучастия в формировании интегрированных форм экономического анализа (работы по экономическому росту США, Англии, Франции, ФРГ);
 - м) соучастие в формировании инновационных социально-экономических идей.

Следует отметить, однако, что до последнего времени малоизученность творческих связей экономической истории и экономической теории, а также неполнота представлений о творческих функциях историко-экономических знаний существенно сдерживали развитие исследуемого процесса. Наряду с усилением внимания к экономической истории в последние десятилетия имела место и обратная тенденция – пренебрежение историко-экономическими знаниями. Последнее способствовало углублению кризисных явлений в экономической теории, существенно задержало ее дальнейший прогресс.

Преодоление сложившейся ситуации в значительной степени связано с дальнейшим усилением творческих контактов экономической теории и экономической истории, формированием новых интегрированных методов исследования и новых форм знания. В связи с этим в экономической истории выдвигаются на первый план функции постановки актуальных междисциплинарных проблем и эвристически направленного исследования. Что касается междисциплинарных проблем, то среди них общими и первоочередными для рассматриваемых наук являются: проблема интеграции структурных уровней метода исследования (методологических установок философии, экономической теории, экономической истории, общенаучных методов); углубление трактовки процесса развития хозяйственных систем, отраслей, предприятий; разработка нового подхода к пониманию духовной составляющей экономического развития и формирование представлений о духовных производительных силах общества; постановка социально-экономических задач духовной реформации украинского общества как

необходимого условия трансформации его хозяйственной системы в экономику западного типа.

Необходимо отметить также, что информация, изложенная в настоящей главе для студента (экономиста, управленца), является не только введением в проблематику совершенствования экономической теории на основе интеграции историко-экономических знаний. Она свидетельствует о том, что экономическая теория является развивающейся, постоянно обновляющейся системой, что эта тенденция отражает изменчивость историко-экономической действительности. И в данных условиях духовная система будущего специалиста, включающая знания, мышление, умения и навыки, чувства и опыт, не может оставаться застывшей. Ее развитие и, в первую очередь, систематическое обогащение знания и мышления является первейшим условием повышения интеллектуальной конкурентоспособности. И здесь на первый план выдвигается самостоятельная научная работа. Освоив, к примеру, информацию данной главы, студент, аспирант, молодой ученый сделает вывод, что долгосрочный процесс взаимодействия экономической истории и теории был во многом стихийным, малоизученным, не регулируемым. И что в наше время, особенно в свете инверсионно-полевых представлений о развитии, ситуация меняется. Наступает новый этап осознанно-управляемой интеграции знаний, открывающий широчайшие перспективы опробования, интеллектуальных возможностей каждого заинтересованного исследователя.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Mtrkantylyzm i poczatki szkoly klasycznej. Wybor pism. – Warszawa; PWN, 1958. –с/94-102.
2. Там же. – С. 321, 325. 343. 351.
3. Вернадский И. Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX в. – М., 1849. – С. 54.
4. Петти Вильям. Экономические и статистические работы. – М.:Соцэкгиз, 1940. – С. 154-197.
5. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. – М.: Соцэкгиз, 1936. – С. 466.
6. Крандиевский С.И. Очерки по историографии экономической истории. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1964. – С. 45.
7. Beckman J. Beitrage zur Geschichte der Erfindungen, Bd.3, Leipzig, 1792, S.461-462; Bd.2, 1788, S.10-11; Bd.5, S.147; Paolo Rossi. Filozofowie i maszyny. – Warszawa: PWN, 1978, S.150.
8. Кенэ Ф. Избр. Экономические произведения. – М.: Изд-во соц-эк. литературы, 1963. – С. 37.
9. Там же. – С. 40.
10. Там же. – С. 41.
11. Там же. – С. 43.
12. Там же. – С. 146, 152-153, 157, 176-177, 202, 219.

13. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций: Пер. и комментарии А.А. Губера. – Л.: Госполитиздат, 1940. – С. 206-423.
14. Там же. – С. 225.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.26. – Ч.1. – С. 12.
16. Там же. – С. 27-28.
17. Всемирная история экономической мысли. – М.: Мысль, 1987. – Т.1. – С. 477.
18. Klemme M. Die volkswirtschaftlichen Anschauungen Dawid Humes. – Jena, 1902. – S.7-10.
19. Монтескье Ш. Персидские письма. – М.: Academia, 1936. – С. 222.
20. Там же. – С. 225.
21. Монтескье Ш. Избр. произведения. – М.: Политиздат, 1955. – С. 482-495, 498 и др.
22. Руссо Ж.Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми (1754) – Антология мировой философии. – М.: Мысль, 1970. – С. 561-565, 567-574.
23. Родоначальники позитивизма. – СПб., 1910. Вып.1. – С. 29-48, 51-55.
24. Там же. – С. 92-93.
25. Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. – М.: Наука, 1977. – С. 98.
26. Kautz J. Die geschichtliche Entwicklung National-Oekonomik und ihrer Literatur. – Wien, 1860. – S. 292.
27. Nielsen A. Die Entstehung der deutschen Kameralwissenschaft im XVII. Jahrhundert. – Jena, 1911. – S. 116.
28. Zincken G. Allgemeines oekonomisches Lexicon. – Leipzig, 1744. – S. 3241.
29. Даламбер. Очерк происхождения и развития наук. – Родоначальники позитивизма. – СПб., 1910. Вып. I. – С. 126.
30. DUBY G., Mandru B. Historia kultury francuskiej. Warszawa: PWN, 1967. – С. 369.
31. Czaplinski W., Gorski K. Historia Danii. – Wroclaw-Warszawa-Krarow: PWN, 1965. – С. 235-236.
32. Kirkland E.A. History of american economic life. New York, 1951. – P.179.
33. Экстракт Савариева лексикона о коммерции. – СПб., 1747. – С. 739-748.
34. Там же. – С. 151.
35. Рикар Ж.П. Торг Амстердамский. – М., 1762, 1763. – Ч.1, 2. – С. 10-16.
36. Татищев В.Н. Предложение о размножении фабрик. Исторический архив, 1957. – Т.7. – С. 407-409.
37. Татищев В.Н. Представление о купечестве и ремеслах. Избр. Произведения. – Л.: Наука, 1979. – С. 392-401.
38. Рейналь. Философская и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях. – СПб., 1805.
39. Таубе Ф.В. История об английской торговле, мануфактурах, селениях и мореплаваниях. – М.; 1783, - С. 183
40. Экстракт Савариева лексикона о коммерции. – СПб., 1747. Историческое предисловие. – С. 1-29.

41. Там же. – Основной текст. – С. 4-5, 23-84, 705.
42. Людовици К.Г. Начертание полной купеческой системы. – М., 1789. – С. 2.
43. Там же. – С. 36.
44. Там же. – С. 49-52.
45. Там же. – С. 121.
46. Фергюсон Ф. Опыт истории гражданского общества.– СПб., 1818. Ч.2. – С. 18-53, 54-81, 107-112, 113-146.
47. Там же. – С. 225-232.
48. Фергюсон Ф. Опыт истории гражданского общества.– СПб., 1818. Ч.3. – С. 7.
49. Schlozer A.L. Theorie der Statistik. – Gottingen, 1804. – S.56.
50. Там же. – С. 8.
51. Там же. – С. 86.
52. Эшли У.Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. – СПб., 1897. – С. 733.
53. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1961. – С. 18.
54. Там же. – С. 303.
55. Там же. – С. 301.
56. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1961. – С. 301.
57. Там же. – С. 138.
58. Там же. – С. 146, 164, 180, 187.
59. Там же. – С. 293, 298.
60. Там же. – С. 308.
61. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1961. – С. 534, 659.
62. Там же. – С. 149.
63. Там же. – С. 157.
64. Там же. – С. 472.
65. Большая Советская энциклопедия. – М., 1962. – Т. 2. – С. 991.
66. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1961. – С. 63,64.
67. Там же. – С. 77.
68. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1961. – С. 143-189.
69. Там же. – С. 143.
70. Kautz. Die geschichtliche Entwicklung der National-oekonomik und ihrer literatur. – Wien, 1860. – S. 549.
71. Там же. – С.627-639, 670.
72. Нерсесянц В.С. Гегель. – М.: Юридическая литература, 1979. – С. 47.
73. Сен-Симон. Избр. соч. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Т.1. – С. 402-407.
74. Там же. – С. 408-409.

75. Сен-Симон. Избр. соч. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Т.1. – С. 424.
76. Там же – Т.2. – С. 130-144.
77. Там же. – С. 152-153.
78. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. – М.: Госполитиздат, 1949.- С. 42.
79. Фурье Ш. Новый промышленный и общественный мир.– М.: Соцэкгиз, 1938. – Т.2 – С. 1-12.
80. Этьен де ла Боэси. Рассуждение о добровольном рабстве. – М.: АН СССР, 1952.
81. Чиколони Л.С. Социальная утопия в Италии XVII в. – М.: Наука, 1980.
82. Павлова Т.А. Джон Беллерс и английская социально-экономическая мысль второй половины XVII в. – М.: Наука, 1979.
83. Цитируется по кн.: Струве П.Б. Историческое введение в политическую экономию. – Петроград, 1916. – С.15.
84. Джонс Р. Экономические сочинения. – Л.: Соцэкгиз, 1937. – С. 27-130.
85. Там же. – С. 219.
86. Там же – С. 221.
87. Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993. – Т.1-3,
88. Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. – Классики экономической мысли. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – С. 480.
89. Там же. – С. 596.
90. Ойкен В. Основы национальной экономики. – М.: Экономика, 1995.
91. Фридмен М. Количественная теория денег. – Классики экономической мысли. – М.: Эксмо-Пресс, 2000.

Глава 6

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭВРИСТИКА И СОВРЕМЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Большинство проблем, исследуемых историко-экономической эвристикой, носят междисциплинарный характер. Диапазон их междисциплинарных связей весьма широк и включает, в частности, теоретико-методологические и практические аспекты современного управления. На него распространяется целый ряд инновационных функций эвристики, в том числе:

- трансформация научного принципа развития в форме представлений об инверсионных явлениях, процессах и полях в пределах динамических систем;
- обеспечение управленческих систем упреждающей информацией, способствующей принятию инновационных решений;
- интеграция новых представлений о человеке в теорию управления и формирование на этой основе инновационных вариантов самоменеджмента и современной корпоративной культуры;
- внедрение инновационной идеи проектирования инверсий, инверсионных полей, процессов и антипроцессов в развивающихся социально-экономических системах.

Трансформация представлений об инверсионных явлениях, процессах и полях в динамических системах, как уже отмечалось, существенно изменит структуру знаний о внутрисистемных механизмах развития. Инверсионность последнего станет основой существенных изменений в теории и методологии управления. Начиная с первых теоретических обобщений и до современных доктрин, управление оставалось индифферентным к научным представлениям о развитии хозяйственных систем, подсистем, процессов, претендуя между тем на их регулирование. Это нашло выражение в определенном самодовлеющем характере теории управления и его полной оторванности от теории развития управляемых объектов. Научные представления о развитии не были интегрированы в теорию настолько, чтобы обеспечить ее методологическую осведомленность о предмете исследования на таком уровне, чтоб он позволил создать надежный системный интегрированный метод управления, меняющийся с изменением управляемого объекта.

В этом свете все, что нам сегодня известно о функциях управления (планирование, организация, мотивация, руководство, учет, анализ и контроль), является опробованным, но односторонним представлением, которое с ускорением изменений в экономической действительности, будет все больше терять способность реагировать на процесс развития, закономерности которого ему не известны. В этих условиях обогащение теории управления теоретическими знаниями о механизмах процесса развития управляемых структур да и самих функций управления является актуальнейшей проблемой, имеющей непосредственный выход в современную социально-экономическую

практику. Историко-экономическая эвристика, таким образом, способствует постановке, а в известном смысле и решению этой инновационной проблемы. Что касается обеспечения управленческих систем упреждающей информацией, то эта проблема уже затрагивалась в предшествующих главах. Сейчас, в первую очередь, необходимо сделать ударение на маргинальных, качественных изменениях инверсионного характера. Именно эти достатистические изменения могут трансформироваться с течением времени в отрицательные процессы и поля с большими социально-экономическими последствиями. Перед современной теорией и практикой управления стоит задача разработки и использования конкретной методики обнаружения маргинальных изменений на ранних стадиях возникновения и определения их потенциального варианта превращений в процессно-полевые структуры. Предварительная информация, полученная на этой основе, позволит обогатить теорию и практику управления, будет способствовать выработке инновационных решений. Аналогичная информация может быть получена и при исследовании процесса формирования негативных инверсий. И здесь на помощь управленцам-теоретикам приходит историко-эвристическая трактовка инверсии, включая ее простейшую модель. Но это только начальный шаг, первый импульс. Перед управленцами и в данном случае стоит задача углубления теоретических представлений до такой степени, чтобы они позволили определять начальные стадии формирования инверсий, их характер, масштаб, полевые последствия. Это, безусловно, не простая задача. Но именно ее решение существенно расширит и теоретические и практические возможности управления. Упреждающая информация может быть получена и на основе уже существующих теоретических представлений о видах инверсий. Правильное определение вида обнаруженной инверсии разветвления уже дает основание говорить о будущем превращении процесса в устойчивое поле, которое, в свою очередь, может вызвать производные инверсии.

Мощным инверсионным фактором в теории и практике управления может стать интеграция историко-эвристического представления о человеке. Разработка витаграммы человека (о чем говорилось в предшествующих главах), а также ее подробной теоретической интерпретации открывает возможность формирования самоменеджмента личности. При этом возможен вариант его тесной взаимосвязи с корпоративной культурой. Последняя, в свете историко-эвристических прогнозов нынешнего времени, должна подняться до уровня осознанных духовных производительных сил производственного коллектива с синергетическим эффектом регулирования. На этой стадии каждый член коллектива с его творческим самоменеджментом является кластерным звеном, время от времени посылающим творческие сигналы соседним звеньям, стимулирующим их деятельность.

Интеграция человека в теорию и практику менеджмента, ориентированная на повышение его интеллектуальной конкурентоспособности и гуманистического потенциала, обещает социально-значимый переворот не только в локальных организациях, но в обществе в целом. Но для того, чтобы этот переворот стал необратимым, по мнению историков-экономистов,

необходима духовная реформация. Воплощение этой объективно назревшей инновационной идеи в управлении связано с формированием совершенно нового элемента его структуры – менеджмента духовных производительных сил. Он будет представлять собой сложное образование, в состав которого войдет менеджмент духовных производительных сил личности, семьи, организации, гражданского общества, управленческой элиты, науки и образования. Его формирование предполагает инверсионное соединение знаний целого ряда наук, психологии, историко-экономической антропологии, теории человека, теории динамических систем, социологии. Это уже сегодня требует ускоренного развития интеграционных процессов в науке. И здесь предлагаемое историками формирование исследовательских кластеров может сыграть существенную роль. Особо актуальным направлением решения рассматриваемой проблемы является разработка новых теоретико-методологических основ управления наукой и образованием. Все более усиливающиеся инверсионные взаимосвязи между развитием науки об образовании, с одной стороны, и общества с его производительными силами, с другой – подсказывают, что сердцевиной этих теоретико-методологических основ должны стать представления об инверсионности процесса развития и связанных с ним эвристических форм мышления. Это в свою очередь еще раз напоминает о том, что теория современного менеджмента не может отмежевываться от этих тенденций. Для того, чтобы успешно выполнять свои традиционные функции, и тем более функции управления высокоподвижными духовными силами общества, она обязана интегрировать инверсионные представления в структуру своей теории и практики.

Реализация идеи духовной реформации постсоветского общества и управление его духовными производительными силами предполагает также разработку и применение специальных гуманитарных технологий. Основными их авторами могут стать управленцы, использующие помощь психологов, социологов, специалистов по теории человека. Их совместными усилиями будут созданы специальные центры духовного обновления личности, семьи, организации, управленческой элиты, лидеров гражданского общества. Формирование таких бизнес-центров постепенно создаст особый сектор в структуре рыночной экономики, действующий по ее принципам, но нацеленной на совершенствования качества населения.

В свете этого теоретико-методологические требования к проектированию гуманитарных технологий должны быть особо жесткими. Представляется необходимым уже сейчас начать широкую подготовку к разработке курсов «Проектирование и реализация гуманитарных технологий» в вузах и на факультетах управленческого профиля. Ближайшей сферой применения этих технологий поначалу станут сами гуманитарные вузы и школы. На втором этапе они могут быть опробованными в организациях и структурах институционального характера. Третий этап охватит семью, бизнес-элиту, управленческий корпус и элиту гражданского общества. Следует подчеркнуть, что основой гуманитарных технологий остаются те же инверсии, дополненные эвристическими подходами и опирающиеся на эвристические формы

мышления. Решение рассматриваемой проблемы, безусловно, потребует эвристических решений в части организационных структур и методов управления данным процессом. И над этой проблемой современным управленцам следует задуматься уже в настоящее время, привлекая особо одаренных преподавателей управленческих вузов. Управление духовными производительными силами человека, семьи, организации, элиты, кроме разработки гуманитарных технологий, потребует и проектирования самих инверсий, инверсионных полей, процессов и антипроцессов. Современное управление не может обойтись без этих технологий. Ближайшей задачей управленцев в данном случае является разработка научных методик такого проектирования. Современные подходы к изменению, совершенствованию окружающей нас инверсионной действительности не могут основываться на старой, полуволюнтаристской, фрагментарной методике решения проблем. Что касается целей и содержания проектируемых инверсий, то они отличаются большим разнообразием. Наиболее востребованными из них могут стать инверсии сублимации отрицательной социальной энергии, накопившейся в обществе. Актуальными в наши дни остаются также инверсии несилового решения этнических конфликтов и преодоления терроризма. В современной борьбе с последним используются силовые приемы, навязанные самим экстремизмом. Инверсионный подход ставит задачу по-иному: преодолеть явление с помощью интеллектуальных эвристических методов. При этом последние разворачиваются в поэтапный инверсионный проект, где каждая инверсия имеет свое поле последствий, где формируются производные инверсии, оказывающие в совокупности аннигиляционное влияние на негативные образования.

Инверсионное проектирование может использоваться также в конкурентной борьбе. Особо важным аспектом его применения является борьба с экономической, культурной, этнической агрессией. Система специально спроектированных управляемых инверсионных полей может не только противостоять подобной агрессии, но парализовать и обезопасить механизмы ее осуществления. Историки-экономисты уже сделали существенный шаг в этом направлении. Мы имеем в виду контрфактический подход известного представителя новой американской историко-экономической школы Р. Фогеля. Исследуя процесс развития железнодорожного строительства в США, он поставил следующий инверсионный вопрос: что было бы, если бы развитие транспорта пошло в другом направлении? Такая постановка и разработка вопроса вызвала возражение ряда историков-экономистов. Но в результате альтернативного исследования

- а) удалось оттенить и конкретизировать некоторые стороны реально развивающегося процесса;
- б) приобрел особую актуальность вопрос о возможной многовариантности развития историко-экономических процессов;
- с) был осуществлен первый исследовательский опыт применения инверсионного подхода в экономической истории.

Кроме того, контрфактический подход Р. Фогеля косвенно акцентировал внимание исследователей на взаимосвязанных контрпроцессах, специализации и диверсификации производства, разделении труда и объединении работ, конкуренции и слиянии конкурировавших фирм и т.д. Присматриваясь к ним, мы обнаруживаем, что кроме естественно возникающих в ходе технического прогресса переходов, есть процессы, которые сознательно проектируются людьми как противоположность развивающимся процессам. Примерами могут служить религиозная реформация и контрреформация, мероприятия американского президента Г. Трумена, направленные против расширения советского влияния на ряд бывших колоний и т.д. Таким образом, проектирование антипроцессов – хоть и редко встречающийся, но все же реальный факт. Пришло время его осмысления и ускоренной интеграции как в экономической истории, так и в менеджменте. В истории хозяйства этот вопрос тесно связан с качественным превращением процессов до уровня полной противоположности. В связи с этим встает проблема выяснения его механизма, обогащения методики историко-экономического анализа. Проектирование антипроцессов целесообразно здесь по следующим причинам: совершенствования методологии исследования; разработки альтернативных вариантов развития, имеющих выход в современность; исследования качественного преобразования долгосрочных процессов. Материалы таких исследований будут полезны менеджменту. Но и в самой теории и практике управления проектирование антипроцессов в целях корректировки развития, устранения аномалий и надвигающихся катастроф, надо думать, получит широкое распространение. А постижение механизма качественных превращений долгосрочных процессов будет способствовать совершенствованию методологии и практики принятия управленческих решений. Но в действительности существуют не только антипроцессы, но и процессы-композицы, возникшие вследствие соединения ранее несоединимого (объединение ранее конкурировавших фирм, создание творческого коллектива из специалистов разных отделов и т.д.). Исследования этих процессов – важнейшего аспекта современной истории хозяйства превращают ее в поле эвристического поиска для менеджмента.

Обнаружение такого рода процессов, их классификация, исследование, познание методологии регулирования даст богатый материал для управленцев-теоретиков и практиков. При этом неожиданные на первый взгляд, далеко отстоящие от современности явления могут существенно стимулировать активность мышления, расширить спектр аналогий и неординарных подходов. Приведем несколько примеров. До XVIII в. в Англии травосеяние и сев зерновых, как правило, были обособленными процессами. В XVIII в. мы встречаем здесь следующий композиционный вариант: зерновые высеваются вместе с травами. Последние растут медленней. Созревшие колосья срезаются, стебли вместе с травой образуют комбинированный корм для животных. Процесс-композицы в данном случае характеризуется определенным изменением качества структуры и повышением эффективности. Интерес могут вызвать и композицы вкрапления. Например: повышение удельного веса

провинциалов в структуре управленческой элиты последних веков Римской империи отрицательно сказалось на качестве управления. В ряде средневековых итальянских цехов существовала должность «иноземного» чиновника, осуществлявшего эффективный контроль качества продукции. В Османской империи практика назначения иноверцев на отдельные высокие должности была одной из мер борьбы против клановости и чрезмерного влияния феодальных группировок.

Уже эти, взятые из историко-экономической практики примеры наводят на такие мысли:

1. Процессы-компози́ты издавна спорадически использовали в социально-экономической и, в частности, в управленческой практике.
2. Они могут вызывать существенные качественные изменения локального и общесистемного характера.
3. Позитивно-результативная часть данных процессов свидетельствует о конструктивной роли симбиоза (соединение ранее не соединимого) в социально-экономическом развитии. Исследование этой стороны проблемы может сыграть существенную роль в регулировании социально-напряженных ситуаций, в решении экономических, экологических, этнических конфликтов. Областью их применения, в частности, станет и управление трудовыми ресурсами в организациях.
4. В связи с этим уже сегодня понятие «процессы-компози́ты» требует теоретического осмысления и включения в понятийный аппарат теории управления.
5. В теории и практике управления проектирование процессов-компози́тов следует рассматривать как одно из перспективных направлений совершенствования менеджмента. Разработка основ этого проектирования – еще одна ближайшая задача управления.

Все сказанное дает основание также сделать вывод о том, что целый ряд новых подходов, понятий, представлений, предложенных историко-экономической эвристикой, могут быть интегрированы в теорию управления инновациями. Интеграция теоретических представлений об инверсиях, инверсионных полях, процессах, компози́тах и антипроцессах даст целый ряд существенных преимуществ:

1. И теория и практика управления будут располагать научно обоснованным представлением о механизмах формирования новшеств их производных и отдаленных последствиях и взаимосвязях.
2. Теория инверсионно-инновационных полей позволит регулировать взаимосвязи инверсий в пределах корпораций, отраслей, регионов.
3. Научное проектирование инверсий, инверсионных полей и производных процессов будет определяющей формой инноваций.
4. Инверсионный подход станет основой совершенствования институциональной среды.
5. На этой же основе ускорится формирование правовой базы, содействующей инновациям.

6. Инновационная политика государства станет более комплексной, обоснованной и результативной.
7. Иницилируемая гуманитариями духовная реформация повысит спрос на инновационную продукцию и инновационные услуги духовного характера и станет одним из существенных стимулов развития теории и практики инверсионных преобразований.
8. Теория инверсий, инверсионных полей и процессов будет способствовать развитию базы знаний – фундаментальной основы инновационных процессов, их теории и практики внедрения.
9. Инверсионный подход станет одной из основ деятельности формирующихся инновационных систем и фундаментом генерирования новых идей.

Следует отметить, что интеграция инверсионного подхода в теорию и расширение инноваций, наряду с прочими аспектами, требует особого внимания к тем инверсиям, которые начинаются с упомянутых маргинальных изменений. В историко-экономической эвристике делается ударение на постепенном изменении всякого качества. Его внутренняя структура и внешние функции могут изменяться под влиянием функционирования, внутренних сдвигов, изменения внешней среды, появления конкурирующих качеств и т.д. Эти маргинальные изменения могут быть как деструктивными, так и положительными. В большинстве случаев наблюдаются стихийные, нерегулируемые или слабо регулируемые перемены. Что же касается положительных маргинальных изменений в уже сформировавшемся, функционирующем образовании, то ему, как правило, не придается большого значения. Между тем на этой основе может быть не только удлинено функционирование объекта, но также существенно улучшены его свойства и увеличен срок его конкурентоспособности. Инверсия маргинального типа способствует улучшению качества и, в частности, совершенствованию стандартов производимой продукции. Этот факт полностью подтверждается современной японской практикой. Имаи Масаки в книге «Кайдзен – ключ к успеху японских компаний» (М.: Прогресс, 2004) пишет как раз об этом. В японском промышленном производстве инновация не рассматривается как единовременный акт. Там понимают, что она постепенно теряет свои преимущества. Чтобы затормозить этот процесс и поддержать конкурентоспособность товара, японцы постоянно улучшают его. Аккумуляция таких микросовершенствований дает положительный эффект. Это еще раз свидетельствует о том, что инверсионный подход и, в частности инверсии маргинального типа, могут найти широкое применение не только в теории и регулировании производственных, но и целого ряда иных инноваций. Речь идет о системе образования, научных исследований, институтов, социальных движений, гуманитарных технологий и т.д.

Существенное обновление теории и практики регулирования инноваций связано с осознанием значимости и эффективности проектируемых инверсионно-инновационных кластеров. В современной социально-экономической практике тенденции к их созданию уже просматриваются.

Немецкие ученые, к примеру, выдвинули идею такой организации производственных коллективов, в которых продукция и отходы каждого из звеньев производства дорабатывались бы в рамках замкнутой цепи предприятий, снижая издержки и повышая ее экономико-экологический и социальный эффект. Отдаленные прообразы таких коллективов в отдельных отраслях промышленности существовали уже давно. Речь идет о новом, межотраслевом, общехозяйственном этапе их развития. Отдельные варианты таких образований уже существуют. В наши дни кластеры, объединяющие производство, науку, местную региональную власть, становятся все более распространенным явлением. Их инновационную сердцевину образуют научные подразделения. Обобщение опыта функционирования и развития кластеров крайне необходимо для обновления теории и процесса регулирования инноваций. Но проектируемые инновационные кластеры представляют собой нечто иное. Речь идет не только о специальном научном проектировании, которое осуществляют особые научные подразделения, а о его целевой направленности. Его задача – проектирование взаимосвязанных и взаимоусиливающих инновационных инверсий в регионах, системе институтов, гражданского общества, внутренней и внешней торговли, в сфере экономической безопасности, борьбы с терроризмом, регулирования социальных и этнических конфликтов и т.д. Теоретические основы и детальную методику такого проектирования предстоит разработать совместными усилиями экономистов, управленцев, социологов и представителей других наук. Междисциплинарный подход, таким образом, становится все более необходимым. Но свою предварительную версию кластерного проектирования для последующего междисциплинарного обсуждения и доработки управленцы могут разрабатывать уже сейчас. Следует подчеркнуть, что коллективное решение поставленной проблемы и сам характер работы, делают актуальной кластерную организацию научных разработок, т.е., еще раз подтверждают один из выводов историко-экономической эвристики о специфике организации современной науки.

Итак, все сказанное в этой главе позволяет, на наш взгляд, сделать следующие основные выводы:

1. Инновационные функции историко-экономической эвристики распространяются на теорию и практику управления, способствуя их дальнейшему совершенствованию и развитию. В частности, открываются возможности расширения и углубления трактовки основных принципов менеджмента.
2. Историко-экономическая эвристика открывает возможности существенного пополнения управленческих систем информацией упреждающего характера, что может повысить эффективность принимаемых управленческих решений.
3. Историко-экономическая эвристика ставит перед современным управленцем проблему разработки менеджмента духовных производительных сил человека, семьи, организации, элиты гражданского общества и государственных органов управления.

4. С историко-экономической эвристикой непосредственно связана и перспектива обогащения теории и практики менеджмента представлениями об инверсиях, инверсионных полях, процессах и антипроцессах. Особо существенной задачей является их управленческое проектирование.
5. Историко-экономические представления об инверсиях, инверсионных полях, антипроцессах и процессах-композициях могут обогатить также теорию и практику управления инновациями. Одной из перспективных форм инновационного управления, внедрением новшеств станет проектирование инверсионных кластеров.